

**Министерство науки и высшего образования РФ
РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)**

на правах рукописи

Дзюба Любовь Михайловна

**ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА**

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация

**на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

**Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор В.В. Попов**

Ростов-на-Дону, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО - ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ	21
§ 1. Концептуально – семантические аспекты.....	21
§ 2. Феномен темпоральности.....	44
§ 3. Конструирование темпоральности в современном социально-философском дискурсе.....	72
ГЛАВА 2. ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА	105
§ 1. Социальное время в структуре субъективного времени и интерпретации современного социума.....	105
§2.Темпоральные референты в альтернативности сценариев трансформирующегося социума.....	126
§ 3. Интерпретация трансформирующегося социума и темпоральные структуры	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
ЛИТЕРАТУРА	181

Введение

Актуальность диссертационного исследования. В современной социально-философской литературе наблюдается определенная активность в рассмотрении категории субъективного времени в корреляции с категорией темпоральности. Причем дискурс идет не просто об интегральном исследовании категории времени и о его соотнесении с динамическими понятиями и категориями. Заметим, что в литературе нет единства в понимании таких понятий и категорий и, тем более, применении их при анализе динамики социальной действительности. Между тем, проблема существует и имеет историко-философские корни. Однако весьма затруднительно обозначить философскую школу или направление, где бы в систематическом виде использовались динамические категории. Вопрос и в том, что под такими понятиями и категориями понимать? Давно возникла необходимость в упорядочивании динамических понятий и категорий, создание многоуровневой динамической системы, в которой бы адекватно отобразились истинные и корректные отношения между всеми концептами, имеющими отношение к отражению социальной реальности во всем ее многообразии, с учетом различных связей, взаимодействий и взаимоотношений между динамическими понятиями и категориями. Подобная динамическая система, безусловно, будет включать в себя темпоральность, так как любые процессы немислимы без фактора времени. И, конечно, ядро подобной системы будут образовывать семантические ряды динамических концептов.

Актуальным является раскрытие сущности феномена темпоральности, который употребляется в различных аспектах, в этой связи уместна демонстрация соотношения субъективного времени и темпоральности, выявления диалектики субъективного и объективного времени в корреляции с отображением, пониманием и интерпретацией трансформирующегося социума.

Значимость и актуальность работы заключается в выявлении и исследовании различных уровней субъективного социального времени, с прагматических позиций выявления интерпретационных особенностей социального субъекта по отношению к социальным трансформациям в современном социуме. Актуальность определяется и тем, что в литературе идет дискуссия относительно исследования и представления различных версий социального бытия и, соответственно, сущность реального человеческого существования будет реализовываться именно в настоящем времени. В этой связи продемонстрировано, что на приоритетное место выдвигается категория субъективной деятельности социального субъекта и она включает в себя память относительно прошлого времени и тех тенденций и альтернатив, которые социальным субъектом направлены в будущее время.

Значимым и актуальным представляется установление того, что переживание субъектом своего собственного времени коррелирует с проживанием им этого времени, с теми ментальными образами, которые у него возникают, с воображением, с внутренними чувствами, с внутренним опытом.

Весьма важным и актуальным исследованием представляется работа в направлении соотнесения категории темпоральности с другими темпоральными референтами, что позволяет не только более четко обозначить теоретико-познавательное поле обсуждаемых вопросов, но и определить оригинальные сегменты данного исследования. Представляется, что синтез субъективного времени с категорией темпоральности относительно интерпретации трансформаций, тенденций и альтернатив социального развития является малоразработанной темой.

Степень разработанности темы исследования. Различные аспекты субъективного времени привлекали ученых различных философских школ. При этом исследования в современной отечественной литературе также не отличаются поиском приоритетного направления в рамках изучения общей проблемы. При этом неправомерно утверждать и то, что наблюдается особая

научная активность, несущая определенный вклад в развитие темы. Отдельные, оригинальные и весьма полезные наработки имеются и в отечественной, и в зарубежной философской литературе. И вполне справедливо на приоритетные роли выходят те философы, которые заложили теоретический фундамент и представили конкретные исследования по данной проблематике. Это, конечно, А. Бергсон, Д. Беркли, Н.А. Бердяев, М. Вебер, Г.В.Ф. Гегель, Э. Гидденс, А. Грюнбаум, Э. Гуссерль, В. Дильтей, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, И. Кант, С. Кьеркегор, Г. Лейбниц, М. Аврелий, И. Пригожин, Ж-П. Сартр, Г. Спенсер, А. Тойнби, И.Г. Фихте, М. Хайдеггер, А. Шюц, Д. Юм.

Различным моментам понимания сущности социального аспекта субъективного времени посвятили свои работы К.А. Абульханова, А.Л. Алюшин, Т.Н. Березина, Т.А. Антипов, А.М. Анисов, В.А. Артемов, И.В. Бестужев-Лада, Х. Л. Борхес, П. Я. Данилевский, И.А. Дискин, В.Я. Гельман, А.И. Жмайло, Т. Зелдин, Р. Зидер, Н.И. Лапин, В.А. Лекторский, А. Ю. Мельвиль, М. Н. Руткевич и др.

Методологические аспекты отражены в исследованиях Г. Гадамера, Т. И. Заславской, Г. Зиммеля, С.А. Зубенко, Г.В. Колодко, Т. Куна, В.Ж. Келле, И. Лакотоса, К.Х. Момджяна, Ф. Ницше, К. Поппера, В. С. Степина.

Базисные подходы к отражению диалектики субъективного времени и интерпретируемых социальных трансформаций исследованы в работах В. Б. Агранович, З.Т. Голенковой, Е.Н.Даниловой, В.Л. Иноземцева, Т. Карозерсом, Б. Г. Капустина, Ч.К. Ламажаа, Я. Ю. Ляховой, Т. П. Наймановой, Л. Г. Олеха, П.В. Ополева, С. Н. Пашкова, В.П. Плосконосова, К. Поланьи, В. В. Попова, М.Н. Руткевича, И.С. Семененко, Л.П. Станкевича, А. А. Трунова, Е. А. Тюгашева, М. В. Удальцовой, М. В. Ушаковой, М.Н. Федотовой.

Синтез субъективного времени и адекватной интерпретации социального развития отражен в исследованиях: В.Б. Агранович, Н.С. Автономовой, Т.В. Анохина, А. М. Анисова, Е. И. Башкирова, А. А. Булыгиной, А. П.

Вардомацкого, М.Ю. Горбунова, Э. Дюркгейма, Р. Инглхарта, Р.А. Кораблинова, Е. В. Куракиной, Я.Ю. Ляховой, В. Г. Федотовой.

Исследованием трансформирующегося общества занимались Ф.И. Атмурзаева, Ф. Артог, В. П. Бранский, Х.Л. Борхес, В. В. Василькова, В. Вайдлих, К. Х. Делокаров, О.И. Ивонина, С.П. Капица, Е. Н. Князева, А.С. Карпенко, С. П. Курдюмов, Г. Люббе, С. Б. Переслыгин, В.В.Попов, И. Пригожин, Л.П. Репина, Г. И. Рузавин, М. Г. Федотова и др.

Различным аспектам фактора темпоральности в исследовании структурных особенностей и становления социальных трансформаций уделили внимание: Н.В. Аверина, Ф. Артог, Т.А. Алексина, Е.И. Башкирова, И. Валлерстайн, В. Вайдлих, Г. Х. Вригт, М.В. Грановская, Д. Ю. Дорофеев, Е.М. Дубовская, А. М. Жаров, А.И. Жмайло, Г. Зиммель, В.Л. Иноземцев, А.С. Карпенко, Д.В. Ковтунова, Н. Луман, К. Манхейм, В.В. Попов, И.Н. Самойлова, Л. Стоун.

Приведенная литература в основном отражает состояние разработанности проблемы темпоральности в контексте интерпретации трансформирующегося социума, конечно, неумышленные пропуски возможны.

Объект исследования: темпоральность в социально-философском дискурсе.

Предмет исследования: темпоральность как феномен субъективного времени в контексте интерпретации трансформирующегося социума.

Цель исследования: выявить роль, значимость и уровни темпоральности в контексте трансформирующегося социума.

В работе решаются следующие задачи:

- выявить концептуально-семантические аспекты темпоральности, показать соотношение субъективного времени и темпоральности;
- исследовать феномен темпоральности, выявить структурные уровни рассмотрения и понимания темпоральности в субъективном времени;

- показать конструирование темпоральности в современном социально-философском дискурсе, продемонстрировать, что любая версия социального существования будет реализовываться именно в делящемся настоящем времени;

- раскрыть корреляцию темпоральности и социального времени в структуре субъективного времени и интерпретации современного социума, показать, что переживание субъектом своего собственного времени соотносится с проживанием им этого времени;

- представить темпоральные референты в альтернативности сценариев трансформирующегося социума, исследовать интерпретационные особенности субъективного времени субъекта в интерпретации социального развития;

- рассмотреть интерпретацию трансформирующегося социума в рамках темпоральных структур, доказать, что реализацию социального бытия человека наиболее рационально изучать посредством ступеней осознания им своих возможностей.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в обосновании теоретико-методологических основ темпоральности в контексте интерпретации трансформирующегося социума, в раскрытии ее значимости и смысла в концептуальном теоретико-познавательном поле современной социальной философии. Содержательно, научная новизна диссертации состоит в следующем:

- выявлены концептуально-семантические аспекты темпоральности, изучена диалектика субъективного и объективного времени в корреляции с отображением, пониманием и интерпретацией трансформирующегося социума, показано соотношение субъективного времени и темпоральности;

- раскрыта сущность феномена темпоральности, выявлены структурные уровни рассмотрения и понимания темпоральности в субъективном времени, показано соотношение субъективного времени и темпоральности, их концептуальные особенности при интерпретации социальных процессов;

-показано конструирование темпоральности в современном социально-философском дискурсе, доказано, что любая версия социального бытия и, соответственно, сущность реального человеческого существования будет реализовываться именно в длящемся настоящем времени;

-раскрыта корреляция темпоральности и социального времени в структуре субъективного времени и интерпретации современного социума, исследовано, что переживание субъектом своего собственного времени коррелирует с проживанием им этого времени, с теми ментальными образами, которые у него возникают: воображением, внутренними чувствами, внутренним опытом;

-представлены темпоральные референты в альтернативности сценариев трансформирующегося социума, исследованы особенности субъективного времени субъекта в интерпретации социального развития, в раскрытии различных версий социального бытия;

-рассмотрена интерпретация трансформирующегося социума в рамках темпоральных структур, доказано, что реализацию социального бытия человека наиболее рационально изучать посредством ступеней осознания им своих возможностей в рамках жизнедеятельности и такие ступени осознания на шкале времени удобнее всего связать с интервалами времени.

Исходя из указанных пунктов научной новизны на защиту выносятся **следующие положения:**

1. Темпоральность - это есть временность, относительно которой происходит интерпретация и понимание бытия. Темпоральность рассматривается как своеобразное проживание и переживание временности и интенциональности субъективного в само бытие в реальности, темпоральность представляется особенностью и параметром самоотнесения внутри комплекса событий, то есть темпоральность предстает в качестве сущности по отношению к явлениям, формируя их динамические характеристики. Поэтому в рамках диалектики материального и духовного фактор темпоральности необходим не только для определения уровней и моментов преобразования

объективного материального мира, но и как самоосмысление переживания и проживания субъективного мира. Темпоральность лежит в основе человеческого переживания динамики социальной реальности. Принимая, что в основе субъективного опыта по переживанию реальности находится именно темпоральность, возникает определенная модель такой темпоральности. Это модель, направленная на объективистские процессы, представит модели, направленные на интенциональность и на состояния. С учетом содержания и результатов субъективного и объективного имеем модели абсолютной темпоральности и темпоральности интервалов. Подобное деление выведено из субъективного восприятия социальных процессов. Когда к таким процессам относятся социальные трансформации, следует учитывать не только коллизии в субъективном опыте, но и неоднозначное восприятие социальными субъектами нестабильности социальных процессов. Появляется нечеткая темпоральность, связанная с характеристиками расплывчатости, неопределенности, субъективности, бессмысленности. Поэтому такое моделирование в рамках субъективного опыта трансформируется в пару относительная-абсолютная нечеткость. Темпоральная структура человеческого сознания включает разноплановые базисные взаимосвязанные особые подсистемы: модель реального объективного времени и ментальное время. Ментальное время правомерно представляет собой некоторую особую форму образного существования социальных событий в человеческом сознании, относительно которых социальный субъект переживает само течение времени. В этом случае под моделью исследуемого объективного времени понимается некоторая фундаментальная структура человеческого сознания, обеспечивающая адекватное представление по отношению к объективному времени.

2. Темпоральность, как субъективный опыт человека, выходит на приоритетные позиции, когда, наступают серьезные кризисы в обществе и социальный субъект, который обладает темпоральностью как опытом, не всегда способен отчленивать, проимитировать, осмыслить и понять значимость и

актуальность того момента, который он переживает и если он непосредственно относится к тем кризисным изменениям, которые происходят с самой темпоральностью, соответственно, у него возникает неопределимое желание каким-то образом попытаться, пусть ментально, но затормозить время, то есть, фактически, вернуться к первичному образу жизни. Такие коллизии, связанные с изменениями в сознании самих людей, определяются тем кризисом, который возникает в его внутренней темпоральности, потому что различные темпоральности никак не будут сопоставляться ни по темпам, ни по интенсивности, ни, тем более, по векторам развития. Своеобразная элиминация из обычного темпа темпоральности выражается не только какими-то временными неудобствами или потерей того или иного комфорта, в данном случае, дискурс идет и о более серьезной проблеме, например, о духовной катастрофе, то есть темпоральность, как социальный опыт, предстает перед человеком как темпоральный разлад, который нуждается в том, чтобы он, дал возможность человеку каким-то образом осознать эту духовную катастрофу, либо, по крайней мере, уберечься от того страха, который она будет нести.

Неопределенность темпоральности весьма относительна к тем периодам кризиса, к тем переходным состояниям, относительно которых может рассматриваться не только сама человеческая судьба, но и весь комплекс целого ряда индивидуальных человеческих судеб. Безусловно, не следует преувеличивать значение неопределенности, однако следует отметить, что нестабильность - это ее одна из главных характеристик и она существует в рамках определенного социального поля, в котором разворачивается комплекс предшествующих и последующих событий. Представление о социальном поступке, в какой-то мере покрывает эту неопределенность, придавая ее структуре определенные очертания событий. В этом случае приоритетным является то, что элиминация определенных субъективных проблем, связанных с послаблением неопределенностей, выступит как креативность социального субъекта и включение его продуктивного воображения, когда он правильно выстроит порядок версий социального бытия и примет именно ту версию,

которая не только способна вывести из кризиса, но и быть абсолютно адекватной для решения проблем длящегося настоящего времени, это весьма корректно и по отношению к концепциям социальных версий бытия.

3. Социальные трансформации несут в себе преобразования, кризисы, противоречия и многое другое, что объединяется под концепцией философии нестабильности. Внутренняя человеческая темпоральность в различной форме и разной степени у каждого социального субъекта непосредственно отражает эту нестабильность, оценивает ее, интерпретирует. У человека складывается понимание процессов, происходящих в объективной реальности. Характеристики кризисности и противоречивости, которые несут социальные трансформации, активизируют предметно-практическую деятельность человека, заставляя его искать новые формы и способы адекватного описания не только нестабильного мира, но и новые возможности оказания влияния на социально-исторический процесс и, в первую очередь, на социальные трансформации. Любые трансформации процессов должны коррелировать с субъективностью в реальном познавательном процессе. Проявление наличия субъективного в рамках познавательного процесса является весьма многообразным и определяется рядом различных факторов. Однако подобное многообразие проявления и существования субъективности возможно редуцировать к двум основным видам: субъективно-индивидуальному и субъективно-социальному. Представление о социальном поступке покрывает эту неопределенность, придавая ее структуре определенные очертания событий. Приоритетным является то, что элиминация определенных субъективных проблем, связанных с послаблением неопределенностей, выступит как креативность социального субъекта и включение его продуктивного воображения, когда он правильно выстроит порядок версий социального бытия и примет именно ту версию, которая не только способна вывести из кризиса, но и быть абсолютно адекватной для решения проблем длящегося настоящего времени, это весьма корректно и по отношению к концепциям социальных версий бытия.

4. Внутренний опыт социального субъекта проявляется в виде потока комплекса социально-исторических событий, осуществляющихся в субъективном времени. Такой поток комплекса событий обычно представляется как фрагмент метакомплекса множества событий, существующих в действительности: содержание субъективного времени рассматривается социальным субъектом в качестве небольшого сегмента комплекса событий, имеющих место в мировом объективном времени. Поэтому, справедливо вести дискурс о субъективном времени и различных моделях объективного времени, достаточно тесно связанных между собой в корреляции с темпоральной структурой человеческого сознания. Правомерно изучать разные модели понятия объективного времени. Между тем, в русле предлагаемого конструкта, объективное время возможно моделировать как представление, являющееся фундаментальной структурой человеческого сознания. Взаимозависимость и взаимосвязь объективного времени и субъективного человеческого времени осуществляется посредством моделей, формирующих в сознании уникальную систему демонстрации комплекса событий для социального субъекта. Исследуя подобную связь, правомерна аналогия с соотнесением бессознательного и человеческого сознания. Сходные процессы осознаются как бессознательные, или демонстрируются в бессознательном. Поэтому подчеркивается, что в сфере бессознательного проходит значительно больше информации, чем в человеческом сознании. Темпоральная структура человеческого сознания представляет некоторое единство базисных взаимосвязанных подсистем: объективного времени и ментального времени. Действительное течение времени, касающееся сознания обусловлено существующим противоречием между фундаментальными свойствами длящегося настоящего и синхронностью. Длительность настоящего подразумевает, что оно включает интервал с определенной продолжительностью. При этом синхронность длящегося настоящего означает реальную одновременность того, что имеет место в длящемся настоящем. Главная причина, что идея субъективности времени весьма широко получила

развитие в социальной философии, определяется тем, что время внутренне противоречиво, и подобную характеристику времени нетрудно соотнести с ее субъективностью. Отметим, что на протяжении развития истории философии возникали концепции, рассматривавшие противоречивость в качестве базисного свойства времени.

5. Если дискурс непосредственно идет о транзитивных, переходных или кризисных периодах по отношению к темпоральности в социальном развитии, то правомерно, что имеющиеся альтернативы требуют для осмысления конкретные темпоральные референты, связанные с сегментами будущего времени, и они обозначают конкретный процесс в общей истории социального развития, что непосредственно связано и с элиминацией противоречивых и кризисных ситуаций, и с разрешением тех социальных трансформаций, которые присутствуют в данном трансформирующемся социуме. Обязательно следует иметь в виду, что социальный субъект далеко не обязательно конструирует и делает правильный выбор, касающийся значимости различной альтернативы или тенденции в рамках темпоральных референтов. В данном случае дискурс идет не только в относительно понимании трансформирующегося социума в рамках от прошлого через настоящее к будущему, конечно, учитываются те противоречивые и кризисные ситуации, которые включают в себя вполне реальные социальные трансформации. Интервально-моментная референция, до некоторой степени, снимет спорные вопросы, касающиеся самого транзитивного периода, так как подобный период можно рассматривать с точки зрения существования в нем моментов, т.е. подобный период транзита будет характеризоваться наполненностью моментов, а так же подинтервалов, с которыми будут коррелировать с референтами стадия и фаза, и это будет один уровень исследования социального процесса с выходом на социальные трансформации. Второй уровень отличается диалектикой субъективных и объективных моментов. На третьем уровне дискурс пойдет об аксиологических, гносеологических, праксеологических и иных аспектах проблемы. Это и

является той точкой, когда предположение значимости в рамках рассмотрения социальных процессов предполагает выбор исследователя как инициатора и креативного начала относительно социального развития, касающегося сложноорганизованных систем.

б. Исследователь, как социальный субъект, в трансформирующемся социуме имеет не просто возможности своего выбора, а именно выбора с позиции тех предпочтений, социальных, гносеологических, мировоззренческих, которые ему присущи. А главное, что после выбора набора определенных предпочтений, сам социальный субъект выберет альтернативу, которая в дальнейшем получит реализацию, и которая и будет представлять собой не что иное, как некоторую конструкцию сценария будущего времени. Именно диалектика выбора из социальных предпочтений фактически дает серьезный импульс к развитию социальных трансформаций, так как осуществляется переход от одной к другой версии социального бытия, более того, сам исследователь, после определенной интерпретационной работы может выдвинуть и новую версию социального бытия, все будет зависеть от того, насколько представляется адекватной понимание трансформирующегося социума и какие возможны дальнейшие движения в отношении его будут предприняты как с объективных, так с субъективных позиций. Исследователь, как социальный субъект, в трансформирующемся периоде социума имеет не просто возможности своего выбора, а именно выбора с позиции тех предпочтений, социальных, гносеологических, мировоззренческих, которые ему присущи. А главное, что после выбора набора определенных предпочтений, сам социальный субъект выберет альтернативу, которая в дальнейшем получит реализацию, и которая и будет представлять собой не что иное, как некоторую конструкцию сценария будущего времени.

Переходные периоды в трансформирующемся социуме играют значимую роль относительно возможностей социального субъекта переходить с одного на другой уровень социального бытия, в этом проявляется диалектика

явления и сущности, и в этом проявляется опыт человека, в этом проявляются различные уровни переживания темпоральности в рамках внутреннего опыта. В этой ситуации социальный субъект, в рамках переживания или проживания тех или иных критических и социальных трансформаций, пропускает их через внутреннее субъективное время и они становятся частью субъективного опыта; и в этом смысле человек в соответствии с тем, что в нем заложено, со своими установками, характеристиками, со своими целями и задачами может действительно обращаться вполне адекватно с наиболее эффективным и продуктивным концептуально-семантическим аппаратом, который даст возможность построить не просто определенные схемы социально-исторического процесса и выделить в нем социальные процессы, но дискурс идет о более глубоких проблемах: моделирования социальных процессов, построении многомерных моделей, конструировании реляционных и окрестностных семантик, о социальном прогнозировании и проектировании, и том, что футурология воспринимается как наука, которая не является приложением к анализу социальной действительности, а должна сама быть заложена во внутреннем опыте человека, футурология- это есть та темпоральность, которая, фактически, если взять прохождение через внутренний опыт человека «стрелы времени», представляется как переход из будущего через настоящее в прошлое.

Методологическая и теоретическая основа диссертации. Теоретическую основу диссертации сформировали идеи, концепции и весьма значимые положения работ известных философов и мыслителей, зарубежных и отечественных ученых, исследующих различные моменты интерпретации и понимания сущности, концептуальных, содержательных и структурных особенностей темпоральности и субъективного времени субъекта в контексте трансформирующегося социума. Так как темпоральность предполагает междисциплинарное исследование, в работе были использованы результаты исследований философов, историков, социологов, политологов, специалистов в области методологии науки. Приоритетное влияние на стратегию,

содержание и логику работы, оказала базовая программа диссертации, основанная на исследовании темпоральности социальных трансформаций на основе социальной транзитивности и в контексте социально-философского дискурса, отраженного в трудах таких философов как: В.Б. Агранович, Аристотель, Т.А. Алексина, А. С. Ахиезер, И.В. Бестужев-Лада, И. Валлерстайн, В. Виндельбанд, Г. Х. Вригт, А. Н. Данилов, Е.Н. Данилова, К. Х. Делокаров, Н.Н. Дунаева, Э.Дюркгейм, Т.И. Заславская, О.И. Ивонина, В.Л. Иноземцев, Е. Н. Князева, Г.В. Колодко, А. Ю. Мельвиль, Н.Н. Моисеев, К. Х. Момджян, О.А. Музыка, В. В. Попов, В.Н. Порус, К. Поппер, И. Пригожин, Л.П. Репина, М. Н. Руткевич, Е.М. Сергейчик, М. В. Удальцова, М.В. Ушакова, М. Г. Федотова, Т.Н. Федоров, С. Хангтингтон, М. Хардт. Также диссертант основывался на положениях классической диалектики и, в первую очередь, использовал системный подход, диалектику исторического и логического, абстрактного и конкретного.

Методологическая основа работы базируется на философских и междисциплинарных методологических комплексах, основывающихся на постулатах релевантности и комплементарности и принимающих в качестве основного - социокультурный подход, позволяющий определить динамические и структурно-функциональные особенности рассматриваемой проблемы.

В качестве теоретической основы выступают:

- теоретические основания темпоральности;
- исследования социальных трансформаций;
- концепции, рассматривающие транзитивное и трансформирующееся общество;
- теория модернизации;
- концепции социальных версий бытия;
- теория социального выбора.

В работе в значительной степени были использованы следующие идеи и методологические подходы:

- концептуально-семантический подход к рассмотрению специфики темпоральности в современном социуме;
- темпоральный подход к трансформирующемуся обществу;
- концепция корреляции динамических категорий;
- идеи сочетания линейного и нелинейного развития;
- концепция вариативной интерпретации социума.

Внутренняя непротиворечивость и целостность основных положений диссертации реализована использованием полипарадигмального подхода, учитывающего интегральность изучения темпоральности, социального аспекта субъективного времени, социальных трансформаций и социального бытия . В работе использован теоретико-модельный подход, дающий возможность наиболее адекватного соотнесения темпоральности и трансформирующегося социума с моментно-интервальным подходом и выходом на ряд уместных семантических вопросов, касающихся применения динамических концептов: фаза, стадия, период и т.д.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее материалы могут быть использованы представителями различных гуманитарных и естественных наук при решении задач, связанных с выбором наиболее оптимального решения проблемы, что непосредственно связано с прикладным моделированием и стратегическим планированием. Работа представляет интерес для специалистов, связанных с проблемой риска при поставленных задачах. Результаты исследования полезны тем, кто занимается социальным выбором и для кого значимыми являются вопросы темпа и интенсивности социального времени. Социальное проектирование и прогнозирование – еще одна сфера применения результатов диссертации. Достаточно перспективный результат – выход в теорию предпочтений. Выводы работы дают возможность ученым внести коррективы в понимание структурных особенностей социального процесса. Материалы диссертации найдут широкое применение в сфере разработки и модернизации инновационных программ учебных курсов в рамках социальной философии,

социальной прагматики, теории выбора и предпочтений, социологии и истории.

Приоритетными являются методы концептуально - семантического анализа. Базовая программа диссертации основывается на исследовании темпоральности в контексте современного социума на основе социальных трансформаций и социальной транзитивности в контексте социально-философского дискурса.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Отраженные в диссертационном исследовании научные положения соответствуют области исследования специальности 09.00.11 – Социальная философия, особенно в таких ее пунктах как: 3. Основные этапы развития социально-философской мысли. 4. Социальная философия в современном мире. Стимулы философской рефлексии в начале XX века 5. Сущность и существование социальной реальности как предметнообразующая проблема социальной философии. 6. Социально-философская теория деятельности. Деятельность как субстанциальная основа общественной жизни людей. 7. Проблема субъекта и объекта современной социальной философии. Полемика «методологического коллективизма» и «методологического индивидуализма» вокруг проблемы интегративного субъекта общественной жизни. 9. Проблемы современной философии сознания в их социально-философской трактовке. Феномен «свободы воли», роль сознания в праксиологическом отношении человека к миру. Сознательное, бессознательное и подсознательное в деятельности людей. 15. Пространство и время как факторы и формы социокультурного процесса. 21. Общественные отношения как проблема социально-философского анализа. 25. Формы социальной динамики. Эволюционные и революционные изменения в истории. 26. История как событийная жизнь людей во времени и пространстве. Соотношение «событий» и «структур» в их социально-философской интерпретации.

Апробация исследования:

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) и рекомендована к публичной защите по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Автором сделаны доклады и представлены тезисы выступлений на: Международных научно-практических конференциях «Новая наука: опыт, традиции, инновации» (Стерлитамак, 2016-2017); на Международной научно-практической конференции «Научный диалог: вопросы философии, социологии, истории, политологии» (Москва, 2017); на Международной научно-практической конференции «INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH» (Пенза, 2017); на Международной научно-практической конференции «Закономерности и тенденции инновационного развития общества» (Волгоград, 2017); на Международных научно-практических конференциях «ADVANCED SCIENCE» (Пенза 2017-2018); на XXIX Международной научно-практической конференции «Тенденции развития науки и образования» (Самара, 2017); на XXX Международной конференции «Тенденции развития науки и образования» (Самара, 2017); на Международной научно-практической конференции «Вопросы образования и науки» (Тамбов, 2017); на Международной конференции «Современный взгляд на будущее науки» (Казань, 2017); на XV Международной научно-практической конференции «WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS» (Пенза, 2017); на Международной научно-практической конференции «Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее» (Пенза, 2017); на Международной научно-практической конференции «Инновационные научные исследования: теория, методология, практика» (Пенза, 2018); на Международной научно-практической конференции «Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований» (Тюмень, 2018); на Международных научно-практических конференциях «Роль и место информационных технологий в современной науке» (Магнитогорск, 2018)

Основные положения диссертации изложены в 27 публикациях автора общим объемом 8,0 п.л., в том числе в 9 работах, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в одной статье из журнала БД Скопус.

Объем и структура диссертационной работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения и списка литературы, включающего 194 наименования. Общий объем диссертации – 196 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

В главе рассматривается феномен темпоральности. Рассматриваются адекватные концептуально-семантические аспекты. Исследуется конструирование темпоральности в современном социально- философском дискурсе.

§ 1. Концептуально-семантические аспекты

В современной социально-философской литературе наблюдается определенная активность в рассмотрении категории субъективного времени в корреляции с категорией **темпоральности**. Причем дискурс идет не просто об интегральном исследовании категории времени и о его соотнесении с динамическими понятиями и категориями. Заметим, что в литературе нет единства в понимании таких понятий и категорий и тем более применении их при анализе динамики социальной действительности.

Между тем, проблема существует и имеет историко-философские корни. Однако весьма затруднительно обозначить философскую школу или направление, где бы в систематическом виде использовались динамические категории. Вопрос и в том, что под такими понятиями и категориями понимать? Представим, что необходимо привести некоторый список таких категорий. С чего начинать? С движения или изменения, а может становления. Легко к этому добавить понятия преобразования, возникновения, исчезновения, трансформации, модернизации и т.д. Всегда можно продолжить перечисление. Но ведь за каждым понятием и каждой категорией стоит свой смысл и значение, непосредственное и контекстуальное употребление и т.п. Кстати в философско-лингвистических исследованиях также используют динамические сентенции типа: «начинает быть так, что...», «прекращает быть так, что...», «становится таким, что...».

На наш взгляд, давно возникла необходимость в упорядочивании приведенных примеров динамических понятий и категорий, создание

многоуровневой динамической системы, в которой бы адекватно отобразились истинные и корректные отношения между всеми концептами, имеющими отношение к отражению социальной реальности во всем ее многообразии, с учетом различных связей, взаимодействий и взаимоотношений между динамическими понятиями и категориями. Подобная динамическая система, безусловно, будет включать в себя **темпоральность**, так как любые процессы немислимы без фактора времени. И, конечно, ядро подобной системы будет образовывать семантические ряды динамических концептов.

Но создание такой системы – это, конечно, не цель данной работы. Такая работа посильна солидному коллективу ученых. В диссертации обращается внимание на исследования в данном направлении, так как предполагается выделить ряд динамических концептов в соотнесении с **темпоральностью** и внести свой вклад в общую проблему.

Категория времени в научной литературе получила достаточно широкое истолкование. Например, выделяют психологическое время, биологическое время, индивидуальное время и т.п. В общем, в рамках конкретных наук динамические аспекты связывались с временем, которое получало оттенок конкретной науки. С другой стороны, иная важная и интересная проблема, касающаяся диалектики субъективного и объективного времени в корреляции с отображением, пониманием и интерпретацией широкого обсуждения не получила.

Однако, на наш взгляд, это один из ключевых аспектов в построении системы динамических категорий. Обычно, если идет дискурс в отношении историко-социального процесса, по умолчанию, предполагается, что речь идет в основном об объективном процессе. А если подобную объективность не констатировать, то можно получить «клеймо» субъективного идеалиста. Во внимание часто не принимаются исследования в направлении **субъективной реальности и субъективной темпоральности**.

Концепт **темпоральности** в научный дискурс ввел М. Хайдеггер. Рассматривая параметры и характеристики бытия с позиции их

соотнесенности с параметром времени и переживаемой временности характеризующей индивидуальное бытие, М. Хайдеггер остановился на понятии *темпоральности*. *Темпоральность*, по мнению автора, это и есть временность, относительно которой происходит интерпретация и понимание бытия. Иначе говоря, *темпоральность* представляется как своеобразное проживание и переживание временности и интенциональности субъективного в само бытие в реальности. Если обратиться к переводам из немецкого языка, то *темпоральность* может получить следующую форму - «временное индивидуальное качество». Поэтому *темпоральность* можно интерпретировать как осознание преобразований многообразных качеств и параметров и сегментов бытия.

Отметим, что в диссертации *темпоральность* представляется особенностью и параметром самоотнесения внутри комплекса событий, то есть *темпоральность* предстает в качестве сущности по отношению к явлениям, образуемая их динамическими характеристиками. Поэтому, по нашему мнению, в рамках диалектики материального и духовного фактор *темпоральности* необходим не только для определения уровней и моментов преобразования объективного материального мира, но и как самоосмысление переживания и проживания субъективного.

Рассматривая объективные процессы материального мира, в том числе социальные трансформации, исследователь должен признать, что такие процессы – это не просто констатация происходящего в объективном историко-социальном процессе. Используя *темпоральность*, социальный субъект получает субъективный опыт действительного существования объективных процессов. В этой связи полезно обратиться к Э.Гидденсу, который отмечал, что *темпоральность* «представляет временную сущность явлений, порожденная динамикой их особенного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам» [40, С. 44].

Темпоральность лежит в основе человеческого переживания динамики социальной реальности. Если условно принять, что в основе субъективного опыта по переживанию реальности находится именно темпоральность, то возникает определенная модель такой темпоральности. Эта модель, направленная на объективистские процессы, представит модели направленные на интенциональность и на состояния. С учетом содержания и результатов субъективного и объективного будем иметь модели абсолютной темпоральности и темпоральности интервалов. Подобное деление выведено из субъективного восприятия социальных процессов. Когда к таким процессам относятся социальные трансформации, следует учитывать не только коллизии в субъективном опыте, но и неоднозначное восприятие социальными субъектами нестабильности социальных процессов.

Появляется **нечеткая темпоральность**, связанная с характеристиками расплывчатости, неопределенности, субъективности, бессмысленности. Поэтому такое моделирование в рамках субъективного опыта трансформируется в пару **относительная-абсолютная нечеткость**. В этом случае полезно заметить, что наблюдение темпоральности протекания социального процесса непосредственно доступно социальному субъекту. Если этот процесс – социальная трансформация, то возникают многомерные модели его отображения. Необходимо обратить внимание, что время наблюдения меньше интервала протекания процесса. Однако мы не исключаем, что такой объективный процесс может быть непротиворечиво описан, хотя и с определенной долей вероятности.

Темпоральная структура человеческого сознания включает разноплановые базисные взаимосвязанные особые подсистемы: модель реального объективного времени и ментальное время. Ментальное время правомерно представляет собой некоторую особую форму образного существования социальных событий в человеческом сознании, относительно которых социальный субъект переживает само течение времени. В этом случае под моделью исследуемого объективного времени будет пониматься

некоторая фундаментальная структура человеческого сознания, обеспечивающая адекватное представление по отношению объективного времени.

Имеющийся сознательный опыт социального субъекта существует обычно в форме определенного потока событий, осуществляющиеся непосредственно **в ментальном времени**. Подобный поток событий иногда представляется в качестве части значительно большей совокупности социальных событий, существующих в действительном мире: само содержание рассматриваемого ментального времени представляется социальным субъектом как небольшая часть социальных событий, имеющих место в объективно представляемом времени. Поэтому правомерно утверждать относительно ментального времени и модели исследуемого объективного времени в качестве различных, но близко связанных моментах **темпоральной структуры человеческого сознания**.

Необходимо пояснить некоторые аспекты соотношения **модели реального объективного времени и ментального времени**. В тех случаях, например, когда социальный субъект воспринимает определенное событие и возникают некоторые образы восприятия, то он переживает само течение времени относительно данного социального события: при этом событие переходит из сегмента будущего в сегмент прошлого через длящееся настоящее. Учитывая дефиницию ментального времени подобное означает, что такое социальное событие будет существовать в некотором ментальном времени. Социальные события, существующие внутри ментального времени, обычно называются **темпоральными**.

Так как время социально-исторического процесса значительно больше, чем наблюдение этого времени, то следует обратить на принципиальную невозможность не только реконструировать такой процесс, но и адекватно его описать. В этом случае стоит согласиться с Д.В.Гарбузовым, который отметил, что «биологическая эволюция и появление человека связаны с процессом

специфического темпорального расширения свойственного жизни процесса восприятия и познания мира» [34, С.22].

Социальные трансформации несут в себе преобразования, кризисы, противоречия и многое другое, что объединяется под концепцией философии нестабильности. **Внутренняя человеческая темпоральность** в различной форме и разной степени у каждого социального субъекта непосредственно отражает эту нестабильность, оценивает ее, интерпретирует. У человека складывается понимание процессов, происходящих в объективной реальности. Характеристики кризисности и противоречивости, которые несут социальные трансформации активизируют предметно-практическую деятельность человека, заставляя его искать новые формы и способы адекватного описания не только нестабильного мира, но и новые возможности оказания влияния на социально-исторический процесс и, в первую очередь, на *социальные трансформации*.

Любые трансформации процессов должны коррелировать с субъективностью в реальном познавательном процессе. Проявление наличия субъективного в рамках познавательного процесса является весьма многообразным и определяется рядом различных факторов. Однако подобное многообразие проявления и существования субъективности возможно редуцировать к двум основным видам: *субъективно-индивидуальному* и *субъективно-социальному*. Экстраполируя это на фактор времени - получаем *объективное* (хронологическое) и *субъективное* (ситуативное, биографическое, историческое, психологическое, социальное). Между тем, в психологическое время вполне включается ситуативное время, как отражающее переживание и восприятие интервалов времени; биографическое время, которое охватывает и показывает жизнь человека, включая незначительные и значимые события в равной мере; историческое время, включающее в том числе и комплексы событий, имевшие место как до его жизни, так и после смерти; социальное время, связанное с пониманием *социальной субъективности* в контексте предметно-практической

рациональной деятельности, а также социального опыта, определяющего ступени его социализации. Заметим, что само *социальное время* делится на **субъективные и объективные аспекты**. Причем субъективное – это житейские или научные модели, отражающие реалии социального времени и выступающие средством внутреннего моделирования переживания времени человеком. Объективное – это действительное время существования социально-исторических процессов, предметно-практической познавательной деятельности, социальных структур и т.п. Подчеркнем, что темпоральная структура человеческого сознания предполагает две базисные взаимосвязанные и взаимодействующие между собой подструктуры: субъективное время и различные модели реального объективного времени. Субъективное время демонстрирует особую специфическую форму наличия и существования комплекса событий в сознании человека, в относительно которых социальный субъект переживает и проживает само течение времени. При этом модель объективного времени – это, в большей степени, фундаментальная структура человеческого сознания, представляющая объективное время.

Внутренний опыт социального субъекта проявляется в виде потока комплекса социально-исторических событий, осуществляющихся в субъективном времени. Такой поток комплекса событий обычно представляется как фрагмент метакомплекса множества событий, существующих в действительности: содержание субъективного времени рассматривается социальным субъектом в качестве небольшого сегмента комплекса событий, имеющих место в мировом объективном времени. Поэтому, справедливо вести дискурс о субъективном времени и различных моделях объективного времени достаточно тесно связанных между собой в корреляции с темпоральной структурой человеческого сознания.

Необходимо объяснить корреляцию субъективного времени и основной концепции модели, касающейся объективного времени. Если, социальный субъект воспринимает определенное событие или их комплексов, т.е.

происходит возникновение образов субъективного восприятия, то человек переживает и проживает течение этого времени относительно локального события: которое переходит из сегмента будущего времени в сегмент прошлого через длящееся настоящее. По определению субъективного времени предполагается, что такое событие присутствует в субъективном времени. Следовательно, подобные события, имеющие место в субъективном времени, получают название **темпоральных**. Обратим внимание, что не все события человеческого сознания будут **темпоральными**. К примеру, если социальный субъект имеет представление о событиях, с которыми визуально не знаком такие события, конечно, отложатся в сознании, так как человек имеет осознанную информацию относительно них. В человеческом сознании подобные события связываются с определенными интервалами времени, причем объективного, однако так как у социального субъекта не существовала переживания времени относительно таких событий, темпоральными их назвать нельзя. Поэтому, субъективное время представляет форму бытийности событий, имеющих место в человеческом сознании. При этом нетемпоральные комплексы или локальные события, отраженные в модели времени объективного, формируют комплекс темпоральных событий, в той же степени как она сама определяет контекст субъективного времени.

Целесообразно отметить, что концепт модели времени объективного представляется в специфическом значении. Безусловно, правомерно изучать разные модели понятия объективного времени. Между тем, в русле предлагаемого конструкта объективное время возможно моделировать как представление, являющееся фундаментальной структурой человеческого сознания. Конечно, имеем дело не с обычным истолкованием объективного времени, но с уникальной (в русле индивидуального человеческого сознания) системой, дающей представление социальному субъекту имеющуюся информацию относительно объективного времени.

Взаимозависимость и взаимосвязь объективного времени и субъективного человеческого времени осуществляется посредством моделей,

формирующих в сознании уникальную систему демонстрации комплекса событий для социального субъекта. Исследуя подобную связь, правомерна аналогия с соотнесением бессознательного и человеческого сознания. Сходные процессы возможно осознаются как бессознательные, или демонстрируются в бессознательном. Поэтому подчеркивается, что в сфере бессознательного проходит значительно больше информации, чем в человеческом сознании. Подобно с субъективным временем и моделью времени объективного возможно соотнесены похожие события: такие события или происходят в сфере действия социального субъекта, или подразумеваются опосредованно. Но множество нетемпоральных событий или комплексов событий реально больше, чем событий темпоральных. Заметим, что эта аналогия некорректна в подобном случае. Подчеркнем, что сходные процессы не являются одновременно существующими в сознании и бессознательными, а комплексы темпоральных событий должны пересекаться со сферой событий, коррелирующей с моделью реально представленного объективного времени.

Такие взаимосвязанные подсистемы, конечно, взаимно дополняются, обеспечивая **темпоральное упорядочивание** любых ментальных элементов.

Собственно особенность ментального времени характеризуется, прежде всего, определенной динамической составляющей, и конкретно свойствами, связанными с длительностью, стадиальностью, непрерывностью и дискретностью, направленностью и равномерностью. Совокупность подобных свойств представляют непосредственно феномен реального течения времени — транзита социальных событий из сегмента будущего в сегмент прошлого через настоящее. В соответствии с таким представлением ментального времени, само течение времени будет обусловлено противоречием наличия свойств сегмента настоящего- синхронности и продолжительности. Сегмент настоящего обладает некоторой продолжительностью. Но, содержащиеся в нем ментальные элементы коррелируют между собой.

Одним из значимых выводов идеи ментального времени становится постулат о субъективности реального течения времени. Как обоснование такого постулата предлагается известный аргумент длящегося настоящего. Например, в психологии действительно экспериментально установлен факт обладания психическим настоящим определенной продолжительностью. Но если продолжительность настоящего представляется фактором, определяющим содержание и сущность объективного течения времени, то в ином случае — связано с некоторыми особенностями самих мозговых процессов и тогда течение времени субъективно.

Обратим внимание на то, что ментальное время действительно является фактором основополагающего единства сознания. И в частности именно это и определяет непосредственно роль и место времени во внутренней структуре самой субъективной реальности. Иная его значимая функция касается системы существования индивидуальных смыслов и значений. Экзистенциальная значимость собственно времени традиционно представляется одним из основных предметов социально-философских исследований. Поэтому в русле идеи ментального времени определены основные личностные значения и смыслы времени, а также выявлены факторы, влияющие непосредственно на ситуацию, какие именно личностные смыслы реально приобретает для социального субъекта время.

Такое представление относительно связи субъективных моментов времени с наличием его противоречивостью становится традиционным для социальной философии. В этом случае, как правило, сама противоречивость времени исследуется в отношении существования его динамического момента, или реального течения времени — транзита социальных событий из сегмента будущего в сегмент прошлого посредством настоящего.

В основании представления психического настоящего находится осознание существования полного реального тождества «Я» в отношении самого себя. **Длительность психического настоящего рассматривается как продолжительность интервала, в течении которого появляется длительность**

подобного осознания. Последнее касается того, что «Я» непосредственно в длящемся настоящем далеко не полностью является тождественным «Я» в сегменте прошлого и будущего.

Подчеркнем, что **темпоральная структура человеческого сознания представляет некоторое единство базисных взаимосвязанных подсистем: объективного времени и ментального времени.** Действительное течение времени, касающееся сознания обусловлено существующим противоречием между фундаментальными свойствами длящегося настоящего и синхронностью. **Длительность настоящего подразумевает, что оно включает интервал с определенной продолжительности.** При этом синхронность длящегося настоящего означает реальную одновременность того, что имеет место в длящемся настоящем. Так как представляем настоящее, которое имеет продолжительность, то в нем должны содержаться разновременные социальные события, что, конечно, противоречит характеристике синхронности настоящего.

Главная причина, **что идея субъективности времени весьма широко получила развитие в социальной философии, определяется тем, что время внутренне противоречиво, и подобную характеристику времени нетрудно соотнести с ее субъективностью.** Отметим, что на протяжении развития истории философии возникали концепции, рассматривавшие противоречивость в качестве базисного свойства времени.

Относительно парадоксальности времени отмечал еще Стагирит: «Что время или совсем не существует, или едва [существует], будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была, и ее уже нет, другая — будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию»[10, С.53]. Своеобразной единицей исследования времени Аристотель считал точку «теперь». Она не содержит продолжительности и является как нечто неделимое. Поэтому следует, что точка «теперь» вовсе не

измеряет само время. Имеются различные точки «теперь», которые упорядочены на шкале времени. И нет точек «теперь», непосредственно следующих одна за другой.

Относительно противоречивость времени высказывался Августин Аврелий. Именно Августину принадлежит достаточно значимая из известных философских трактовок времени в качестве субъективного феномена. Эту трактовку можно найти в «Исповеди». Философ подчеркивал, «что само настоящее динамично: так как уходит в прошлое. Есть лишь настоящее; прошлого и будущего нет. Но в душе есть настоящее прошлого в качестве памяти, настоящее настоящего в качестве непосредственного созерцания и настоящее будущего в качестве ожидания» [10, С.55].

Теория Канта предлагает, что сама противоречивость времени являлась отражением и в концепции о схематизме в ряду чистых понятий индивидуального рассудка, равно и в представленных антиномиях, где мир как имеет, так не имеет своего начала во времени. Фихте анализировал время с учетом силы воображения относительно двух несоединимостей. Гуссерль отмечал, что антиномия самого потока оказывает влияние на то, что объект непрерывно погружается в сегмент прошлого, сохраняя в этом случае собственную временную позицию относительно других объектам. Процесс становления трансформируется в устойчивое бытие. *При этом в условиях потока предмет сохраняет свое время⁶⁸. Эта идентичность предмета обеспечивается вследствие того, что он длился между Теперь и Прошедшим.* Помимо того, что поток непрерывного изменения не способен протекать ни быстрее, ни медленнее. Поток всегда присуща некоторая абсурдность: являясь непрерывным изменением, он собственно не изменяется. Поток предполагает, конечно, единство изменяющегося, в связи с тем, где дискурс идет об непрерывном изменении, при этом сознание единства справедливо находится в основе.

Хайдеггер предложил понятие расхожей теории времени. В его концепции время в определенном смысле известно каждому: существует

расхожая для всех понятность времени. «Расхожее представление времени имеет свою естественную правоту»[156, С.57]. Однако это не раскрывает истинной сущности времени. В реальности начальной представляется экстатичная временность: то есть, понятие экстаза определенно отражает взаимопроникновение будущего, настоящего и прошлого. Показательно, что из имеющихся примеров, собственно субъективность времени, которая выводима из его наличной противоречивости, может рассматриваться по-разному. Естественен вариант реальной иллюзорности времени: то есть, **время — иллюзия, образуемая в результате непосредственно свойственного человеку определенного искаженного восприятия самой действительности. Иной вариант: представим время как особую структуру человеческого сознания. Тогда время не становится иллюзией, а оно реально существует, как форма, упорядочивающая комплекс явлений сознания.**

Гуссерль исследовал время, исходя из феноменологической позиции, что предполагает, прежде всего, элиминацию объективного времени. Однако именно в человеческом сознании формируется объективное время. Конечно, время мира характерно для феноменологической редукции.

Воспроизведение и восприятие отличаются свободой их непосредственного осуществления. Например, воспроизведение может находиться в сфере действительной свободы субъекта, в отличие от того же восприятия. Субъект способен произвольно обращаться непосредственно к воспроизведению конкретного или другого объекта, предпринимать воспроизведение «медленнее» или «быстрее».

Как методологически значимые, Гуссерль нередко использовал концепт протенция и ретенция для обозначения самого первичного воспоминания и, соответственно, первичного ожидания. Именно сознание должно стать объектом реально благодаря ретенции. Обычно, Гуссерль представлял определенные уровни конституирования: например, вещи опыта внутри объективного времени; некоторые конститутивные многообразия

существующих явлений; абсолютно временной конститутивный поток человеческого сознания. Социальный субъект имеет восприятие относительно многообразных смыслов: например, восприятие социального события, случившегося относительно объективного времени; определенное восприятие содержания времени в длительности, игнорируя его встроенность непосредственно в природу; действительное восприятие событийного момента «теперь» с одновременным поворотом, связанной с ним событийной конструкции «только-что-бывшему»; постулирование восприятие человеческого сознания-времени по отношению к «теперь».

Вопросы, касающиеся непрерывности или дискретности времени, имеют смысл и по отношению к объективному времени, равно как и времени субъективного. Рассмотрение субъективности времени как дискретного феномена, например, отражено в концепции Юма. Он подверг критике существующую концепцию непрерывности времени на основании идей феноменализма. Иная оценка и интерпретация субъективного времени, постулирующая непрерывность, представлена, к примеру, в концепции Джемса, который исследовал человеческое сознание в качестве непрерывного потока: «Само сознание предстает как постоянное изменение» [57, С.126].

Если относительно объективного времени проблема о его бесконечности или конечности или связана непосредственно с реальной природой, то относительно субъективного времени – ситуация касается природы субъекта. Вполне справедливо, что субъективное время должно рассматриваться как нечто конечное, так как человек смертен. При этом возможны и другие точки зрения. Если само субъективное время представляется как цикличное, тогда именно оно и является бесконечным, но не вследствие существующей неограниченной продолжительности, но и в связи с наличием бесконечно повторения подобных социальных событий. **В таком виде субъективное время выступает в теории вечного возвращения, которую предложил Ницше.**

По мнению Хайдеггера, **как определенный смысл самого человеческого бытия и выступает временность**. Он интерпретировал время в качестве возможного горизонта для любой понятности человеческого бытия и отмечал особую значимость времени как определенного критерия разграничения различных регионов сущего. Для философского познания человеческого бытия необходимо сначала сконструировать фундаментальную онтологию, которая совпадает с экзистенциальным существованием аналитики присутствия. В качестве присутствия понимается некоторый человек относительно бытия, поэтому человек выступает как сущее. Индивидуальность такого сущего, его существенное отличие от другого сущего заключается в ситуации когда присутствие задается вопросом относительно бытия человека.

Социальный субъект дает оценку комплексам прошедших событий, равно как и интерпретировать перспективы и сценарии будущих событий.. Поэтому в русле междисциплинарного и системного подходов относительно сложных систем и, следовательно, целесообразно применение своеобразного синтеза психологических и социальных моментов.

Отметим что значимой составляющей временной интерсубъективной формы наличного социального бытия выступают психологические аспекты и возникает концепт неопределенности с точки зрения темпоральности, влияющий на способность интенциональности социального субъекта.

В этой ситуации важным представляется выделение Карпицким Н.Н основных видов темпоральности: **суррогатной темпоральности и темпоральности присутствия**. Рассматривая концепцию Карпицкого и, например, А.Бергсона выделим следующие значимые аспекты. Справедливо отметить, что темпоральность с позиций социального субъекта воспринимается как некоторая темпоральность комплекса событий включающего сегмент временной неопределенности, что же касается **суррогатной темпоральности**, то она обычно соотнесена с внешним объективированным миром. Транзитивный характер в этом случае весьма

противоречив и наличное противоречие находится в собственном понимании социальным субъектом существующих модусов времени. В рамках темпорального присутствия сегмент настоящего понимается в качестве вечно-настоящего или иначе присутствующего может быть характеризован с точки зрения наполненности будущего и прошлого в качестве самодостаточности настоящего нем предполагающего дополнительные направленности относительно будущего или прошлого.

Конечно, осознание субъектом реальных возможностей реализации локальных поступков различных суррогатных ценностей дает возможность уменьшить которого из сегмента будущего времени притягивает соответствующие локальные действия субъекта относительно длящегося настоящего. к примеру, усиления воздействия противоречия имеющейся темпоральной обозначенной интерсубъективной формы наличного социального бытия, благодаря противоречивости внутри суррогатных ценностей. Отметим, суррогатные ценности которые направлены на вариант рационального социального развития способны выступать. Любой из подобных видов суррогатных ценностей предполагает специфическое субописание, которое определяется как внутренними так и внешними факторами. Связав эти факторы со шкалой времени отметим, что суррогатные ценности социума в настоящем времени реконструируется в соотнесении с репродукцией относительно сегмента прошлого и могут влиять на деятельность и поступки субъекта. И, следовательно, комплексы социальных событий длящегося настоящего оказывают влияние на перспективы будущего. Ценности личной выгоды представляют особую значимость в контексте рассмотрения деятельности социального субъекта а так же оказывает влияние на внутреннюю противоречивость, из чего имплицитно следует что осознавая недостаточность собственных сил социальному субъекту не просто инициировать свои действия относительно структурных особенностей исторического процесса; именно субъекту удобнее в какой-то мере

отождествляться с некоторой макро- или микро-группой или субкультурой имеющие определенные группы, суррогатные ценности или традиции.

Как результат имеем место механизма собственного самосохранения, который способен блокировать различные негативные идеи и дает определенную возможность быть удовлетворенным уровнем своей жизни. В таком случае приоритет личной выгоды и реализации личных целей дает возможность социальному субъекту понять значимость собственных поступков и как следствие, быть уверенным в комфортности и правильности выбора сценария своей жизни.

Проблема **темпоральности** является достаточно интересной проблемой и, хотя в истории философии были ученые, которые достаточно плотно подходили к анализу этой проблемы, все же широкого обсуждения проблема **темпоральности** как таковая не получила, хотя, естественно, можно возразить, что имеются значительные работы по социальному времени, историческому времени, психологическому времени, биологическому времени и так далее, но, действительно, в данном случае рассматриваются различные аспекты категории времени, рассматриваются различные оттенки понимания интерпретации самой **темпоральности**, однако, в этом случае, можно сказать и о том, что когда, например, в рамках рассмотрения исторического процесса или социального развития рассматриваются объективные и субъективные моменты этих процессов, то вполне естественно затрагиваются самые различные проблемы, связанные с фактором времени.

В современной социально-философской литературе разнообразная работа проведена в отношении социального времени, тем более, что касается социального времени, то есть, в данном случае, можно сказать, что помимо социальной философии, в рамках социологической наук имеются интересные результаты, кроме того, можно сказать, что есть достаточно интересные работы, в которых время рассматривается как индивидуальное, правда в подобных работах в настоящее время, возможно, наблюдается определенный кризис, так как раз диалектика объективного и субъективного в

индивидуальном времени в настоящее время показана не так хорошо, как этого хотелось бы, но все же такие исследования индивидуального времени влекут за собой вполне известные результаты, и, соответственно, имеются концепции, наработки которых позволяют проводить другого рода исследования.

Посмотрим на проблему **темпоральности** несколько с другой стороны, а именно с той стороны, что очень часто в рамках различных исследований употребляем понятие времени, понятие **темпоральности**, и, в принципе, рассматриваем это как определенную синонимию, хотя, действительно, в большинстве имеющихся работ это так и понимают, и, видимо, без особых причин нет смысла вдаваться в определенные тонкости семантического и концептуального характера. Однако, на наш взгляд, все же, когда говорится не время, а **темпоральность**, подразумевается диалектика объективного и субъективного в рамках деятельности социального субъекта и тех процессов, которые происходят в ней и вне ее, то все же, стоит сказать, что, в данном случае, можно говорить о содержании **внутренней и внешней темпоральности** и именно навязанная **внутренняя темпоральность** скорее всего будет выступать **темпоральностью** субъективного опыта, а раз так, то, несомненно, в рамках креативной деятельности социального субъекта будем постоянно сталкиваться с теми или иными флуктуациями этой темпоральности.

Поэтому, в данном случае, подчеркнем, что, рассматривая **темпоральность** социального субъекта, конечно, весьма важно иметь такие понятия как субъективный опыт, ускорение, событие, ментальность, разветвление и так далее. Объективные процессы в пространстве и культуры с точки зрения **темпоральности** происходят как последовательно, так и равномерно, однако при этом не стоит забывать определенные **темпоральные** оттенки по отношению к становлению самой культуры, при этом можно сказать, что само движение **темпоральности**, его понимание как некоторого субъективного опыта социального субъекта в контексте культуры подчинено

все-таки определенным специфическим закономерностям. Нельзя не учитывать, что само социальное пространство и, особенно социальное пространство культуры, является неустойчивым и подвергается различным изменениям, которые могут характеризоваться имеющимися векторами разного направления.

В этом случае вполне справедливо можно сказать, что в понимаемом пространстве могут иметь место достаточно значительные флуктуации, причем эти флуктуации проходят иногда вполне закономерно, но чаще флуктуации проходят случайно, вместе с тем пространство отличается и диалектикой объективного и субъективного, поэтому, когда говорится о **темпоральности** субъективного опыта вряд ли стоит сбрасывать со счетов то, что именно в пространстве могут происходить достаточно резкие изменения, которые будут вызваны теми или иными закономерностями самого исторического процесса.

Конечно, правомерно утверждать, что в определенном смысле, когда речь идет о **темпоральных** флуктуациях, то данный термин в какой-то степени исходит из синергетической методологии, однако в любом случае он достаточно уместен и можно сказать, что, например, используя флуктуацию **темпоральности** в пространстве или конкретно в культуре, отметим, что изменение самого времени обычно происходит с точки зрения его замедления или его ускорения, или же изменяется интенсивность, в конце концов, может измениться темп времени и в этом смысле уже можно говорить о том, что иное движение получают те комплексы событий, которые рассматриваются в данное время в контексте так социального пространства.

В рамках истории философии само понятие ввел в достаточно активный научный оборот и внес, пожалуй, наиболее первые систематические разработки Мартин Хайдеггер. В принципе, подобные разработки Хайдеггера проходили в контексте его представлений о самом бытии и именно для его характеристики Хайдеггер использовал понятие **темпоральности**, естественно, данное понятие выводя на уровень категории. В понимании

Хайдеггера сама **темпоральность** представляет собой определенный процесс, определенную длительность, на основе которой можно рассматривать различные варианты развития самого бытия. В этом смысле М. Хайдеггер справедливо заметил, что: "время исходно как временение временности в качестве каковой оно делает возможной конституцию структуры заботы" [165, С.274] .

Другими словами, понятие **темпоральности** представляется как некоторый процесс прохождения времени и его целеопределенного направленного субъективного опыта на бытие реального мира. Можно, конечно, посмотреть этимологию различных моментов в немецком языке, которые касаются концептов времени, временности, временного, **темпорального**, но в любом случае это уже, видимо, работа филологов в тех контекстах, которые авторы нашли и обратили внимание на те контексты, которые используют сам Хайдеггер. Получается, что **темпоральность** представляется как качество времени или **темпоральные качества** с учетом того, что выше было обращено внимание на **темпоральность** как на характеристику субъективного опыта, поэтому можно сказать, что она представляет собой определенное осознание различных преобразований в отношении качеств и сегментов бытия.

Безусловно, в этом контексте **темпоральность** как некоторый субъективный опыт человека, естественно, имеет отношение и к его субъективному миру, но в данном случае подобное утверждение позволяет говорить о том, что **темпоральность** имеет прямое отношение к тем изменениям, к той динамике и к тем преобразованиям, которые происходят в сфере культуры. Можно перевести проблему в несколько иную плоскость, это будет достаточно полезно, так как в данном случае рассматриваем проблемы, связанные с историческим процессом, с комплексом социальных событий, в этом смысле можно сказать о том, что **темпоральность** представляется некой основной характеристикой, самокорреляцией, социальным событием.

В определенном смысле **темпоральность** представляется в качестве самой сущности времени и явлений, причем это время представляется как порожденное самим движением этих явлений и комплексов событий. В этом смысле можно сказать, что получается с позиций соотношения субъективного и объективного относительно фактора времени, если рассматривать, например, социальное пространство, то фактически получается, что культура имеет не просто характеристику времени, но и характеристику **темпоральности**.

Одни явления и факты могут на протяжении достаточно долгого времени оставаться незаметными, уходить даже на второй план или вообще не играть никакой роли в данном конкретном контексте, причем часто эти явления содержат в себе прошлое, хотя в подобном случае диссертант поспорил бы с теми, кто отнес бы их к проблеме второстепенных, так как анализ хронологий времени указывает, что все эти концепты, которые в настоящее время получили и новое значение, и новое прояснение и, например, и понятие **темпоральности** являются весьма полезными при реконструкции не просто прошлого времени, а при реконструкции сегмента прошлого времени, которое наполнено различными комплексами событий, явлений, процессов, фактов и так далее, и в этом прошлом вполне, естественно, можем говорить о различных противоречиях, конфликтах, переходах, транзита, трансформации и так далее, то есть те версии бытия, которые были в недалеком прошлом. Существует и другого рода явления времени, которые, фактически, оказывают своего рода воздействия на мир, на реальность, на повседневность и так или иначе выходят из пространства своего существования и, в конечном счете, через бытие показывают нам определенные сегменты и определенные перспективы будущего времени и вообще сценариев будущего и даже, возможно, тех сегментов, которые могут получить определенную реальность. Поэтому категория времени представляется предпосылкой, причиной и условия становления культуры, когда же речь заходит о **темпоральности**, то, в данном случае, есть смысл вести дискурс о том, что исследователь имеет дело с действительным существованием человеческого субъективного опыта и

интерпретацией самой культуры. Как нам представляется, рассмотрение **темпоральности** как некоторого субъективного человеческого опыта все же осуществляется на двух основных уровнях. Это уровни как бы подчеркивают диалектику субъективного и объективного, то есть можно говорить о внешнем уровне и внутреннем уровне.

Например, внешний уровень социального субъекта можно представлять в его непосредственном отношении и сопереживанию комплексу социальных событий реального существующей действительности, то есть, если в данном случае исследовать позиции экзистенциальной философии, то в подобном времени можно говорить о мире повседневности, о некотором проживании в этом мире повседневности, о том, что в нем существуют различные события, которые проявляются, формируются, становятся, проходят, а сам социальный субъект, в конечном счете, с точки зрения **темпоральности** субъективного опыта фактически участвует в переживании этого комплекса социальных событий.

Социальный субъект, который является главной фигурой всего происходящего в реальной действительности в истории и культуре, естественно, включается во все процессы исторического и социального развития, причем действительно в настоящее время весьма популярными стали исследования проблем, связанные с креативностью, и, действительно, если посмотреть на точку зрения деятельности самого социального субъекта в реальном мире, то вполне понятно, что креативностью отличается далеко не все социальные субъекты. Между тем, нужно сказать, что сама креативность, конечно, так или иначе будет влиять на интенсивность становления социального бытия, на его замедление, или наоборот на его ускорение. Экзистенциальные мотивы в какой-то мере говорят о том, что **темпоральность** как некоторый субъективный опыт развертывается в социальном пространстве мира повседневности, причем, в данном случае, правильно будет сказать о том, что в множестве различных событий и явления прослеживается та или иная индивидуальная судьба. Дело в том, что в этом

случае, естественно, социальный субъект так или иначе сталкивается с непосредственным присутствием будущего, он просто обязан концентрировать свои силы, возможности, наконец, природу, которая так или иначе получает свое значение и смысл во всем комплексе событий, которые проходят через сегменты времени, и эта же природа, безусловно, дает отпечаток на некоторую **темпоральность** особых человеческих смыслов, на длительность человеческого существования. Предстояние перед будущим для социального субъекта, в некоторой мере, представляется в качестве своеобразного самоосмысления, которое, конечно, в данном случае представляет собой креативное, весьма активное проживание и переживание комплекса социальных событий и культуры в социальном пространстве. Если вспомнить синергетическую методологию, то, в данном случае, по мнению диссертанта, вполне уместно, что само существование и присутствие социального субъекта в реальном мире будет непосредственно связано с множеством тех флуктуаций, которые в нем же происходят, причем эти флуктуации в конечном счете будут определять интенсивность и темпы времени и, безусловно, они будут давать некоторые перспективы, направления, векторы, которые будут определять дальнейшее развитие движения. Философская антропология, феноменология и экзистенциализм скорее считают, что это упрощение будет направлено на сегмент будущего времени.

В данном случае экзистенциалисты, на наш взгляд, данную проблему во многом связывают с тем, что у человека есть определенная биография и, когда речь идет о **темпоральности**, когда речь идет о **темпоральности** субъективного опыта, то, возможно, человек и не просто проживает, а переживает биографию, имеется, в данном случае, определенный опыт старения, причем разные люди, возможно, по-разному принимают не только то, что грядет впереди, те ожидания достаточно революционных, а иногда и эволюционных перемен, но иногда, наверное, не стоит забывать о том, что, в данном случае, может проявляться классическая, **темпоральная онтология**. Так, например, по мысли И. Пригожина, то же экзистенциальное беспокойство

или иначе можно говорить о проживании и переживании социального субъекта, могут выступать в качестве становления некоторой направленности и **темпоральности субъективного опыта**. При этом, видимо, совершенно справедливы те авторы, которые, в данном случае, говорят о том, что проявление **темпоральности** в сфере субъективности по отношению к внешнему уровню с позиции изучений, например, **темпоральности** культуры, будет представлять собой некоторое замедленное или наоборот более интенсивное развитие исторических процессов, причем в данном случае, видимо, следует говорить о том, что по данной проблеме в современной литературе нет определенного единого мнения: одни философы, в данном случае, говорят о локальных процессах исторического, другие - о социальных процессах, но наконец, например, такие философы, как Ф. Бродель, настаивают на том, что, наверное, речь идет о некоторых основных законах развития общества, возможно о законах становления человеческой цивилизации.

Кстати многие философы самых различных направлений, обращаясь в **темпоральности** субъективного опыта, соответственно, с переложением на проблему изменения культурных парадигм, обратили внимание на то, что происходит их реализация в достаточно ускоренном темпе, то есть смена парадигм осуществляется достаточно активно, и поэтому модно говорить о достаточно широкой креативности социальных субъектов, судьбы которых так или иначе впитаются в общую палитру тех социальных преобразований, которые происходят во времени.

§ 2. Феномен темпоральности

В рамках современной философии времени в литературе рассматриваются ряд проблем, которые касаются различных фрагментов, связанных с интересами в русле социально-гуманитарных наук. При этом, когда речь заходит о субъективном времени, то, естественно, спектр

интересующихся данной проблемой весьма велик, так как в данном аспекте можно рассматривать и проблемы биологического времени, и проблемы психологического времени, и проблемы индивидуального времени.

Однако отметим, что все это входит в рамки социального времени, поэтому, естественно, можем говорить о том, что все же при использовании в рамках социальных гуманитарных и иных наук в контексте теории субъективного времени, конечно, прежде всего, следует опираться на имеющиеся философские и методологические основания существующих концепций, но при этом каждая из конкретных наук, использующая концепт субъективного времени так или иначе будет использовать его в своих интересах и привлечение методологических и теоретических моментов, связанных с основаниями субъективного времени, что, в какой-то мере, определяет степень научности определенных исследований. То есть, когда рассматривается конкретная сфера реализации субъективного времени в рамках какой-либо социально-гуманитарной локальной науки, то сам социальный субъект, как исследователь, может не просто рассматривать вопросы в рамках данной науки, но и совершить такую операцию как своеобразное привнесение достижений таких локальных наук на сферу субъективного времени, т.е. практически субъективное время представляется не как определенный источник для решения каких-то проблем социально-гуманитарного характера, а наоборот, проблемы переносятся в несколько иную своеобразную диалектическую плоскость, в которой субъективное время представляется, например, в контексте социологии или истории.

Конечно, при таком понимании существует ряд проблем при правильном истолковании субъективного времени, и эти проблемы, в основном, касаются того, что представители тех или иных социально-гуманитарных наук нередко забывают, что субъективное время входит в сферу социального времени и поэтому является одной из ведущих категорий философии, а поэтому ее следует рассматривать в подобающем контексте, но иногда это не происходит и подобные исследователи локальных социально-гуманитарных дисциплин

субъективное время могут представлять в каких-то прагматических моментах, связанных с локальными гуманитарными науками в том направлении, в котором они поставили перед собой свои конкретные научные задачи, и, возможно, эти задачи связаны с социальным проектированием, прогнозированием и т.д., но в итоге - философская сущность субъективного времени в данном случае, на наш взгляд, отходит на второй план. При этом, в общем-то подобные примеры весьма часто встречаются особенно тогда, когда философские представления о времени сравниваются, допустим, с историческим или социологическим, и уже в рамках последних субъективное время представляется в подобных случаях так, как подобно тому исследователю, который решает конкретный научный проект.

В общем-то, подобную ситуацию понять можно, так как, если проблему ставить шире, например, рассматривать то место, которое субъективное время занимает в рамках социального времени вообще, то, в данном случае, столкнёмся с достаточно проблематичной ситуацией, так как существуют в рамках историко-философских исследованиях достаточно много трактовок субъективного времени и поэтому говорить, что имеется какое-то, даже видимое, единство в рамках методологии, вряд ли есть смысл, скорее нужно говорить о том, что само субъективное время именно в рамках философского исследования необходимо подвергать дальнейшему изучению и это станет той основой, когда уже в дальнейшем можно сравнивать исследование субъективного времени в рамках, например, социальной философии, и затем уже результаты этого исследования представлять в качестве методологической и философской основы для проведения каких-либо конкретных локальных исследований в других социально-гуманитарных дисциплинах, где субъективное время имеет достаточную значимость при решении тех вопросов, которые исследователи уже поднимают в рамках этих наук. Это действительно достаточно интересный аспект, и, на наш взгляд, в рамках исследования стоит на эти проблемы обратить особое внимание.

Заметим, что с точки зрения истории философии у адекватного представления о субъективном времени могут быть достаточно серьезные проблемы, связанные, прежде всего, с тем, что, естественно, субъективное время многими мыслителями принималось в рамках социального времени, а вот что касается социального времени, то в разнообразных работах и античных, и средневековых авторов, и философов Нового времени, и немецкой классической философии, и последующих мыслителей, в общем-то проблема не получила естественное однозначное решение, более того, понятие субъективного социального времени в контексте субъективного времени является вообще, на наш взгляд, одной из недостаточно изученных проблем в рамках социальной философии.

Например, в рамках исторического подхода или социологического к проблеме времени, достаточно часто эта проблема, а именно субъективного времени, используется весьма вольно теми исследователями, которые занимаются конкретно своими задачами. Кстати в этом направлении, проблема выходила в достаточно интересную плоскость, но которая также не получила однозначного толкования, а именно речь идет о том, что субъективное время представляет из себя то понятие, которое, безусловно, имеет свои определенные аспекты к характеристикам и параметрам, при этом, если сопоставить субъективное время с социальным временем, то можно уже говорить об определенном спектре временных параметров и характеристик.

Но в этом-то и заключается основной вопрос, как в этом случае данные характеристики применять в конкретных исследованиях экономических, социологических, исторических и иных, так как естественно, в рамках подобных исследований ученый будет по-разному подходить к области деятельности человека относительно определенной структуры социума, что в итоге, так или иначе, будет приводить не столько к представлению об использовании субъективного времени, например, в рамках социологии, сколько к проблеме использования фактора времени вообще в социологии, истории, экономики и т.д., то есть возникает некоторая категория общего

времени безотносительно допустим временных характеристик, безотносительно учета тех сегментов времени, которые, безусловно, должен учитывать каждый ученый, рассматривая любого вида процессы.

Подобная позиция Н.Н.Трубникова в целом действительно отражает ситуацию, что субъективное время не получило однозначного толкования не только в философской литературе вообще, но тем более в социально-философской литературе, и говорить о том, что, например, субъективное время можно рассматривать с определенных семантических или концептуальных позиций видимо преждевременно, потому что у определенного субъекта систематического развития категория социального времени систематического развития фактически не получило, тем более, если опять же дискурс переводить в интересующий нас контекст социального времени, так как в данном случае возникают вопросы, связанные с тем, насколько возможно погружение концептуально-семантического аппарата, касающегося субъективного времени, в саму онтологическую проблематику философских проблем.

В этой связи, если рассуждать о том изучении категории времени, которое имеется к настоящему времени, то среди философов наблюдается определенная позитивная картина с точки зрения того, что в целом данная категория получила значительное развитие, и какие-то принципиальные прорывные моменты в ее дальнейшем изучении, видимо, не появляются. Однако, на наш взгляд, это не так. Дело в том, что проблема философии времени, если посмотреть на те основные моменты, которые характеризуют данную концепцию, то они рассматриваются с точки зрения достаточно общих проблем, конечно, есть специальные разделы, например, теория относительности, где проводятся значимые, но все же локальные исследования, хотя и носящие характер суперпроблем, но дело заключается в том, что помимо суперпроблем, а они неминуемы, так как время является одной из ключевых категорий не только философии, но и науки вообще. Но изучение любой суперпроблемы, естественно, предполагает ее развитие с

точки зрения тех семантических моментов, которые возникают при изучении тех или иных проблем, в противном случае достигнутые онтологические характеристики могут со временем не только постареть, но и ,в принципе, потерять свой статусный научный характер.

Поэтому, по нашему мнению, подобное исследование следует продолжать, так как содержательное наполнение субъективного времени вносит достаточно серьезный вклад в развитие не только категории времени как таковой, но и в формировании современной концепции философии времени. При этом отметим, что совершенно не против того, что в рамках философии науки проводится много частных исследований, которые, так или иначе, выходят на естественнонаучные направления. Безусловно, работа в этих направлениях будет продолжаться, но что касается сферы развития социально-гуманитарного знания, то разработка субъективного и социального времени как-то не отличается особой активностью, а проблем в общем-то набралось достаточно много, так как во многом, когда речь заходит о субъективном времени, философы начинают ссылаться на позиции Гуссерля, позиции Дильтея, Хайдеггера и других известных мыслителей, которые действительно внесли огромный вклад не только в представление о социальном времени вообще, но и, прежде всего, о субъективном времени.

Однако многие их концепции, во- первых, не получили дальнейшего развития и тем более истолкования, а, с другой стороны, в рамках современной науки появляются новые вопросы, которые требуют корректировки представления о субъективном времени, мы, например, можем прямо сказать, что такая категория как темпоральность практически не получила развития в современной философской литературе, так как в данном случае эта категория не просто является той категорией, которой пользовались представители различных философских школ, она весьма значима и удобна для проведения целого ряда исследований, когда сталкиваются именно различные философские школы.

Достаточно затруднительно привлекать аппарат философии времени, связанный с какими-то естественнонаучными проблемами, так как имеем дело с ментальными образами и, в данном случае, говорить о субъективном времени приходится в контексте тех темпоральных характеристик, которые вряд ли можно считать отражением той реальности, в рамках которой находится человек. Скорее всего- это порождение человеческого сознания, но в этом случае мы естественно не входим в рамки концепции субъективного идеализма, однако отделить свою позицию от него обязаны, поэтому говорим что такая категория как темпоральность, которую некоторые российские философы отметили в своих трудах, действительно привлекает внимание, например, обратим внимание на исследования Суворова, который представил свое представление о темпоральности и ее месте в ряду категорий, связанных с представлением о времени.

Считаем, что подход Суворова очень интересен, и в подобной ситуации во многом этот подход нам импонирует, однако у нас тоже имеются некоторые сегменты знаний, связанные с представлениями о субъективном времени, именно как времени, которое находится в рамках теории темпоральности и, естественно, в этой связи возникает вопрос: как определить эту темпоральность. В дальнейшем в работе этой проблеме будет посвящен параграф, что является вполне справедливым, так как, в данном случае, проясняются некоторые вполне нормальные основания изучения проблемы субъективного времени. Безусловно, в этом направлении могут возникнуть ситуации, когда ученый пытается связать субъективное время с конкретными фрагментами той науки, с которыми он имеет дело. Действительно имеется определенная правомерность дискурса относительно того, что в контексте того же исторического или экономического процесса необходимо исследовать субъекта, который в настоящем времени как бы переживает определенные события, протекающего процесса истории, и в этом случае возникают исследования относящиеся к историческому времени.

Конечно, исследование исторического времени имеет определенный интерес, и исследования подобного рода проведены, но с точки зрения нашего изучения исторического времени, по крайней мере, в обозримой литературе, весьма слабо обозначена роль субъективного времени в рассмотрении исторического процесса. Точнее, подобное рассмотрение даже не проводилось и воспринималось как само собой разумеющееся, так как исследователь, как субъект, представлял свои взгляды, представления, истолкования того времени, в рамках которых он, допустим, реконструировал историческое время, но эта реконструкция была действительно привязана к историческому времени, и вопрос о том, что, в данном случае, есть определенный концептуально-семантический аппарат субъективного времени, конечно, особого энтузиазма для исследований не вызывал.

То же самое относится и к сфере социологии, когда, например, идет рассмотрение тех или иных социальных институтов, то нередко достаточно вольно используется понятие времени, и понятие социологического времени не получило определенного статуса в литературе, однако социологи используют категорию времени, и это вполне нормально, хотя с точки зрения опять же фундаментальных философских методологических оснований использовать эту категорию необходимо с точки зрения тех категориальных и концептуальных основ, которые связаны с субъективным временем. Иначе динамика социальных процессов, связанных с социологическим временем, социологическими процессами, которые рассматриваются в рамках развития современного социума, в общем-то имеет мало общего с теми характеристиками и параметрами, которыми обладает субъективное время, хотя те философские школы, которые не переводили субъективное время на уровень темпоральности, например, Хайдеггер или Ясперс, оставались практически в тени.

Возникает достаточно интересная ситуация в рамках которой некоторые ученые в конкретных научных исследованиях, и чаще всего в рамках гуманитарной сферы, считают что более удобно использовать

субъективное время с учетом тех характеристик, которые подходят к той науке, категориями которой они оперируют, то есть данный ученый может даже и не рассматривать социальное время вообще, а может, иногда, не рассматривать субъективное время вообще, для него главное- это набор тех параметров и характеристик, которые, на его взгляд, представляет философия времени вообще, поэтому размышления о социальном времени, или субъективном времени в контексте подобных взглядов представляются бессмысленными и не нужными. По нашему мнению, субъективное время относится к тем концептам и категориям, которые многим исследователям представляются достаточно хорошо изученными, но при этом подобная категория безусловно характеризуется своими параметрами и характеристиками, что в итоге правомерно позволяет рассуждать о том, что субъективное время- это все же категория интегральная и было бы неправильно исследовать ее в контексте общей концепции времени, не говоря уже о том, чтобы изучать с точки зрения какой-то локальной социальной дисциплины, так как сущность субъективного времени в подобных контекстах явно теряется.

Действительно, точка зрения Е.В.Соколовой весьма точно подчеркивает ту характерную особенность субъективного времени в общем контексте не только времени, но и социального времени, когда ,если есть субъективное время, то необходимо для чистоты, значимости результата, представить определенную диалектику субъективного и объективного времени для того, чтобы то или иное исследование действительно было адекватным с позиций именно научного исследования, в противном случае выделение объективной или субъективной стороны ведет к тем проблемам, которые в общем- то хорошо известны философии, и, к сожалению, отметим, что в современной литературе действительно есть стремление тем или иным образом уйти от понятия субъективизма, что приводит к неоправданному объективизму. И в этом плане страдают исследования, связанные с субъективной стороной человеческой деятельности, даже можно сказать более, что в какой-то мере

этой стороной больше заинтересовались представители психологии, физиологии, биологии и так далее, то есть, в данном случае, субъективное время, его изучение заранее относит нас к взглядам Гуссерля, Хайдеггера, Дильтея и других мыслителей.

Заметим, что субъективное время и субъективная точка зрения на те или иные социальные процессы, это не одно и то же, это разнопорядковые процессы, и когда исследователь подходит к изучению социального процесса, он должен обладать определенным набором темпоральных характеристик и параметров, которые непосредственно отражают его позицию с точки зрения субъективного времени. Дело действительно не простое, представить линейный или нелинейный процессы, учитывая субъективное время, однако даже если рассмотреть сложноразвивающиеся и сложноорганизованные системы, то когда, например, дискурс заходит о выборе флуктуаций в этих процессах, то в современной философской литературе поднимается проблема о возможности влияния человека на эти флуктуации, вполне естественно, что без изучения субъективного времени, без изучения категории темпоральности, в этом случае исследования в синергетических системах ,фактически, обречены на провал.

Тем более, что имеем определенные наработки в данной сфере, которой касается целый ряд интересных моментов, в этом смысле можно выделить работы Васильковой, Делокарова, Федотовой, но, тем не менее, субъективное время с точки зрения его представления, допустим, через флуктуации, через инициации человеком тех или иных действий в рамках сложноорганизованных систем, фактически, не получило должного развития, поэтому утверждать, что здесь имеется целая сфера исследований на стыке того, как, например, субъективное время связано с активно- креативной деятельностью человека, с темпоральностью, которая нами понимается несколько нетрадиционно, и вообще с кругом всех тех проблем, которые обязательно предполагают рассмотрение диалектики субъективного и объективного в тех случаях, когда речь идет о моделировании, о рассмотрении, о представлении, об анализе, об

истолковании и так далее того, как развивается социальный процесс, как проходит социальное развитие вообще, какие существуют его фрагменты, как в рамках социального развития реализуются те или иные концепции и структуры времени.

Это достаточно важный вопрос, потому, что от того как представить исторический или социальные процессы, как представить процесс социального развития вообще, во многом зависит его понимание и осмысление, и, безусловно, без категории времени в данном случае не обойтись. Более того, в современных исследованиях как-то на второй план уходит проблема структур времени при изучении социального развития, на наш взгляд, это является достаточно серьезной ошибкой, ведь именно проблемы структур времени, их параметров и характеристик с выходом на проблемы социальных трансформаций и социальной транзитологии позволяют достаточно по-новому посмотреть на проблемы социального бытия, на его развитие, на его уровни, рассмотреть не просто категорию социального бытия, посмотреть на нее со стороны, с другой стороны, с учетом субъективного времени, посмотреть на категорию социального бытия самого человека, самого субъекта, который проводит подобные исследования.

Это действительно весьма интересная и важная проблема и в рамках современной философской литературы, к сожалению, следует сказать, что не находим каких-то серьезных, обширных и фундаментальных исследований в данном направлении, хотя, как было сказано выше, они должны быть. В нашей работе, в определенной степени, попытаемся на эту проблему посмотреть с точки зрения диалектики субъективного и объективного, рассмотреть субъективное время в контексте социального времени и так далее, и в данном случае достаточно неплохие теоретические основания нам дает история философии. Например, известный ученый Г.Зиммель действительно в рамках своих исследований уделял достаточно внимание проблеме времени, но в данном случае можем говорить о том, что в рамках исследования Г.Зиммеля следует говорить о том, что, рассматривая проблему времени, он во многом

колебался между философской концепцией и между тем применением времени, которое весьма удобно в рамках социологии. Сам Зиммель концепцию времени в рамках своих исследований применил тогда, когда предположил, что данная категория весьма важна тогда, когда следует прояснить определенную диалектику между реальностью социальной жизни и существующим порядком.

Из этого, безусловно, вытекает, что категория времени необходима для рассмотрения тех преобразований, которые возможны и для порядка и той структуры, о которой говорит Зиммель. В этом смысле, на наш взгляд, сам Зиммель отходит от своей дуалистической позиции в рамках социологических исследований в том смысле, что, представляя действительность через терминологический аппарат контрастов и конфликтов, он в принципе на приоритетные позиции выдвигал вопросы, касающиеся того, как этот социум и эта действительность могут быть организованы. Это весьма интересные вопросы, однако не будем в данном случае вдаваться в подробности различных фрагментов работ, так как это не входит в рамки нашего исследования, а, с другой стороны, все же подобные представления о том, как время представляется в социологии и как в этом случае можно представить диалектику действующих субъектов и внешних объектов все же получает неоднозначный ответ, и этот ответ можно видимо рассматривать в направлении определенных субъективаций, равно как и со стороны объективации некоторых социальных форм. Но при этом, безусловно, следует отметить, что именно в контексте изучения субъективного и объективного аспектов социального времени, Зиммель пытался рассмотреть саму креативную деятельность субъекта познания и это давало на его взгляд возможность преодолеть некоторый дуализм между действительной жизнью человека и теми социальными формами, которые при этом складываются. Конечно, в этом плане нельзя сказать, что подобная позиция вела Зиммеля к тому, что при толковании времени в рамках социологического исследования

он пытался совместить концепты социального изменения и социального порядка.

Если говорить о современной философии нестабильности, то в какой-то мере возможно рассуждать о том, что некоторые основания действительно заложены в рамках концепции Зиммеля, так как рассмотрение корреляции социального изменения с учетом корреляций субъективного времени с выходом на социальное время, безусловно, ведет к пониманию социального развития с точки зрения такого социально-философского представления, когда именно социальный процесс понимается в рамках теории нестабильных и стабильных моментов в процессе развития. В этой связи отметим, что сам Зиммель отмечал, что стабильные формы социальных субъектов представляются непосредственно фиксированными в контексте некоторого спектра временных параметров и определенного временного интервала и воздействуют на человека как некоторый сдерживающий фактор, поэтому можно понимать ситуацию таким образом, что даже темпоральность, в понимании Зиммеля, касается не только креативности или активности субъекта, но она, в большей степени, демонстрирует, что субъективное время непосредственно касается не просто действительности человека вообще, но и выходит дальше, выходит к каким-то конкретным, возможно локальным проявлениям индивида, его активности, его креативности, которые и дают его определяющий параметр для организации общества, этот параметр будет являться параметром стабильности.

Нельзя в этой связи не отметить, что рассматриваемая нами проблема человеческой активности в концепции Зиммеля с точки зрения субъективного времени в общем-то рассматривается им в контексте определенных временных границ, и в, данном случае Зиммель в какой-то мере пытался видимо копировать Аристотеля, однако к хронологии границ онтологических аспектов он не пошел, а исходя из его понятия конфликта, сущность человеческой креативности связано с тем, чтобы выйти за эти границы, которые фактически, по Зиммелю, представляют некоторый социальный

порядок, но это, безусловно, несет нарушение стабильности, которая существует в обществе, и это, в значительной степени, может быть рассмотрено как неординарный, возможно противоречивый момент концепции Зиммеля, так как получается, что такое противоречие между желанием индивида сохранить социальный порядок, с одной стороны, а, с другой стороны, его разрушить в рамках одного временного интервала, фактически ведет к возникновению парадокса существования и не существования. Возможно Зиммель до конца не понимал, что само время в подобном представлении не способствует пониманию ни поведения человека, ни того социального порядка, о котором Зиммель пытался размышлять.

Единственно, что в данном случае, на наш взгляд, можно позитивно оценить, это попытку все же соединить проблему субъективного времени с существующим социальным порядком, то есть социальный порядок представить в контексте социального развития и уже затем рассматривать корреляцию субъективного времени с социальным развитием в рамках социального процесса. Видимо, попытки Зиммеля определить некоторые границы в этом процессе, во многом об этом и говорят, то есть подтверждают позицию Зиммеля поддержать идеи Аристотеля о рассмотрении изменения, уничтожения и преобразования на шкале времени с привлечением темпоральных структур. Конечно, возможно Зиммель так далеко и не представлял себе проблему, однако фактически он к ней подошел и нельзя не отметить его заслугу в этом направлении. Но следует обратить внимание и на то, что своеобразное противоречие, которое у Зиммеля возникло между существованием и не- существованием в контексте социального времени может привести к представлению о вневременном характере действительности, и дело здесь будет заключаться скорее всего в том, что если следовать Зиммелю и его позиции приоритета на социального развития, то будет существовать только настоящее, так как будущее время еще не наступило, а прошлое ушло в небытие.

В данном случае, Зиммель мог в своей концепции воспользоваться наработками относительно темпоральных границ, но систематического исследования у него не наблюдается, фактически правомерно говорить о некоторых декларациях Зиммеля в отношении того, что подобные границы в рамках социального развития предполагают прикосновения прошлого с настоящим, настоящего с будущим, естественно, что представляют из себя данные границы с точки зрения с точки зрения темпоральных структур, Зиммелем не говорит,- моменты это или интервалы, как в свое время это обозначал Аристотель. Зиммель этот момент во внимание не принял, и поэтому для нас достаточно сложно поддерживать позицию Зиммеля по этому вопросу, так как отсутствие четкого представления не только о диалектике субъективного и объективного в рамках социальных изменений и того социального порядка, о котором говорит Зиммель, но и в отношении сущности субъективного времени, его влияния на социальные процессы, не позволяют говорить о том, что в данном направлении исследования Зиммеля получили какие-то интересные и значимые результаты.

Если в рамках концепции Зиммеля находим попытки представить социальный процесс с позиции субъективного времени, и как процесс представляющий собой и переходы прошлого к настоящему и будущему, то, естественно, в этом случае на первый план выходят проблемы, связанные с субъективным и объективным временем, их диалектикой, их корреляцией с социальным временем, причем социальным временем не просто как таковым, а социальным временем в контексте каких-то темпоральных структур.

В нашей работе с точки зрения приоритета темпоральности, с точки зрения структур предполагаем моментно-интервальные структуры времени, что вполне естественно для нас, и та же проблема настоящего будет представлять для нас длящееся настоящее, и те границы, которые обозначены у Зиммеля, в этой связи будут приниматься не как некоторые моменты времени, а как некоторые подвижные индексы, которые будут фактически представлять собой окончание одних интервалов и начало интервалов других.

Если посмотреть на данную проблему с точки зрения, допустим, включенности интервалов через проблему подинтервальности, то получается, что сама концепция Зиммеля оказывается не вполне адекватной, так как в данном случае указанные им границы становятся не более как границами между вовлеченностями одного интервала в другой, и об этом говорили многие современные философы, занимающиеся проблемами философии времени, такие как Ван Бентэм, Д.Берджес, Г.. Вригт, В.В.Попов, А.М.Анисов, А.С.Карпенко и другие.

Заметим однако, что то, о чем сейчас идет дискурс, является малоразработанным вопросом в современной социальной литературе, поэтому, на наш взгляд, у данного исследования имеются хорошие перспективы, которые возможно, с одной стороны, покажут роль интервальных структур в рамках диалектики субъективного и объективного времени, а, с другой стороны, внесут ясность в онтологию концепции социального времени с позиции его аналитичности, системности и структурирования. В этом плане опять же возвращаясь к Зиммелю можно сказать о том, что до него представления о времени с позиции социального развития, конечно, обозначались как развитие линейное, поэтому можно говорить, что даже, если в рамках концепции Зиммеля попробовать провести некоторые интенции относительно соотношения субъективного и объективного времени, то мы столкнемся исключительно с линейной концепцией, хотя вполне понятно что индетерминистские структуры времени в данном случае будут более уместны.

Определенный вклад в развитие идей субъективного времени с точки зрения изучения социального процесса внесли И.Гурвич, Р.Мертон, П. Сорокин . Конечно, в соответствии с задачами работы автор не будет проводить каких-то фундаментальных исследований относительно концепций данных социологов, но есть смысл обратить внимание на некоторые моменты, которые связаны с историей понимания учеными взглядов на субъективное время и на социальное время. Отметим, что Р.Мертон, П.Сорокин особое значение придавали исследованию качественного содержания субъективного

времени и цикличности или моментности социальных ритмов. Эти ученые с различных сторон изучали содержание субъективного времени на различных уровнях, предполагая, что для субъективного времени в рамках социального времени, решающее значение имеет правильный выбор параметров и характеристик времени, которое будет коррелировать с социальной жизнью человека. И в этом смысле они приходили к тем же выводам, что и Э.Дюркгейм в тех вопросах, которые касались цикличности, интенсивности и ритма развития социума, причем если говорить о Дюркгейме, то для него проблема фактически заключалась в том, чтобы рассмотреть семантические аспекты вопроса и основное внимание уделить определенным единицам времени.

В данном случае с точки зрения субъективного времени Дюркгейм предполагал, что эти единицы времени позволяют субъективному времени человека строить некоторые временные ряды относительно той реальности к которой человек имеет дело. И это действительно достаточно интересная позиция Дюркгейма, которая несколько перекликается с позицией известного немецкого философа Фихте. Анализируя структуру социального развития с учетом того, что субъективное время используется нередко субъектом для анализа комплекса или конкретных социальных событий, которые происходят в рамках этого развития, Мертон, Сорокин и Зиммель в этом плане правильно определились с той определенной единицей, которая находится в рамках пусть и линейного представления о социальном развитии, но, тем не менее, на первый план выдвигали социальные события, и если речь шла об определенных циклах и ритмах жизни человека, то, по их мнению, анализ социальных событий придает смысл анализу самой социальной жизни и в какой-то мере вносит ясность в мотивы поведения человека именно в ритме этих моментов социальной жизни.

Такие ритмы общества коррелировались с тем, что исследования их реального смысла имеет значение только посредством использования некоторых параметров времени и представления такого анализа через

конструирования социальных структур, которые представлялись так же как структуры стабильные. При этом нельзя не отметить что Р.Мертон и П.Сорокин отмечали, что субъективное время по содержанию качественно, и что это содержание происходит из верований, обычаев, традиций, которые присущи для локальной социальной группы. Это действительно придавало определенное значение именно для рассмотрения вклада данных мыслителей в различные моменты субъективного времени. Продолжая тему роли транзитивности и трансформаций в рассмотрении субъективного времени в контексте социального времени подчеркнем, что тот же Р.Мертон отметил например, что субъективное время, конечно, отличается от времени астрономического, и в данном случае он особый акцент сделал именно на социальный порядок и на изменение социальных событий.

Конечно, можно по-разному понимать определенные комплексы событий, например, тот же Р.Мертон связывает их с некоторым статичным положением общества, и это положение будет представлять своеобразную границу для того, чтобы по отношению к ней можно было определять трансформации, изменения, преобразования и так далее, но в данном случае Мертон подходит к позиции Зиммеля, принимая его представления о границе, он тем не менее не понимает истинный смысл этого термина, который использовал Зиммель. Поэтому, естественно, в такой ситуации правомерно утверждать, что для Р.Мертонна возможно социальное изменение и социальный порядок выступают теми категориями, которые являются результатом деятельности субъекта, его схем субъективного времени, соотношение этих схем с социальным порядком, но в любом случае подобное социальное бытие выглядит не убедительно, тем более, если еще придать ему характеристики динамики и многоуровневости. Кстати П.Сорокин, в этой связи, подметил другую интересную особенность, с которой в общем-то видимо не стоит спорить, но которая принимается в общем-то в некоторой неадекватной форме, во всяком случае не в той форме о которой говорил Сорокин.

Он обращал внимание на то, что в социуме интервалы субъективного времени в принципе при проектировании их на социальный процесс выделяется только тогда, когда это необходимо для каких-то глобальных исследований, естественно в этой связи необходимо как-то измерять субъективное время в контексте социального времени. Проблема переносится в иную плоскость, именно в плоскость механического измерения, конечно, в данном случае Сорокин не мог перейти к проблеме часов. Отметим, что все же несмотря на действительно серьезные проблемы с диалектикой субъективного и объективного времени, П.Сорокин внес определенный вклад в рассмотрение структуры времени, и особое внимание он уделил интервальной структуре, причем если говорить о семантической стороне этого вопроса, то такие концепты как темп, порядок, ритм, в принципе, действительно были подвержены определенному анализу именно П.Сорокиным. Рассматривая эти результаты сквозь призму отношения к субъективному времени, И.Гурвич выделил восемь типов времени, выделение такого количества времен, на его взгляд, позволяет рассмотреть различные его типы. На наш взгляд, Гурвич в общем-то проделал неплохую работу в отношении рассмотрения типов времени, по крайней мере это касается исследования, допустим, вопросов порядка, организации в современном социуме, однако проблема многоуровневости социального бытия в данном случае осталась для него в стороне, тем более, что сам И.Гурвич предполагал, что на первое место выходят не проблемы, связанные с исследованием социального бытия, когда речь заходит о его корреляции с социальным временем, а с культурой, но своеобразное понимание культуры у Гурвича, как корреляции различных типов времен не дает возможности применить его представления к общей проблеме, так как получается, что дискурс переносится в сферу каких-либо социальных конфликтов и это естественно является негативом любым исследованиям в области онтологии и представления об адекватности социального времени.

Нельзя не отметить и тот факт, что как и Дюркгейм, так и И.Гурвич разделяли время на макросоциальное и микросоциальное, что предполагалось для разделения сложных социальных организмов и социальных институтов. По большей степени, подобные исследования были проецированы И.Гурвичем на типы социального времени, при этом П.Сорокин, как и И.Гурвич отмечал, что субъективное время не всегда подвергается измерению. И при этом они выдвинули достаточно спорную интенцию относительно возможности качественного определения субъективного времени, однако с точки зрения современной науки функциональные и аналитические подходы к измерительным моментам времени, безусловно, в итоге сойдутся с часами и это будет своеобразным субъективным временем.

Поэтому, в данном случае, не вдаваясь в некоторые подробности, которые можно связать как с развитием особых идей, связанных, например, с идеями философов жизни или феноменологов по отношению к интеллектуальной экзистенции, способной создавать какие-то определенные идеи, которые фактически можно понимать и как идеи уже не совсем здорового человека и вплоть до того, чтобы рассматривать идеи безумия в контексте темпоральности, то, видимо, следует говорить о том, что для этого, не стоит рассматривать тонкости данных моментов. Это в принципе, на наш взгляд, весьма неплохо, потому что в данном случае проявляются проблемы, связанные не просто с возникающим интересом с позиции любопытства к субъективному внутреннему опыту человека через темпоральность, а, фактически, такое изменение, а скорее самоизменение темпоральности, может, в конечном счете, привести к тому, что возникает параллельная необходимость в ведении продуктивного воображения, которое будет соединять в себе сегменты или комплексы социальных событий. Человеческие переживания будут наполняться все новыми и новыми смыслами.

Безусловно, продуктивные воображения и связанные с ними креативные действия социального субъекта будут накладывать свой отпечаток на понятие темпоральности, а если это так, то, соответственно, будет изменяться

темпоральность как переживания, так и проживания, и в данном смысле несколько поменяются креативность и продуктивность, так как, безусловно, они будут нуждаться в собственном представлении о том, как будут в рамках подобной ситуации создаваться новые конструкции, новые концепции, некоторые новые воображения и возможно даже человеческие имиджи.

В этом смысле, видимо, стоит обратить внимание на позицию тех же философов жизни, которые по-своему поминали, например, комплекс психических состояний и этот комплекс в итоге базировался на том, что сам социальный субъект, в конечном счете, выделял в своих внутренних переживаниях как не собственное, так и собственное понимание того комплекса социальных событий, которые могут происходить с ним или вокруг него, поэтому такие понятия, как: страх, удовольствие, страдание могут вполне существовать в различных уголках памяти, часто на ее противоположных событиях, как говорят философы жизни, но так или иначе они будут переживаться и проживаться в определенном поле мира повседневности.

Конечно, самые различные представления о внутреннем состоянии социального субъекта связаны с тем серьезным спектром переживаний, который фактически характерны для любого человека, тем более, если рассматривать внутренний мир, то он представляется довольно насыщенно. Например, если вспомнить позицию Мартина Хайдеггера относительно корреляции таких понятий, как ужас и страх, то в этом случае можно сказать следующее: безусловно, большинство философов, причем самых различных направлений, будут представлять такие понятия как не просто близкие по форме, но и возможно некоторые уровни одного и того же феномена. Однако в рамках экзистенциализма такие, казалось бы, близкие феномены могут оказываться с точки зрения самого человеческого переживания, изолированными между собой, возьмем, например, категорию страха.

Прежде всего, страх связан с необходимостью социального субъекта проявлять внимание к своему существованию, при этом страх, безусловно,

обусловлен неустойчивостью потока переживаний и проживания и имеет формы проявления в переживаниях человеческого познания, если речь заходит о понятии ужаса. В данном случае позволим переключиться на несколько другой подход к самой ситуации.

Дело в том, что если вспомнить идеи Мартина Хайдеггера, то, безусловно, в данном случае понятие ужаса будет уже относиться не просто к некоторым переживаниям человеческого сознания, оно будет относиться к проблеме бытия и фактически в рамках экзистенциализма Хайдеггера ужас примет своеобразную онтологическую основу, при этом можно привести известные слова Хайдеггера о том, что " ужас есть следствие бытия в мире как брошенного бытия к смерти" [165,С.149].

Поэтому, если рассматривать категорию страха в рамках экзистенциализма, то, естественно, его различное представление, его состояние, в конце концов, эффективность будут так или иначе определяться реальными бытийными состояниями самого социального субъекта, и естественно комплексом тех социальных событий, которые будут наполнять конкретную индивидуальную человеческую судьбу этого субъекта. С другой стороны, если к этим событиям подходить с позиций понятия ужаса, то он будет уже непосредственно связан с такими структурами сознания, которые уже ближе к онтогенетическим моментам, и в данном случае, если вспомнить некоторые современные философские учения, то такое онтогенетическое понимание ужаса достаточно близко рассматривать в контексте онтогенетического опыта эсхатологии. Но в любом случае подобные интенции в рамках экзистенциализма ведут к тому, что следует рассматривать вопросы, которые связаны не просто с темпоральностью или субъективностью, а просто , например, с утверждением этой субъективности.

На ведущие позиции выходит, например, понятие человеческого поступка, который вполне является своеобразным не только проявлением темпоральной субъективности, но и своеобразным его утверждением, причем в рамках интенсивности внутренних переживаний социального субъекта

возникает потребность в совершении этого поступка. Конечно, в данном случае, если говорить о конкретной реальности осуществления подобных условий человеческого поступка как утверждения его субъективности, следует говорить, безусловно, о том, что в подобном понимании можно рассматривать многообразие в контексте социального пространства и уже потом в самом понимании человеческого поступка рассматривать его способность формировать комплекс социальных событий, который в данном случае будет определять само человеческое бытие.

Заметим, что такой вопрос, конечно, не является новым в рамках философского рассмотрения, однако стоит вспомнить, что креативность субъекта как внешняя, так и внутренняя, в конечном счете, оказывается непосредственное влияние на поступок, на его утверждение, в конце концов на его измерение, так как, по мнению тех же экзистенциалистов, конечно, креативность внутреннего человеческого воображения не всегда имеет выход с точки зрения своего внешнего проявления, однако данная ситуация вовсе не означает, что само воображение потенциально не может создать определенные условия и даже определенный вектор для креативных действий, то есть, в данном случае, дискурс идет о том, что помещенный в определенный контекст человеческих переживаний и человеческих действий сам поступок субъекта, безусловно, выступающий как некоторое выражение внутреннего переживания и субъективного опыта человека, может фактически сформировать некоторое событие, которое будет разделять другие социальные субъекты и соответственно в данном случае подобная ситуация будет говорить о том, что появляется как бы другой путь формирования темпоральности и культуры через подобную субъективную фиктивность.

Хотя, на наш взгляд, подобные высказывания характерны для экзистенциализма, однако, когда речь идет все же о категории темпоральности как о субъективном опыте человека, то подобные оттенки все же имеют серьезное значение, но их лучше исследовать в рамках других тем, в рамках рассмотрения внутреннего бытия человека и уже там рассматривать не просто

соотношение рационального, феноменологического или экзистенциального, а именно брать, конкретно, позиции феноменологов, философских антропологов, экзистенциалистов и уже в рамках их концепций рассматривать различные проблемы, связанные с темпоральностью, связанные с тем, как в лучшем сравнении темпоральность связана с внутренними переживаниями человека с тем, как в рамках креативного воображения человека рассматривается темпоральность самой культуры.

Нередко проблема темпоральности переносит на такой уровень, который, на наш взгляд, больше характерен для рассмотрения, например, индивидуального времени, личного времени, субъективного времени, исторического или социального времени, однако проблема, тем не менее, стоит в самом ряду философских изучений и мы не будем ее глубоко раскрывать, однако нельзя не отметить: дело в том, что проблема соотношения, например, времени социального субъекта и личного времени, так как, по мнению ряда ученых, эти два понятия противостоят друг другу. Дело в данном случае заключается в том, что если брать время культуры, то это время культуры рассматривается как некоторый приоритет над личным временем и в данном случае может рассматриваться как некоторое противостояние, но, с другой стороны, время самого социального субъекта будет своеобразным образом противостоять культурному времени и тогда появляется своеобразное наложение темпоральности друг на друга.

В данном случае, весьма интересное исследование может быть произведено в рамках возникающего энергетического поля подобного наложения, так как, безусловно, мы не можем в данном случае обойти вопрос о том, что происходит изменение темпа и интенсивности как личного времени, так и, например, времени культуры. В этой ситуации наложение темпоральности может рассматриваться совершенно по-разному, в том числе можно говорить о возрастании креативности, например, социального субъекта, но если подойти к проблеме с точки зрения структуры времени в рамках рассмотрения его внутреннего переживания, ввести категории длительности,

непрерывности, то тогда фактически можно говорить о том, что таким образом представляемое время в отношении культуры будет рассматриваться, фактически, через целое семейство темпоральных длительностей и, прежде всего, на первое место будут выходить темпоральные пунктуации, которые, фактически, будут подпитываться той своеобразной энергией наложения темпоральных полей, которые возникают от сочетания внешнего и внутреннего аспектов самого субъективного.

При этом исследования в данном направлении принесут определенный интерес, однако, на наш взгляд, подобное рассмотрение сегментов социального пространства будет показывать некоторое разнообразие состояний повседневного переживания, существования и проживания темпоральности субъекта. Возможно, в этом случае можно говорить о переходе к исследованию более комплексного характера, например, понятия субъективной темпоральности. Истоки данной проблематики, конечно, идут от концепции социальных полей, которые так или иначе можно экстраполировать на определенную диалектику интерсубъективной и индивидуальной, а также внешней и внутренней темпоральности.

Учитывая то, что подобным образом понимаемое поле социальности, безусловно, предполагает некоторую топологию, а можно сказать и больше: определенность топологическую реальность, безусловно, следует вести дискурс о том, что характеристики времени также могут быть присущими некоторому социальному полю. На этот своеобразный вывод из подобных размышлений можно сказать о том, что индивидуальная или субъективная топологическая проблема, которая возникает при рассмотрении социальных ролей, безусловно, порождает рассмотрение некоторого нового спектра, имеющего определенные онтологические моменты, а именно хронологии.

В данном случае имеется достаточно уникальный подход к подобной хронологии, так как она будет рассматриваться как субъективная хронология в рамках социальных полей, если к этому добавить понимание темпоральности как субъективного опыта социального субъекта, то вполне естественно, что

подобная позиция будет характерна скорее не для рационалистических или пострационалистических концепций, она будет более характерна для философской антропологии, феноменологии и экзистенциализма, а возможно, и философии жизни. Исследование темпорального субъективного опыта с позиции соотнесенности с индивидуальным ментальным пространством, безусловно, не имеет приоритетного направления на исследование социальных полей, и тем более, на рассмотрение их концептуальных или теоретических оснований.

Дело в том, что социальный субъект, его личностный мир входит в социальное пространство, а точнее вовлекается в него, и поэтому в данном случае стоит говорить о том, что общая направленность нашей диссертации предполагает рассмотрение кризисных периодов и социальных трансформаций, которые происходят в реальном мире, и эти трансформации характерны не только для объективного, но и для субъективного мира человека, поэтому темпоральность, безусловно, интересует нас и как внутреннее переживание социального индивида и наше определенное соотнесение позиций с феноменологами, экзистенциалистами и другими философами разных направлений, чтобы выделить свою точку зрения, которая все же, в большей степени, является пострационалистической.

Темпоральность, как субъективный опыт человека, выходит на приоритетные позиции, когда, например, наступают серьезные кризисы в обществе и в данном случае тот же социальный субъект, который обладает темпоральностью как опытом, не всегда способен отчленить, проимитировать, осмыслить и понять значимость и актуальность того момента, который он переживает и если он, фактически, непосредственно относится к тем кризисным изменениям, которые происходят с самой темпоральностью, соответственно, у него возникает неопределимое желание каким-то образом попытаться, пусть ментально, но затормозить время, то есть фактически вернуться к первичному образу жизни. Такие коллизии, связанные с изменениями в сознании самых различных людей, конечно, определяется,

прежде всего, тем кризисом, который возникает в его внутренней темпоральности, потому что, в данном случае, конечно, различные темпоральности никак не будут сопоставляться ни по темпам, ни по интенсивности, ни, тем более, по векторам развития.

Своеобразная элиминация из обычного темпа темпоральности выражается не только какими-то временными неудобствами или потерей того или иного комфорта, в данном случае речь может идти и о более серьезной проблеме, например, о духовной катастрофе, то есть темпоральность, как социальный опыт, предстает перед человеком как темпоральный разлад, который нуждается в том, чтобы, фактически, он, если и не был важен, то, по крайней мере, появились какие-то аргументы, которые дали бы возможность человеку каким-то образом осознать эту духовную катастрофу, либо, по крайней мере, уберечься от того страха, который она будет нести. Кстати, на наш взгляд, вполне аргументировано то, что различные интенции, которые так или иначе будут подкреплять человека в уверенности своей позиции во время различных кризисов или духовных катастроф, связаны с тем, что эти определенные интенции изначально могут исходить, например, из мифологического, потому что мифология, на определенное время, сглаживает те проблемы, которые возникли при непонимании социальными субъектами новой ситуации и фактически новой темпоральности и нового субъективного опыта, которые они еще не успели осознать.

Поэтому коллективное сознание или массовое представление многих людей, в какой-то мере пусть лучше существует в некоторых эфемерных представлениях, так как в дальнейшем, когда ситуация с присутствием темпоральности будет намного яснее, то в общем-то подобная эфемерность достаточно быстро теряет свою актуальность. Это время, когда на первый план выходят активные, сильные, креативные личности, которые способны так или иначе активизировать ту темпоральность, которая кажется многим людям постоянно ускользающей, они способны предвидеть некоторые итоги тез преобразований, которые осуществляются в мире, и, соответственно, дать

определенные советы социальным субъектам. Подобные люди могут так или иначе повлиять на интенсивность самой темпоральности, так как у них развито достаточно сильное чувство предвидения, чувство возможных изменений в рамках темпоральности и тех флуктуаций и отношений темпоральности, которые они могут вложить или, заполнить ту определенную духовную пустоту и катастрофу, которую могут достаточно болезненно воспринимать в рамках массового сознания.

Неправильное или недостаточно ясное осуществление темпоральности может вызывать состояние неопределенности, которая и соответствует тем интенциям, которые были высказаны нами в отношении социальных трансформаций и социальных кризисов, поэтому в данном случае следует достаточно четко разобраться в той ситуации, которая в моменты кризисов характеризуется нестабильностью в рамках жизни, которая принята многими социальными субъектами, тем более, когда на приоритетные позиции так или иначе вышли такие субъективные отношения и состояния, которые характеризуют неуверенность в преобразованиях, трансформациях и так далее, а вызванных скорее возможно страхом неуверенностью и другими достаточно неприятными явлениями.

Конечно, неопределенность темпоральности будет весьма относительна к тем периодам кризиса, к тем переходным состояниям, относительно которых может рассматриваться не только сама человеческая судьба, но и весь комплекс целого ряда индивидуальных человеческих судеб. Безусловно, не следует в данном случае преувеличивать значение неопределенности, однако следует отметить, что нестабильность это его, пожалуй, одна из главных характеристик и она существует в рамках определенного социального поля, в котором разворачивается комплекс предшествующих и последующих позиций. Если вспомнить о нашем представлении о социальном поступке, то он в какой-то мере покрывает эту неопределенность, предавая ее структуре определенные очертания событий и в этом случае приоритетным является то, что элиминация определенных субъективных проблем, связанных с

послаблением неопределенностей, может выступить креативность социального субъекта и включение его продуктивного воображения, когда он может правильно выстроить порядок версий социального бытия и принять именно ту версию, которая в данном случае может не только вывести из кризиса, но и быть абсолютно адекватной для решения проблем настоящего времени, это будет весьма корректно и по отношению к концепции версий социального бытия.

§ 3. Конструирование темпоральности в современном социально-философском дискурсе

В рамках современной социальной философии под темпоральностью понимается некоторая сущность явлений во времени, определенная процессуальным характером ее характеристик. Конечно, в этом случае, на приоритетные роли выходит известная проблема социальной философии, и это проблема- мера повседневности, где сама повседневность обычно воспринимается социальным объектом посредством темпоральных референтов. В этом направлении можно привести ряд работ Э. Гидденса и А.Леви-Стросса, которые, в данном случае, данную ситуацию называли обратимым временем.

Обратимость, в подобном случае, понимается не с точки зрения обратимых философских понятий, она связывается с тем, что реальный комплекс современной социальной действительности сложно охарактеризовать одномоментным потоком развития каких-либо структур времени. Конечно, никто не будет спорить относительно того, что сам параметр времени, как и время вообще, выступает в качестве одной из основных категорий социальной философии. В этом смысле можно говорить и о том, что подобное влияние распространяется и на другие отрасли знания, как, например, в этом плане можно говорить и о том, что концептуальные

особенности времени имеют значительные возможности в рамках естествознания, но при этом можно разделить два вида существующего времени. То есть, с одной стороны, правомерно говорить о количественном времени, и тогда, на первый план, выходит время физическое, которое будет измеряться часами, месяцами, годами и т.д, что, в конечном счете, будет так или иначе коррелировать с развитием общества.

Например, П.Штомпка утверждает, что пространство-время представляются общим контекстом пространства универсальным параметром социальной жизни» [162, С. 167-181]. Но в этом случае важнее другое, а именно то, что в этом случае получаем определенную структуризацию самого мира повседневности, а если несколько сузить проблему, то сама повседневность рассматривается сквозь призму различных социальных событий, и сама имеет достаточно интересную интегральную структуру. В этом плане, можно сказать, что возникает целый ряд проблем, которые имеют место в интервальной концепции времени, когда большие или меньшие интервалы времени так или иначе входят друг в друга и поэтому получается некоторое смешивание или сочетание интервалов различного рода, так как, в данном случае, будет представляться достаточно интересная темпоральная структура, и нельзя однозначно сказать, насколько выделяемые социальные события, которые с точки зрения длительности больше того участка реального времени, выделяемые исследователем.

Или же они, наоборот, будут иметь меньший характер – это действительно важная проблема. В этой связи весьма целесообразно заметить, что любой комплекс событий можно рассматривать через ряд сегментов, например, прошлого, настоящего и будущего. Однако, если, в данном случае, обратиться непосредственно к времени повседневности, то тогда следует признать что социальные субъект имеет дело исключительно с настоящим временем и настоящее время будет выступать как мир повседневности.

То есть, любая версия социального бытия и, соответственно, сущность реального человеческого существования будет реализовываться именно в

настоящем времени несмотря ни на что, включая определенные реконструкции прошлого социального субъекта или его некоторые будущие интенции. Дело в том, что в подобном случае на первое место выдвигается категория субъективной деятельности социального субъекта и именно она включает в себя память относительно прошлого времени и относительно тех тенденций, сценариев и альтернатив, которые, так или иначе, социальным субъектом направлены в будущее время, но реально они будут фиксироваться во времени настоящем.

В этом случае, если возникает исследовательский интерес, то стоит по отношению к темпоральной структуре повседневности обратиться к работам Д.Уитроу и К.Леви-Стросса, которые, фактически, рассмотрели феномен настоящего времени в традиционном обществе. В этом смысле существенно меняется значение времени, которое начинает представляться не как объективная реальность с позиции ее принадлежности к следствиям бытия, а в качестве некоторой ценности, которую будет получать личность, которая сознательно использует это время. То есть, в данном случае, можно прямо сказать, что если речь идет о времени вне рациональной деятельности человека, то это время можно не рассматривать вообще, так как оно будет практически потрачено впустую.

Развитие данной проблемы в рамках индустриального общества должно развиваться, и далее, когда на смену индустриальному обществу пришло постиндустриальное общество, можно выделить целый ряд философов, которые начали задумываться над тем, как действительно представлять подобное время именно с субъективных позиций существования, так как с точки зрения объективности, пожалуй, в этот момент для философов было все ясно. Отметим например, что М.Кастельс обращает внимание на то, что в рамках изучения временного параметра продолжает доминировать механическая и линейная концепции времени и дело не в том, что М.Кастельс, в данном случае, переходил на какие-то принципиально иные позиции относительно фактора времени, а в большей степени он считал, что именно

большинство людей и те ученые, которые работают с категорией повседневности, именно таким образом относятся к категории времени. Это отношение нельзя назвать иначе как линейное и механическое.

Но это еще не был даже промежуточный вывод, на наш взгляд, по отношению к пониманию темпоральности и фактора времени вообще. С учетом тех технологий современного общества, которые его характеризуют, можно сказать, что образуется иная темпоральность, которая будет проявляться во всей сфере человеческого опыта. В данном случае наибольшее внимание к этой проблеме выразил Э.Гидденс, весомую попытку внести свой вклад в понимание современной темпоральности попытался внести тот же Н.Кастельс, который в принципе попытался рассмотреть реальные современные коммуникации, современную мобильность между людьми и средства массовой информации.

В этом случае, естественно, Н.Кастельс выходит на проблемы информационного общества и через него на категорию темпоральности, которая у него связывается с вневременным подходом, что обусловлено систематическими изменениями в структуре явлений, происходящих в сетевом обществе. Относительно сетевого общества Кастельс, в данном случае, ничего не говорит, и в этом смысле подобные изменения, конечно, можно воспринимать как определенные виды ослабления временных и иных промежутков между комплексами социальных событий, которые нацелены на существование феноменологических разрывов самой последовательности комплекса событий, при этом, конечно, устранение такой последовательности создает в принципе неделимое время, и это, если до конца проводить подобную точку зрения, будет равнозначно вечности.

Если посмотреть на характеристику темпоральности сквозь призму подобных интенций, можно говорить о том, что реальным и наиболее существенным параметром настоящего времени, учитывающим данную темпоральность, будет то, что социум прекращает функционировать по универсальным часам. В подобном случае, можно особо на этом вопросе не

останавливаться, так как в этом плане в современной литературе есть много защитников подобной концепции, которая сводится либо к негеометрическим представлениям времени, либо, наоборот, ведет к таким моделям времени, которые воспринимаются через компьютер.

В данном случае, можно сказать о том, что многие ученые недооценивают того факта, что в настоящее время когда на приоритетные роли выходят социально-синергетические идеи, понятие времени в самых различных контекстах начинает переосмысливаться, и в этом смысле действительно следует говорить о том, что время получает новые оценки и интерпретации, более того, рассматривая время как некоторую длительность, правомерно говорить что с точки зрения нелинейного развития, время представляет собой новые неопределенные протяженности, и эти протяженности никак не укладываются в рамки тех концепций времени, которые, так или иначе, изначально связаны изначально с линейной интерпретацией времени. Что же касается характеристик длительности и протяженностей, то они получают новые смысловые значения, которые, в большей мере, отвечают тем понятиям которые сложились в нелинейности социального события в рамках трансформирующегося социума.

Более того, когда идет рассмотрение комплекса событий в рамках того или иного социального или исторического процесса, то подобная событийность связывается с событийностью повседневности с выходом на нелинейность темпоральности. Поэтому в этом случае очень легко понять, почему такое понятие социальной синергетики как фрактал, вышло на одно из приоритетных мест в рассмотрении социального события. Вообще понятие фрактала в науку ввел Б.Мальдерборг, но если говорить о том, что он имел в виду под этим понятием, то следует, в большей степени, заняться математикой и геометрией и т.д. Однако специалисты в области социальной синергетики достаточно точно уловили, что понятие фрактала никак не может являться универсальным для самой математики. Основопологающим смыслом для понятия фрактала в научном познании явилось то, что при достаточно

сложном представлении о фрактале, сам фрактал не представляет из себя весьма сложной структуры и речь, в данном случае, идет о том, что сами фракталы характеризуют различные по масштабу структуры, которые характерны для тех сложноорганизованных и сложноразвивающихся социальных систем.

Подчеркнем, что фрактал представляет собой разномасштабность зафиксированного реального объекта, который не имеет фиксированного количественного параметра, но при этом он имеет выход на проблему соотношения соразмерностей и их соотношений. На наш взгляд, если рассматривать фрактал в более широких рамках, то можно сказать, что имеем ввиду некоторое объединяющее начало микро- и макро- миров. При этом стоит заметить, что, если рассматривать темпоральность, то сама фрактальность будет выступать так или иначе с ее основной характеристикой. Дело в том, что подход к социальным версиям бытия с точки зрения фракталов дает возможность не просто рассмотреть параметр времени, но и продемонстрировать интегральность и сложность параметра повседневности, который действительно не всегда сопоставляется с непротиворечивостью реального мира.

При этом заметим, что темпоральность несет в себе такие характеристики, как, например, линейность, разноупорядочивание, изменения сочетаний социальных и биологических отношений. Можно также в этом случае говорить о том, что можем рассматривать определенную интенсивность средств темпоральности, а так же уплотнение времени и его десинхронизацию. Если исходить из того, что темпоральные трансформации повседневного мира отличаются интегральностью, то вполне интересна позиция Д.Харлея, относительно сжатия темпоральной дистанции. В этой связи уместно заметить, что в тех условиях когда темпоральность является приоритетным фактором в рамках реализации тех или иных событий, которые естественно следуют за человеческими действиями, то ценность темпоральности и параметров времени вообще, безусловно, приобретает особую значимость.

Нельзя не отметить, что в современной литературе появилась концепция так называемого «общества спектакля», эта концепция развивается в основном в работах Г.Дебора и его учеников. То есть, имеем дело с определенным псевдоциклическим параметром времени, который одновременно представляется как образ потребления массовой культуры. В данном случае, в принципе, не хотелось заострять внимание на этом моменте, но он говорит нам о том, что, именно, в рамках постмодернизма возникают именно такие концепции, которые, фактически, о том, что время уходит от своего классического для современного представления и становится чем-то прагматическим по отношению к той или иной концепции времени. Так же в данном случае, согласимся с подобным восприятием, так как вряд ли в данном случае кто-то согласится с тем, что подобное высказывание имеет какую-то логику. Проблема заключается в том, что, безусловно, если рассматривать не просто физическое время, а еще и все дециклическое время, то, естественно, необходимо принять во внимание то, что субъект может по-разному принимать субъективные варианты, однако само циклическое время больше дает нам объективистские тенденции, что же касается псевдоциклического времени, то в этом случае, на наш взгляд, диалектики субъективного и объективного.

В данном случае, можно говорить о том, что амбивалентный характер уже имплицитно предполагает сужение времени, и, если речь идет о тех аспектах, которые имеют успех в данном конкретном социуме, то как раз этого времени не хватает и сжимать его ни в коем случае нельзя. Видимо в этом случае следует говорить об обратных процессах, что в таких ситуациях социальные субъекты должны рассуждать о том чтобы темпоральность уплотнить, соответственно, это даст возможность выбранную единицу времени, произвести намного больше эффективных и полезных действий, что немаловажно для социальных субъектов, которые занимаются реальными проблемами в реальных экономических, государственных сферах. Нельзя не отметить и то, что достаточно оригинальной характеристикой настоящего

времени является некоторый сдвиг, а именно, связанный с некоторым переходом от периодических к некоторым непрерывным темпоральным операциям.

В принципе, можно, конечно, говорить о том, что локально такая подобная ситуация имеет место, с другой стороны, на наш взгляд, это имеет довольно печальные последствия, как в данном случае проблема длительности и непрерывности времени имеет место в наши дни. Но это приводит к тому, что реально возрастают противоречия относительно синхронизации и десинхронизации времени между деятельностью социальных субъектов и ростом подобной десинхронизации этой деятельности. При этом, безусловно, подобные интенции предполагают то, что появляются возможности некоего произвольного разделения фактора темпоральности на какие-то части, и, соответственно, если перенести это на сам производственный процесс, то, безусловно, уже трудно указать некоторую зависимость между затраченным временем и между той производительностью труда, которые существуют на данном конкретно выделенном отрезке времени.

В этой связи следует сделать достаточно серьезный вывод, касающийся того, что социальный субъект в настоящее время имеет возможность контролировать различного размера интервалы, касающиеся временных структур. Однако приоритет длинных интервалов и коротких интервалов соответственно сказывается на том, что интервалы повседневности в данном случае отодвигается на второй план. С нашей же точки зрения, если рассматривать с социально-субъективной точки зрения ряд категорий темпоральности, то следует его непосредственно связывать со множеством параметров, с множеством характеристик самого мира повседневности. Конечно, любая темпоральность или структура темпоральности, непосредственно связанная с миром повседневности, повседневной жизни, определяет некоторые ограничения на социального субъекта.

Однако заметим, что переживание социальным субъектом времени зависит от множества социальных действий и взаимодействий, и

действительному исследованию, фактически, достаются только определенные результаты и проявления. Категория времени рассматривается с разных сторон, и с учетом тех проблем, которые возникают при исследовании данной категории, начиная с ее субъективистского понимания и до объективистского понимания, начиная от наличия определенных структур и заканчивая локальными структурами, которые связаны с теми или иными элементами субъективной реальности. Однако сама философия науки говорит о том, что в настоящее время не существует рассмотрения темпоральности вне ее восприятия, поэтому достаточно затруднительно рассуждать о том, что параметр времени и, даже темпоральность, вообще имеют некоторый идеологический статус, скорее, видимо, в данном случае, проще говорить о том, что субъективные или социальные параметры времени ближе подходят к его рассмотрению с точки зрения комплекса логических позиций.

В настоящее время исследователи стали обращать внимание на то, что темпоральность оказывает серьезное влияние на саму социальную деятельность человека, тем более что иногда речь заходит о том что про те или иные характеристики или параметры времени могут достаточно эффективно влиять на те или иные социальные действия или взаимодействия, а само социальное является результатом формирования некоторой общей концепции времени. При этом несложно предположить, что усложнение общества, естественно, ведет к увеличению уровней темпоральности и, соответственно, на первый план выходит проблема синхронизации этих уровней темпоральности, что фактически, на наш взгляд, должно являться актуальной проблемой в современных исследований по философии времени, и тем более при рассмотрении социального и субъективного времени в любых контекстах.

Кстати, если говорить о том что применяется понятие темпоральности с точки зрения его трансформаций, то, безусловно, это будет являться некоторым имплицитно следующим следствием преобразования новой жизни и появления новых образовательных технологий. Конечно, в этом случае, вспоминается позиция Э.Гуссерля, который в общем-то саму концепцию

социального мира в общем-то интегрировал в рамки гуманитарных наук, и при этом сам социальный субъект стал зависеть не просто от мира, а от мира интерсубъективности. Дело в том, что именно в мире интерсубъективности и происходят реальные изменения, трансформации, преобразования, исчезновения, которые непосредственно реально влияют на человеческий мир. Заметим, что если не вступать в споры относительно диалектики субъективного и объективного времени, то следует видимо признать, что подобный мир, как мир интерсубъективности с позиции того, как его осознает социальный субъект, в общем-то видимо существовал до осознания его социальным субъектом и может существовать после осознания его социальным субъектом.

Фактически, здесь реализуется феноменологическая позиция, связанная с тем, что феномен социальности рассматривается сквозь призму некоторой интерсубъективной реальности. Конечно, в данном случае, можно сказать о том, что проблема социального субъекта не до конца будет понята с точки зрения того, что многие социальные субъекты в таком случае пытаются осознавать свою значимость и соответственно эта значимость будет касаться тех или иных преобразований, которые происходят в реальном мире. Однако с точки зрения той же феноменологии можно сказать и о том, что в данном случае локальные действия социальных субъектов не могут реально повлиять на преобразование социальностей вне действий других объектов – это более эффективно и продуктивно. Поэтому можно говорить о том, что представляемая темпоральность как некоторая социальность рассматривается как приобретение зависимостей и это переплетение, фактически, рассматривает мир возможных действий социального субъекта с точки зрения той свободы, в которой он может действовать в рамках рассмотрения того или иного социума.

Особо следует остановиться на концепции А.Щютца, который внес существенный вклад в развитие общей проблемы, причем он, в принципе, выдвинув на первый план сферу асоциального, тем самым, ограничил

возможности метода Э.Гуссерля. Отметим, что Щютц замечает, что не само бытие определяет человеческое сознание, а что некоторый образ человеческих мыслей может оказывать влияние на формируемую социальным объектом реальность. Достаточно интересная проблема в этом направлении возникает, например, между взглядами Щютца и Гуссерля, оба являются привержениками социальной феноменологии, однако Щютц считает что необходимо провести достаточно серьезную предварительную работу, если есть подход к человеческому сознанию, есть определенные предпосылки сознания, то необходимо, прежде всего, предпосылки человеческого сознания оставить, так сказать, в скобках до проведения анализа содержания самого человеческого сознания.

В этом смысле Щютц ориентирует на рассмотрение социальных феноменов, а Гуссерль в своих исследованиях выходит на определенные акты человеческого сознания, но это представляется Щютцу недостаточно для того чтобы понять механизм этого сознания. Поэтому А.Щютц выводит за рамки своего исследования не только локальные акты человеческого сознания, но и тот intersubъективный мир, который и Гуссерль пытался подвергнуть процессу концептуализации, при этом а Щютц подчеркнул: « можно предположить что тот спектр мира, который я рассматриваю как неоспоримую данность, является таким же и для вас, моего индивидуального , более того, он является таковым для «Нас». Но это «Мы» включает не только меня и вас, но «любого кто является одним из нас», то есть любого чья система релевантностей существенно (или в достаточной степени) соответствует моей и вашей» [164, С.15].

В этой связи можно обратить внимание, что сам Щютц в принципе не против того, что любой социальный субъект рассматривает реальность по-разному, при этом при достижении действительных целей, социальные субъекты в принципе должны быть готовы детерминировать эти различия. На наш взгляд, в позиции Щютца обнаруживаются некоторые проблемы, которые не позволяют говорить о том, что он действительно достиг реального

понимания темы. Дело в том, что сам Щютц достаточно много рассуждает о типизации, при этом подобное рассуждение касается не того, что человек общается с другой личностью или с другим типом, а в этом состоит вся основа социального, то есть Щютц не предполагает, что эффективным фактором, подчеркивающим взаимодействие, представляется образ будущего времени, касающегося в этом смысле с уточнением, самой цели будущего. Это склоняет нас в сторону того, что нельзя принять позицию Щютца в качестве той, которая могла бы существенно повлиять на те интенции, реализующиеся в рамках данного исследования.

Тот жизненный мир, который строит Гуссерль о А.Щютце, представляется своеобразным архитипом, который конструирует социальная позиция интерсубъективности. В этом смысле Щютц предполагает, что мысленным предметом, конструируемым ученым, следует основываться на некоторых понятиях, которые не являются конструкциями второго сорта с точки зрения позиции Гуссерля. Если более пристально посмотреть на эту ситуацию, то А.Щютц овеществляет время во времени, пытаясь таким образом осмыслить место времени в феноменологии и связать его с идеями А.Бергсона. Применение конструкции Э.Гуссерля к миру социальному вынуждает Щютца упрощать представления основоположника феноменологии, но при этом делать их более доступными для социологического исследования.

Как и Э.Гуссерль и М.Мерло-Понти, Щютц говорит об объективном времени, но не ставит в качестве задачи его осмысление. Социальное время Щютца – способ переживания космического времени. И, естественно, внимание Щютца приковано к времени в социуме, но не к темпоральности как таковой. В этой связи можем заметить, что идеи Щютца не являются новыми, а речь сводится к тому чтобы интерпретировать, какой социум нужно понять каким временем данный социум живет. Конструирование темпоральности и представляется с позиции Щютца конструированием социального. Конечно, нельзя согласиться с этой точкой зрения, так как, в данном случае, и как

минимум в начале заметим о том, что категория темпоральности не рассматривается с точки зрения того субъективного социального времени о котором идет речь, а, во-вторых, в общем-то Щютц пытается в рамках феноменологии в общем-то привести достаточно простую схему понимания времени относительно социального субъекта и тем действиям социального субъекта, которые он может производить в рамках этого социального времени.

То есть, выводя категорию темпоральности на передовую в рамках исследования, следует говорить, что, если речь заходит о том интерпретировать или понять в каком социуме живет человек нужно, прежде всего, знать в каком времени он живет, какие версии социального бытия выходят на первый план. Заметим, что в дальнейшем критиками конструктивизма А.Щютца стали А.Бергер и Т.Лукман. Идеи в этом направлении так же были высказаны Вебером, Э.Дюркгеймом, И.Кофманом, К.Марксом, Ж.П.Сартром.

Если рассматривать с позиции Т.Лукмана и А.Бергера, то для них социум является основной субъективной реальностью, которая формирует сферу социальности. При этом, если рассматривать их взгляды в отношении Щютца, то, конечно, имеются серьезные различия имеются и некоторые сходства, главное можно отметить то, что эти два философа говорят о большей объективации ситуации, связанной с субъективным временем. Подчеркнем «эти аспекты получают свое собственное признание, если общество понимается как непрерывный диалектический процесс, включающий 3 момента: экстернализацию, объективацию и интернализацию. Поскольку нас интересует социоинтальный феномен, не следует считать эти фрагменты в двойной последовательности. Скорее общество, как и его часть, одновременно характеризуется тремя моментами, так что анализ в терминах лишь одного или двух компонентов не будет исчерпывающим. То же самое можно сказать и в отношении отдельного члена общества, которое одновременно экстернализует себя в социальном мире и интернализует как объективный» [14, С.210].

Однако, когда речь касается анализа темпоральности, то в рамках исследования ее Бергер и Лукман достаточно близки взглядам Гуссерля, они подчеркивают, что социальная темпоральность может пониматься как некоторый параметр времени, который может представлять собой множество характеристик и эти характеристики присущи человеческому сознанию. Но при этом ключевым становится тезис о том, что сам поток сознания, естественно, всегда будет упорядочен в социальном времени. Заметим, что Т.Лукман и П.Бергер все же пытаются внести свой вклад в интерпретацию понятия темпоральности, хотя, на наш взгляд, концептуально они его не понимают. Дело в том, что под человеком, который всегда сохраняется в собственной памяти, дается смысл человеческой биографии, поэтому возможно существование некоторого intersubjectивного опыта и это, в итоге, с точки зрения П.Бергера и Т.Лукмана, будет intersubjectивным миром.

Но заметим, что, конечно, такое натянутое представление об intersubjectивном времени, как , нуждается в целом ряде прояснений, начиная с тех концептов, которые касаются субъекта в начале моментов, связанных с человеческим опытом, с его знанием, и заканчивая тем, как социальность у данных философов проявляется в intersubjectивном мире, но, с другой стороны, для нас непонятен главный вопрос: как они понимают версии социального бытия и насколько эти версии в них реализуются? Тем более, ни у одного другого автора нет никаких версий относительно того, как проходит переход транзита через социальные трансформации в рамках того социума, в ракурсе которого они рассуждают о темпоральности. Конечно, отметим, что Т.Лукман и П.Бергер пытаются обозначить свой аспект темпоральности, но если посмотреть внимательно на их работы, то вряд ли можно сказать, что происходит онтологизация его, но между тем , что, по их мнению, оба , которые сохраняют в его памяти, придают смысл его биографии, так как при этом может существовать intersubjectивный опыт.

Автор не будет отрицать того, что данные философы выразили достаточно интересную мысль, но дело в том, что проблема заключается в том,

как понимать сам процесс социального развития. Если его понимать с точки зрения сосуществования различных типов социального бытия, через которые проходят социальные и исторические процессы, образующие комплексы социально-исторических событий, то тогда позиция фактически сводится к нулю, потому, что объективистский момент, в данном случае, как и субъективистский момент, практически не раскрыты, не говоря уже о диалектике этих двух понятий. Конечно, возможно принять различные позиции по отношению к вопросу темпоральности, однако в этом случае имеем дело с тем, что фактически в рамках социально- философского исследования фигурирует несколько точек зрения, объективистская и субъективистская, и эти точки зрения не дают представить ту диалектику субъективного и объективного времени, которая необходима в рамках рассмотрения тех или иных проблем, касающихся не только социального субъекта, но и объективной реальности.

Дело в том, что, если мы представим «стрелу времени», то в рамках многих объективистских теорий, эта «стрела времени» понималась с субъективистских позиций, но если только представить, что прошлое, настоящее и будущее являются объективистскими без человеческого сознания, то это создает определенный хаос в ситуации, хаос потому что непонятно, например, куда уходит вчерашний день, то есть человеческая память, человеческие интенции, человеческий опыт становятся выключенными из этого процесса, причем непонятно кем.

Видимо, традиции того, что время должно рассматриваться только объективистски, на наш взгляд, позволяет в данном случае говорить о том, что диалектика субъективного и объективного в рамках времени проявляется достаточно жестко, а именно в том смысле, что те исследователи, которые хотят понять эту диалектику, безусловно, начнут с социального времени, потому что социального времени вне субъекта сознания не бывает, а субъективное социальное время соответственно будет тем хранилищем не только идей, но и определенных «стрел времени» в рамках которых

происходит переосмысление тех или иных проблем, которые встречаются в объективном времени. Но какой интересный вывод- их создает сам человек, значит проблема состоит в том, что если говорим о социальном времени, прежде всего, должно говорить о времени человеческого бытия.

Именно Хайдеггер ввел такую концепцию человеческого бытия и связал с ним проблему темпоральности, в данном случае, автор тоже выходит на проблему темпоральности не с точки зрения просто времени, а с точки зрения того мостика, который прокладывает дорогу между субъективным временем и объективистскими теориями. Это действительно очень интересная проблема, которая к настоящему времени должного развития не получила, однако не будем говорить о том, что не существует целого ряда достаточно интересных исследований, которые касаются субъективного восприятия времени. Заметим, что в рамках формирования определенных традиций соотношения и корреляций темпоральности и субъективности одной из основных проблем определяющих это единство, является из синтез.

В рамках своих исследований Д.Юм обозначил проблему, связанную с тем, что подобная обоснованность не может, в конечном счете, определять отдельные смены состояний множества социальных событий. По мнению Юма, на базе рассмотрения существования некоторого потока человеческого сознания, в конце концов, становится проблематичным доказать не просто существования «Я» в качестве носителя восприятий, но и наличие постоянной связки таких восприятий. Конечно, подобная ситуация, связанная со взглядами Юма, дала возможность Канту представить необходимость расширения подхода к осуществлению темпоральности и субъективности с позиции того, что само кантовское решение, связанное с реабилитацией самосознания, предполагает некоторую основу с позиций существования и некоторого единого человеческого культа. В принципе, если говорить о том, что Д.Юм внес свой вклад в рамках проблемы, рассмотрения времени, то, конечно, его позиция ясна тому, кто занимается философией, с другой стороны, нам нужно говорить о том, что позиция субъективизма, так или иначе, дает возможность

рассматривать темпоральность в рамках историко-философского контекста. Тем не менее, главное, на наш взгляд, является то, что концепция Юма предполагает существование в рамках некоторых условий, изменения восприятий, что и закладывает определенный базис в будущей непосредственной связи между темпоральностью и субъективностью.

Кстати обратим внимание, что Юнг полагал, что его феноменологический подход нуждается в некотором усилении, и как усиление он предполагал, что феноменологический подход может быть укреплен трансцендентальным подходом. Это, конечно, решение спорное, но, с точки зрения концепции Юнга, это выглядит как определенное решение. Конечно, особенно с позиции Канта, дело в том, что, безусловно, сама общая концепция Канта и его разделение на мироощущение в себе и, соответственно, представления о категориях, наложило определенный отпечаток не только на представления о категориях, но и, естественно, на понятие темпоральности.

Различные подходы Канта к внешнему и внутреннему миру сформировали его собственную позицию. Нас интересует проблема, связанная с временем, но известно, что категория времени Кантом воспринималась как одна из основополагающих категорий человеческого разума, и дело состоит в более локальной ситуации, эта категория применялась на том или ином уровне рассмотрения исследования. По мнению Канта, главной чертой субъективности является само сознание, при этом поток темпоральных событий представляется как нечто первичное и, в какой-то степени, сущностное проявление субъективности, что, в итоге, отождествляется с ней. При этом представление, что сам уровень человеческого сознания представляется в качестве единственного, можно подвергнуть рассмотрению сквозь уровень сознания и что представляется, в определенной степени, уникальным, связанным с определенным уровнем человеческой субъективности. Темпоральность представляется как необходимый параметр тех процессов, которые протекают на уровне человеческого сознания. В этом

смысле темпоральность понимается как такой параметр intersубъективности, который характеризует именно сущностные проблемы.

На наш взгляд, Гуссерль внес достаточно серьезный вклад в формирование не только субъективной реальности, но и темпоральности, связанной с социальным временем. Другое дело, что нельзя соглашаться с Гуссерлем по ряду проблем, но есть ключевые моменты, которые говорят в пользу его выводов. В нашей работе уже не раз говорилось, что проблема длительности тех или иных процессов, которые проходят через точку настоящего времени, через точку «теперь» являются процессами проходящими через длящуюся точку, и в этом смысле находим подтверждение своей позиции у Гуссерля, который указывает, например, на то что «Я» - временность становится длящимся «Я» « одно и то же «Я», которое явно присутствует и в настоящем, в каждом прошлом (какое является его прошлым) есть уже некоторым образом другое «Я», а именно то, которое было и потому теперь есть в той же определенности своего времени это одно и то же «Я», которое есть, которое было, и в котором лежит его будущее[52,С.94]. Фактически имеем что «Я» это не просто «Я», а «Я» в спектре приобретений и свершений. Именно из-за того что устанавливается темпоральность «Я», оно само приобретает некоторое наполнение «пермонентная временная форма при желании как универсальная структура «Я» простирается через определенные данности действительности и возможности опыта, и в связи с этой структурой в ней само «Я» начертанно как конкретное существование вместе с индивидуальным содержанием, с переживаниями, способностями, диспозициями, горизонтами начертанных сценариев как предмет опыт, которые возможно совершенствовать и иногда превращать в собственные»[52, С.132].

В этом смысле можем вполне согласиться с Гуссерлем, что когда рассматривается субъективное время, то, естественно, его нужно понимать как некоторое переживание настоящего. Более того, к настоящему сходятся и сегменты прошлого и сегменты будущего, при этом Гуссерль отмечает что «

сама темпорализация есть нечто совершаемое, это нечто претерпеваемое им, скорее это процесс в эпицентре которого это уже достигнуто. Вот почему само сознание темпорального потока является пререфлексивным»[52,С.138]. Однако наиболее интересным в данном случае представляется то, как Гуссерль подходит к конструированию социального времени. Безусловно, имеется его собственное мнение о том, как это происходит, но тем не менее Гуссерль в своих работах показывает, что такие понятия как ретенция, протенция практически отражают уровень исследований, которые он проводит.

Гуссерль отмечает, что события, которые уходят в прошлое, связаны с определенными обстоятельствами, но оставляют себя в настоящем в точке «теперь», чем дальше удаляется событие от точки «теперь», тем оно проявляется в современном длящемся времени. Если же говорить вообще об этой точке «теперь», то, фактически Гуссерль, на наш взгляд, далеко не ушел от Аристотеля и Петра Испанского с точки зрения того, что в длящемся настоящем сходятся все процессы, о которых, по крайней мере, этот философ ведет речь. Действительно, Гуссерль так и говорит, что каждая точка настоящего времени является длящейся и правомерно говорить о ней и в прошедшем времени с точки зрения структуризации, с точки зрения отнесения его к будущему времени. Кроме того, если говорить о протенции, то термины, которые Гуссерль использует достаточно часто, то это практически предвосхищения некоторых человеческих ощущений. Так или иначе, множество протенций образуются в сегменте будущего времени. Заметим, что в длящемся настоящем и в точке «теперь» практически все моменты, тенденции оставляют свой определенный след, они как бы накладываются друг на друга, поэтому можно предположить, что ретенции предполагают, что длящееся настоящее имеет свои собственные горизонты в отношении прошедшего времени.

В данном случае возможно даже нет смысла говорить о каком-то пути реконструкции прошлого времени, потому что данная реконструкция, так или иначе, будет присутствовать в самой точке «теперь». Благодаря

темпоральности, «Я» приобретает у Гуссерля некоторое наполнение «перманентная временная форма потока переживаний как универсальная структура бытия, простирается сквозь отдельные данности действительно возможного опыта в связи с этой структурой в ней самой. «Я» предначертано как конкретное содержание вместе с индивидуальным содержанием – переживаниями, способностями, горизонтами, предначертанными как предмет опыта, который возможно совершенствовать и иногда обращать»[52, С.184]. Но заметим, что у Гуссерля те же самые фазы существования явлений не представляют собой некоторое единство с точки зрения самостоятельности некоторых явлений, а в связи с этим - связь ретенций, протенций и первичных представлений будет отличаться от связи, показывающей единство объекта как перманентного, так и трансцендентального. Мы согласны с Гуссерлем в том, что темпоральность как базовый параметр субъективности не должен быть интерпретирован как средство определения теоретико-познавательных моментов социального субъекта.

В современной социально-философской литературе в этой связи следует выделить позицию М.Г.Федотовой. На наш взгляд, Федотова М.Г. весьма адекватно показала свое представление на счет того, что происходит в периодах транзита. Более того, совершенно верно выглядит в описании общий контекст нелинейной системы, причем эта система является сложноорганизованной, динамической и вместе с тем позволяет учитывать направленности и интенсивности тех процессов, которые в этой сложной системе происходят. Безусловно, это позволяет проводить дальнейшую работу в плане корреляции между развивающимися, сложными, самоорганизующимися системами. Но при этом нужно отметить, что М.Г. Федотова такие понятия, которые достаточно принципиальны при рассмотрении социальных трансформаций, а именно понятие стабильности и нестабильности, старается все-таки рассматривать в соотнесении с некоторыми линейными системами, в данном случае, ее понять можно, так как возникнет резонный вопрос относительно того, для чего, собственно говоря, в

этом случае будет применена социальная синергетика. М.Г. Федотова выдвигает идею относительно того, что наиболее корректно рассматривать некие фазовые переходы, и в данном случае, на наш взгляд, фактически в ее представлении фазовый переход будет не что иное, как период транзита. Безусловно, такая проблема требует некоторого прояснения исходных концептуально-семантических моментов и возможности соотносимости понятий фазовости и транзитивности, тем более, что, на наш взгляд, вообще здесь никакого противоречия нет и не следует менять фазу на период и период на фазу, тем более, что эти два понятия взаимодополняют друг друга.

Если говорить конкретно о социальной синергетике, то в рамках рассмотрения сложноорганизованных систем она занимает свое определённое место в общей динамической системе в рамках социальной синергетики. Следует сказать, что комплексный подход к рассмотрению различных сторон развития социума, в том числе и социальным трансформациям, показывает, что те или иные категории имеют свою вполне конкретную локальную роль при исследовании тех или иных аспектов социальных трансформаций. Поэтому, в данном случае, именно исходно выбраны концептуальные основания, связанные с фазовостью, или соотносятся с переходными периодами и непосредственно влияют не только на представления о трансформирующемся обществе, но и на внутреннюю структуру социальных трансформаций, на его становление, на возможные исторические реконструкции, другие сценарии и альтернативы, которые ждут общество. Имеется достаточно существенные разногласия в концептуальном аспекте относительно того, насколько концепт «фаза» сможет заменить концепт «транзита». Дело в том, что существует целый ряд концепций, которые связаны с различными стратегиями времени, т.е. с темпоральностью, и, соответственно, возникает и определенный набор темпоральной референции, который необходим для описания тех или иных социальных процессов. В подобных случаях можем прямо отметить в диссертации, что фаза и период, фактически, будут коррелировать с разными концептуальными рядами. А если

посмотреть на проблему несколько шире, т.е. развить ее до уровня социальной трансформации, то, в данном случае, возможно говорить о том, что эти понятия будут представлять совершенно различные моменты в описании самой социальной трансформации. Другое дело, что возможны дополнения сочетаемости, но диссертант твердо уверен в том, что они будут носить локальный, а не общий характер.

Если вести дискурс о соотношении периода транзита и фазы, то первый аргумент, который приходит, это связь периода с различными структурами времени, например с интервально-моментной структурой. В этом случае, сами моменты времени будут создавать некоторую дискретность от их хронологии на которой затем рассматриваются социальные процессы. И именно с этими моментами будут соотноситься тенденции, альтернативы относительно становления будущего времени, и так же могут соотноситься и перспективы развития социальных трансформаций. К тому же, если предполагаем, что в рамках развития социальных трансформаций неминуемо будут существовать социальные противоречия, то как без дискретной структуры?, как без момента времени?, в данном случае произвести хотя бы первоначальную фиксацию подобных противоречий, тем более, что наличие противоречий может говорить о том, что они могут быть разнопорядковые, разнотипные, в конце концов, могут сосуществовать, а могут конкурировать между собой, и, соответственно, может появиться достаточно превратное представление о том, что представляет собой версия социального бытия на том или ином уровне рассмотрения.

Поэтому, на наш взгляд, когда дело касается соотносимости периода транзита и фазы, то вопросы, связанные с фазой, как с переходом, следует рассматривать на несколько другом уровне, который будет вполне сочетаться с некоторыми другими вопросами. В данном случае достаточно удобной фазой будет представлять не исходные уровни определения социальных версий бытия и рассмотрение концепции транзитивности на интервально-моментной структуре, а то, когда в рамках социального процесса, рассмотрения его

внутренней структуры будут исследоваться части – подинтервалы этой общей структуры в контексте интервальности транзитивного перехода.

Тогда, видимо, понятие фазы будет весьма кстати. Фазы, как и стадии, в данном случае могут вполне быть рассмотрены на различных уровнях социального бытия и фактически перекрывать те места, где социальный субъект точно не может дать интерпретацию тому или иному состоянию процесса, поэтому, в данном случае, и фаза, и стадия могут просто перекрывать ряд интервалов, которые находятся в отношении предшествования, именно предшествования, а не строгого предшествования, так как в последнем случае вновь придется рассматривать последний момент предыдущего интервала и начальный момент последующего интервала времени.

М.Г. Федотова вполне права в том, что когда рассматривается внутренняя структура социальных трансформаций, и когда на ведущие роли выходит активная человеческая деятельность, то тогда вместительное понятие «Фаза» становится тем понятием, которое образует своеобразные опорные моменты фиксирования состояний самого процесса социального развития. Т.е. в контексте креативной человеческой деятельности резонно представлять гносеологические, аксиологические и ряд других моментов с позиции того, как представить фазу становления в контексте той или иной закономерности общественного развития. В этом случае можно прямо говорить, что концепт «фаза» обретает принципиально другое значение. Фаза становится более сочетаемой с понятием транзита, она начинает его характеризовать с определенной стороны, правда эта сторона не касается внутренней структуры социальных процессов. В этот момент происходит своего рода расширение человеческого видения проблемы в целом и происходит осмысление многих моментов, которые реально существуют в рассматриваемом транзитивном периоде. Мы не хотим в данном случае дальше продолжать определенные дискуссии с М.Г. Федотовой, тем более это не совсем корректно, потому что она, возможно, этих вопросов и не ставила в своих работах, в данном случае

приписывать ей какие-либо интенции, о которых она не говорила, было бы действительно неправильно.

Но те замечания, которые М.Г. Федотова высказала в отношении периода транзита, и в отношении ее понимания фазовости перехода, безусловно, внесут существенный вклад в развитие онтологии социальной философии. Более того, в данном случае имеем исследователя, который еще раз показал нам, что выбранная тема действительно актуальна, действительно в ней очень много не только вопросов, но и различных достаточно тонких оттенков, тем более, когда проблемы находятся в широкой сфере от рассмотрения линейных процессов до рассмотрения сложноорганизуемых и саморазвивающихся процессов. То есть, М.Г. Федотова показала определенную сочетаемость в рамках фазовости перехода между линейным развитием и между синергетическим представлением социальных процессов. Но один момент все же необходимо обсудить, так как он, действительно, не только сам по себе интересен, не только в данном случае интересна сама позиция М.Г. Федотовой, но этот момент достаточно четко вписывается в нашу концепцию и между нами и позицией Федотовой проходит определенная корреляция, и, с другой стороны, достаточно важная корреляция, так как она касается именно уровня неравновесных сложноорганизованных систем. Несомненно, рассматривая фазовость перехода, М.Г. Федотова не могла не подойти к проблеме бифуркации. И в этом смысле очень интересно выглядит та интерпретация, которую данный ученый дает точке бифуркации, т.к., уже говорилось выше, существует несколько позиций относительно того, что же понимать под точкой бифуркации. Реально бифуркация представляется М.Г. Федотовой некоторым гносеологическим основанием, дающим исследователю возможности сделать свой выбор, касающийся альтернатив и перспектив социального развития. Речь идет о том, что имеются некоторые варианты социального развития, и М.Г. Федотова настаивает на том, что должны быть не альтернативные, а равноправные варианты.

Конечно, в этой ситуации под социальным развитием М.Г. Федотова представляет становление сложноорганизованных систем, причем в этом случае возникает весьма интересная проблема относительно логического всеведения, а именно насколько проблема выбора дает возможность человеку посмотреть на те варианты, по которым может происходить социальное развитие. По выбору точки бифуркации в качестве некоторого гносеологического основания М.Г. Федотова, видимо, предполагает, что на этом вмешательство социального субъекта в сложные системы заканчивается и он уже не может влиять на их развитие. Речь в данном случае, конечно, идет о том, что М.Г. Федотова предполагает непредсказуемость развития сложноорганизованных систем. Автор не думает, что это окончательная точка зрения данного автора, потому что в ее работах можно найти некоторые оговорки, относительно того, что, например, существует определенная соотнесенность точки бифуркации с тем или иным локальным процессом. Т.е. сложная социальная система будет иметь свои собственные теоретические основания, и принципиально не будет зависеть от прежних состояний систем, тем более вновь можно рассуждать о том, что нам придется выходить на проблему сочетаемости, линейности и нелинейности, а эта проблема в данном случае будет не в пользу их корреляции.

Хотя, если посмотреть на проблему с точки зрения того, что в рамках сочетаемости и линейности и нелинейности следует найти какую-то опорную гносеологическую точку, или гносеологическое основание, то для того, чтобы социальный субъект мог сделать свой выбор в рамках рассмотрения и изучения социально-исторического процесса изучения различных возможных перспектив и путей дальнейшего социального развития, то в данном случае понимание бифуркации, как некоторой точки, в принципе, не является ненаучным, потому что она будет выполнять совершенно иную функцию, нежели если точку бифуркации понимать как бифуркационное поле, как некоторый интервал.

В тексте современной литературы по социальной синергетики, уже отмечалось, что существует ряд позиций, относительно понимания бифуркации. На наш взгляд, понимание бифуркации, как бифуркационного поля, ряд исследователей поддерживают. Фактически, в этом случае, вполне сочетаются идеи периода транзита с идеей фазовости перехода. Но нужно сказать, что подобный момент не имел серьезного исследовательского развития, так как принимая, допустим, определенную соотносимость фазовой переходности с бифуркационным полем при отсутствии какого-то структурного оформления, это соотношение в рамках имеющихся исследований не получило. Поэтому, если говорить прямо, подобная лимитация структурного образования, структурного представления социального развития с точки зрения фазовости перехода, фактически говорит о том, что фазовый переход сводится, действительно, к точке бифуркации. Но сама социальная синергетика достаточно четко показывает переход социальной системы от одного своего состояния к другому своему состоянию, проблема самоорганизации и саморазвития, безусловно, реализуется во времени, и, соответственно, любые переходы имеют темпоральный оттенок и никак не сходятся к определенной точке. Также понимается и бифуркация, как определенное поле, как определенный интервал.

В принципе, на наш взгляд, понятие «фаза» имеет значение в рамках построения динамической системы, необходимой для отражения различных локальных и общих социальных процессов. Другое дело, что фазовость должна быть связана с темпоральной референцией и тогда, в этом случае, в общем-то возникла бы интересная проблема, когда сами темпоральные референты и понятие фазовости образовали бы свой семантический ряд, что в итоге бы позволяло исследователю не только выходить на проблему структуры переходных состояний, но и давало бы ему возможность инновационного и теоретико-познавательного характера, который явно необходим при изучении интервала бифуркации.

Поэтому бифуркационное поле необходимо представлять с точки зрения интервала, а конкретно – использовать моментно-интервальную референцию, и, конечно, не рассматривать бифуркацию как некоторую точку. Представлять как поле, которое основывается на идее и на концепции интервальности. Становится весьма значимой ситуация, которая в общем-то характерна для социальной синергетики, когда на первые роли выходят неравновесность и нелинейность. В этом случае в рамках социальной синергетики, на приоритетные позиции выходит темпоральность, которая в данном случае напрямую воздействует на становление управляющих параметров в сложных социальных системах. Это дает очень большие теоретико-познавательные возможности, так как появляется возможность вывести саму темпоральную референцию, которая автором задействована в данной диссертации, на бифуркационное поле и уже в этом контексте производить различные теоретико-модельные конструкции.

Безусловно, наиболее оптимальной будет выступать интервально-моментная референция, которая элиминирует проблемы. Очень важно при этом отметить то, что интервально-моментная референция для некоторой степени снимет спорные вопросы, касающиеся самого транзитивного периода, так как подобный период можно рассматривать с точки зрения существования в нем моментов, т.е. подобный период транзита будет характеризоваться наполненностью моментов, а так же подинтервалов, с которыми будут коррелировать стадия и фаза, и это будет один уровень исследования социального процесса с выходом на социальные трансформации. Второй уровень отличается диалектикой субъективных и объективных моментов. На третьем уровне дискурс пойдет об аксиологических, гносеологических, праксеологических и иных аспектах проблемы. Это как раз и является той точкой, когда предположение значимости в рамках рассмотрения социальных процессов выбора исследователя как инициатора и креативного начала относительно социального развития, касающегося сложноорганизованных систем в рамках синергетической методологии является достаточно серьезным

постулатом. Так как, прежде всего, возникает ситуация, когда, приняв период транзита и перейдя исключительно к фазовой переходности, можно элиминировать теоретико-познавательные возможности и некоторые интенции, связанные с внутренней структурой социальных информаций.

Следует достаточно четко отдавать себе отчет о том, что когда на приоритетную позицию выходит мнение о том, что исследователь, как социальный субъект, осуществляет корректный выбор в контексте фазового перехода, то он на самом деле подразумевает, что социальный субъект способен выбрать период транзита, что является не вполне корректным в подобном контексте.

Но достаточно важно и другое. Дело в том, что сама структура периода транзита, с точки зрения ее внутренней наполненности событиями, предполагает также множество разных альтернатив, тенденций, версий социального бытия, далеко не всегда сочетаемых друг с другом, тем более в данном направлении, прямо нужно сказать, не всегда приведена предварительная интерпретационная работа. Кстати, явно не требуется, чтобы рассматриваемые тенденции или альтернативы соответствовали между собой, поэтому их можно рассматривать и с точки зрения противоречия, и с точки зрения противоположности.

Авторская идея состоит в том, что акцент нужно переводить на то, как исследователь, в качестве социального субъекта, способен выбирать из имеющихся альтернатив. В данном случае, фактически, сталкиваемся с достаточно важной теорией, а именно теорией предпочтений. Если рассуждаем о выборе и не говорим о предпочтениях и наоборот, то подобная ситуация вряд ли может дать какие-либо позитивные результаты. Поэтому прямо отметим, что исследователь, как социальный субъект, в транзитивном периоде, безусловно, должен иметь не просто возможности своего выбора, а именно выбора с позиции тех предпочтений, социальных, гносеологических, мировоззренческих, которые ему присущи. А главное, что после выбора набора определенных предпочтений, сам социальный субъект выберет

альтернативу, которая в дальнейшем получит реализацию, и которая и будет представлять собой не что иное, как некоторую конструкцию сценария будущего времени. Именно диалектика выбора из социальных предпочтений дает серьезный импульс к развитию социальных трансформаций, так как в данном случае, безусловно, будет осуществляться переход от одной к другой версии социального бытия, более того, сам исследователь, после определенной интерпретационной работы может выдвинуть и новую версию социального бытия, все будет зависеть от того, насколько представляется адекватной понимание социальной трансформации, и какие возможны дальнейшие движения в отношении социальной трансформации будут предприняты как с объективных, так с субъективных позиций.

Получаем вопросы, связанные с некоторой структурой транзитного периода, и внутренней организацией уже социальных трансформаций. Имеем диалектику субъективного и объективного в рамках оценки социальных трансформаций. Начинаем интерпретировать социальные трансформации. При этом в рамках рассмотрения и анализа социальных трансформаций, социальный объект, безусловно, может как произвести выбор той или иной социальной трансформации, с которой он будет в дальнейшем работать, так и сделать определенные предпочтения относительно порядка работы с социальными трансформациями, т.к. в данном случае можно говорить о том, что именно настоящий этап общественного развития переживает ту или иную социальную трансформацию, но имеется вполне конкретные модельные конструкции, которые позволяют исследователю говорить о будущем, говорить о будущих социальных трансформациях, которые в итоге сформируют определенный контур будущего времени. Причем такой подход к социальным трансформациям с учетом теории предпочтений даст возможность социальному субъекту выбрать наилучшие социальные трансформации, выбрать те наиболее адекватные сценарии будущего, в которых легче избежать противоречий, социальных противоречий, различных

кризисов, различных негативных явлений, которые так или иначе происходили на различных уровнях развития социального бытия.

И, если контекст социосинергетики рассматривать с позиции тех принципов, которые характеризуют сами социальные трансформации с различных сторон, можно реконструировать прежние социальные трансформации, так как в любой свершившейся социальной трансформации есть то, что вполне подходит для работы в настоящей социальной трансформации, и то, что возможно понадобится для будущего. Но а центральные категории хаоса и порядка лишь говорят о том, что действительно, когда рассматриваются характеристики неравновесности и равновесности сложных социальных систем, и в данном случае рассматривается проблема перехода с одного уровня на другой социальной трансформации, то, безусловно, постулируется концепция того, что происходит самоорганизация социальной трансформации. Очень важно при этом отметить, что самоорганизующиеся системы, как и саморазвивающиеся сложные системы вполне способны сохранять те элементы, которые были присущи социальным трансформациям на предыдущих этапах их развития, если, конечно, в этом есть необходимость, которая, обычно есть всегда, т.к. проблему исторической реконструкции по отношению к любому концепту еще никто не отменял. Ряд интересных идей в данном направлении выдвинул В. Вайдлих.

Как видим, перед нами еще одна попытка рассмотреть социально-исторические исследования уже с помощью использования математического аппарата, но в данном случае, на этом, видимо, следует прекращать дискурс с Вайдлихом, потому что, на наш взгляд, здесь происходит некоторое смешение уровней научного исследования, и одно дело математические уравнения, а другое – сложные социальные системы, и видимо, даже если в этом направлении производить какую-то определенную интересную работу, то это должна быть очень серьезная подготовительная работа, которую, например, тот же В. Вайдлих не делает.

Сама же позиция В. Вайдлиха относительно того, что необходимость реконструкции сегмента прошлого необходима для того, чтобы избавиться от непредсказуемости относительно сегмента будущего, на наш взгляд, в общем-то является неправильной и некорректной. Хотя при этом, указывая на то, что следует избавиться от прошлого ради будущего, тот же Вайдлих, так или иначе, косвенно признает, что существует прямая непосредственная связь между социальными системами настоящего и прошлого, и, естественно, подобная связь будет иметься и относительно будущего времени. При этом, в рамках дискурса о социальных трансформациях видимо не стоит проводить жесткую линию исторических реконструкций, так как в контексте неравновесных систем, подобные реконструкции имеют локальные специфические характеристики, являющиеся достоянием синергетической методологии.

И вновь, но уже в другом ракурсе обратимся к позиции Федотовой: «Транзитивное общество как систему характеризует процесс перехода от общественной системы с преобладанием динамических, становящихся и распадающихся структур, к обществу с относительно устойчивыми стабильными структурами. В транзитивном обществе происходят вариативные изменения состояния в сторону определенного аттрактора. Общество, как сложноинтегрированная система, в неравновесном состоянии чувствительна даже к незначительным воздействиям как со стороны управляющих параметров внешней системы воздействия, так и со стороны параметров порядка, внутренних удерживающие упорядочивающие функции и определяющие поведение подсистем»[154, стр.90].

Автор сознательно остановился на данном моменте, так как следует более точно определить отношения между социальной трансформацией и периодом транзита. Возможно, тогда бы и несколько прояснилась ситуация, о какой переходности в данном случае идет дискурс. Но подобное понимание, на наш взгляд, является до некоторой степени упрощенным. Дело представляется таким образом, что рассматривая транзит, социальный субъект

обычно исследует его в качестве некоторого перехода от одного состояния к другому состоянию, но в рамках этого периода. Отметим, что в рамках истории философии подобная схема так или иначе воспроизводилась не один раз.

Подойдем к данной проблеме с другой позиции. Представим иной вариант, который будет более близок к универсальному эволюционизму, и предположим, что существует неустойчивое и устойчивое общество. Где тогда будет проходить период транзита? Как можно ответить на этот вопрос. Это действительно достаточно интересный вопрос, на который можно ответить, лишь принимая ту или иную версию социального развития или рассматривая конкретную социальную трансформацию. Если же буквально рассмотреть приведенный нами пример, то получается что, имея какую-то социальную трансформацию, после нее наступает социум, характеризующийся некоторыми стабильными характеристиками. Получаем социум, в котором стабильные структуры и устойчивые структуры коррелируют между собой. И это можно понимать как результат социальной трансформации. В целом, автор склоняется к тому, что рассмотрение социальной трансформации предполагает изучение того, что, собственно говоря, являлось предпосылкой возникновения данной локальной социальной трансформации которая коррелирует с определенными темпоральными референтами. И насколько социальную трансформацию можно в качестве результата наступления стабильности и устойчивости рассматривать как фазовый переход? Безусловно, сразу следует элиминировать ту ситуацию, что сама социальная трансформация может выступить в качестве определенного начала существования этой фазовой трансформации. Поэтому существует некоторая предпосылка наличия устойчивого, стабильного, и в какой-то мере организованного социума. Таким образом, у социального субъекта появляется желание к установлению новых организованных социумов, где характерными чертами будет устойчивость и стабильность, а сами социальные трансформации, фактически будут характеризовать либо достигнутый уровень стабильности, либо

действительно обозначать собой некоторую транзитивность, между тем, что было, и тем, что будет достигнуто, но достигнуто в качестве стабильного общества.

Появляется локальное значимое исследование, связанное с тем, чтобы рассмотреть социальную трансформацию через прохождение альтернатив, оценок, предпочтений для того, чтобы определить стабильное будущее социума. И коль скоро речь идет о социальной синергетике, то, в данном случае, социальная трансформация будет коррелировать с достижением определенного аттрактора. Однако, достаточно оригинальная ситуация заключается в том, что если рассматривать в качестве теоретических основ социальную синергетику, и соответственно выходить на проблему аттракторов, то получается, что дискурс пойдет о тех характеристиках, которые существуют внутри структуры периода транзита, т.к. если утверждаем, что в них имеются тенденции, различные альтернативные сценарии, то это будет ни что иное, как дискурс об аттракторах. А если учесть и то, что рассуждение касается социальных систем, находящихся в неравновесности и соответственно, находящихся под действием управляющих параметров, то вновь следует говорить о том, что состояние стабильности и нестабильности социальных трансформаций, будут устанавливаться относительно бифуркационного поля.

Т.е., задача несколько упрощается с той точки зрения, что социальное развитие будет представляться как движение одной сложной социальной системы к другой, но от одного уровня к другому уровню. А контролировать это движение будут некоторые управляющие параметры, которые и будут образовывать определенное поле бифуркации. Подобная ситуация в главном характеризуется тем, что указанные параметры будут, так или иначе, пытаться удержать социальную систему в контексте структур, которые характерны для предшествующего развития подобной системы.

ГЛАВА 2. ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА

В главе рассматривается социальное время в структуре субъективного времени и интерпретации современного социума. Анализируются темпоральные референты в альтернативности сценариев трансформирующегося социума.

§1. Социальное время в структуре субъективного времени и интерпретации современного социума

В рассмотрении социального времени в последнее время наметилась определенная тенденция к тому, чтобы приоритетное внимание обращать на субъективное социальное время, на субъективную реальность и не потому, что отрицаем то, что само социальное время имеет и субъективный и объективный аспект, но дело в том, что в той литературе, которая создана к настоящему времени в основном делался упор на объективное время в ущерб времени субъективному.

Естественно, подобная ситуация не может считаться нормальной, так как это две стороны одного социального времени, тем более, когда речь идет о социальном субъекте, то вполне понятно, что в данном случае, если так или иначе рассматриваем категорию социального времени, то в нем будет внешняя и внутренняя сторона, поэтому правомерно рассматривать диалектику субъективного и объективного времени, и следует остановиться на ряде других вопросов, связанных, например, на переживании субъектом своего собственного времени, с проживанием им этого времени, с теми ментальными образами, которые у него возникают, с воображением, с внутренними чувствами, с внутренним опытом, с интерпретацией современного социума, то есть эта сторона изучения времени, в последнее время, в общем-то находилась на второй позиции после так называемого объективного времени и можно найти истоки подобной ситуации, так как такие учения как

экзистенциализм, философская антропология, персонализм, феноменология находились как бы в тени ряда других учений и эти учения разрабатывались в основном западно-европейской философией, что также накладывало отпечаток на активность их использования при рассмотрении важных проблем трансформирующегося социума.

Проблема диалектики субъективного и объективного достаточно интересна и, видимо, пришло время уже с позиции социального времени рассмотреть эту диалектику и, на наш взгляд, это будет не одна докторская диссертация, потому что сама проблема является не только сама по себе интересной, но она является важной, так как внесет значительный вклад в интерпретацию современного социума. Заметим, что в литературе, действительно, сейчас произошли определенные акценты на субъективное время, на субъективное социальное время, на категорию темпоральность, причем категория темпоральности во многом понимается как та категория, которая представляет собой определенный мостик между внутренним миром человеком и тем субъективным временем, которым он обладает.

Сам термин «темпоральность», как уже говорилось, пришел к нам от Хайдеггера, но до сих пор в отечественной литературе имеется немного исследований, которые исследовали бы роль темпоральности в интерпретации современного социума. В нашей работе такое исследование будет проделано, тем более, что темпоральность необходима нам, как для рассмотрения субъективного социального времени, так и для рассмотрения диалектики субъективного и объективного времени в процессе интерпретации трансформирующегося социума. А также для изучения субъективного времени социального субъекта, действия которого направлены во вне, в интерпретацию современного социума, то есть категория темпоральности имеет и вектор интенциональности, в данном случае направленность во вне, на объект, что является важно, так как, изучая социальное время, нельзя уделить внимание только одной стороне, то есть субъективному социальному времени, хотя в данном случае, будем делать приоритет на этом, безусловно,

не отказываясь от объективного времени и пытаюсь сохранить минимум той диалектики, которая необходима именно в данной работе, потому что, естественно, небольшой переко́с в сторону субъективного социального времени будет присутствовать, так это отвечает тем задачам, которые поставлены в рамках диссертации.

Другое дело, что автор отчетливо понимает, что такой небольшой переко́с, в данном случае, оправдан, так как соответствует цели диссертации, но, конечно, требуется фундаментальная работа, связанная с диалектикой субъективного и объективного времени в интерпретации современного социума, хотя бы потому, что в настоящее время существуют различные представления о времени, выделяют и психологическое время, и физиологическое время, и индивидуальное время, и политическое время, и биологическое время и так далее.

Практически каждая наука считает необходимым в рамках своего исследования выделить свое представление о времени и его роли в интерпретации различных социальных событий. Стоит сказать, что историческое время, изучается как не просто историческое время, а как единство исторического и социального, что, на наш взгляд, является правильным, потому что сама история, действительно, состоит из субъективных переживаний социального субъекта и всех объективных социальных процессов, которые происходят в трансформирующемся социуме и, соответственно, они так или иначе замыкаются на социальном времени и подобная ситуация имеет важное теоретическое и методологическое значение, так как не только получает развитие такая важная категория как трансформирующийся социум, но достаточно четко можно проследить его внешний и внутренний аспект: субъективность и объективность, обратиться к внутреннему миру человека, который в последнее время был в этом плане обделен с точки зрения того, что интерпретации субъективного социального времени уделялось мало места, а адекватное исследование социального времени, естественно, предполагает, интерпретацию современного социума,

субъективное социальное время является временем человека, сама стрела времени проходит по сознанию, по субъективному времени.

Будущее время через настоящее время уходит в прошлое и аккумулируется в человеческом сознании в противовес тому, что мы, допустим, зададим вопрос «а куда делся вчерашний день?», на этот вопрос ответить достаточно сложно, но если обратится к человеческому сознанию в контексте интерпретации современного социума, можно реконструировать прошлое и посмотреть, действительно ли на то, куда делся вчерашний день или сказать, что он является достоянием человеческой памяти, что возможно проанализировать тот комплекс событий вчерашнего дня, который существовал, естественно, при необходимости не с такой тщательностью, который характеризовался этот день, но все же с достаточной точностью, правомерно, при необходимости, не просто реконструировать его, а воспроизвести в человеческом сознании, в человеческом опыте, в конце концов применить знания вчерашнего дня к настоящему времени и результат, видимо, будет только позитивным, так как ничего того, что было в прошлом сам субъект не добавляет, если же он добавляет, что-то другое, то это тоже неплохой результат, потому настоящее время, является тем, что человек переживает и интерпретирует современный социум, естественно, будет являться достаточно важным для соединения настоящих переживаний с тем опытом, который аккумулировался вчерашним днем, позавчерашним днем, неделей, месяцем и так далее, то есть, собственно говоря, все то, что происходило в интерпретации социума.

Сейчас остановимся на тех моментах, которые связаны с достаточно важным моментом, так как рассмотрение темпоральности в изучении, понимании и интерпретации современного социума можно проводить по-разному. В данной работе на приоритетные роли выводим такие понятия как: философия нестабильности, социальный конфликт, социальная трансформация, социальная транзитивность, трансформирующийся социум и поэтому, естественно, субъективная темпоральность будет рассматриваться с

точки зрения интерпретации современного социума через эти понятия, что соответствует реалиям развития трансформирующегося социума.

В рассмотрении темпоральности правомерно комплексность времени обозначать таким образом, чтобы само время воспринималось не в качестве определенной категории, которая отражает те или иные социальные трансформации, а категория сама по себе, важная при рассмотрении интерпретации современного социума в контексте трансформирующегося общества. Поэтому рассмотрение внутреннего социального времени подразумевает весьма значительное обогащение того понятийного аппарата, который используется при изучении подобной категории в интерпретациях современного социума. Особо обратим внимание на то, что концептуально-семантическая сторона проблемы будет одной из приоритетной, так как уже говорилось о том, что система динамических категорий, которая используется при интерпретации и выражении социального внутреннего времени, еще в настоящее время не сложилась, поэтому данное исследование не внесет свой вклад в онтологию социальной философии. В данном случае оговоримся, что речь не идет о парадигмальных изменениях в понимании социального времени, в формировании сферы его характеристик, которые так или иначе, естественно, будут иметь прикладное значение. Приоритет отдается другому, а именно тому, чтобы социальное время связать с интерпретацией современного социума.

Исследование предполагает, что социальное время будет в данном случае иметь философский оттенок, но привязка к сегментам трансформирующегося социума означает то, что попытаемся рассмотреть время с различных сторон и уровней, и эти уровни помогут представить время с позиции его интегральности, глубины, масштабности по отношению к субъекту, отражению субъективного и объективного в рамках времени, интерпретации современного социума. На первое место должен выйти человек, с его переживанием времени, с его проживанием времени, с тем огромным социальным опытом, который он накопил к данному моменту и

которым он может достаточно эффективно воспользоваться в интерпретации трансформирующегося социума. Исходя из того, что социальное время будет представляться с позиции его комплексности и интегральности представляется, что его следует рассмотреть в русле четырех уровней проявления.

Безусловно, первый уровень проявления социального времени непосредственно связан с самим субъектом, с его переживаниями времени, с его внутренним миром, которые приоритетно касаются человеческой индивидуальности, его выражения в локальной жизнедеятельности, в интерпретации современного социума.

Конечно, это означает, что необходимо вести дискурс о таких философских направлениях как феноменология, экзистенциализм, философия жизни, философская антропология и так далее. Действительно, этот уровень предполагает человека как уникальную сущность, как набор ряда характеристик, как индивидуальность, что дает ему возможность утверждать, что человек проживает и переживает социальное внутреннее время, что он существует в этом внутреннем времени, в этом социальном опыте. Следовательно, в русле этого уровня акцент делается на тех видах времени, которые ближе всего связаны с социальным внутренним временем, то есть историческим временем, психологическим временем, биологическим временем, физиологическим временем.

Второй уровень непосредственно касается того его понимания и интерпретации социума, которые приводят к тому, что внутреннее социальное время преломляется и проходит через призму самой индивидуальной локальной человеческой деятельности, его собственной индивидуальности как субъекта, его накопленного опыта, что ведет к уникальности и так далее. В итоге подразумевается определенное множество характеристик, характерных для социального субъекта, между тем он, и это следует признать, имеет отличия в рамках понимания в современной научной литературе и не может изучаться вне трансформирующегося социума внутри которого он существует.

Следовательно, на приоритетные роли выходит понятие настоящего, причем не просто настоящего, а длящегося настоящего, которое весьма редко проходит по современным исследованиям, связанным с субъективным или социально-субъективным временем. На наш взгляд, подобная ситуация является недостаточно изученной и поэтому можно сказать, что игнорирование длящегося настоящего является серьезным упущением в рамках философской литературы, так как изучение субъективного социального времени предполагает изучение самого настоящего, и в итоге оно связывается структурно с интервально-моментной структурой, либо будет коррелировать с событийной структурой трансформирующегося социума.

Ключевая характеристика социального времени, а именно - «подинтервальность», в русле настоящего также не часто попадает в поле зрения исследователей по социальной философии, однако это достаточно важный вопрос, так как он связан с методологическими аспектами исследования темпоральных концепций. Следовательно, уровень длящегося настоящего – это второй уровень внутреннего социального времени. Он характеризуется тем, что социальный субъект исследуется с позиции его интерпретации в современном социуме. Конечно, в этом случае на первое место выходят не просто какие-то другие его индивидуальные характеристики, не просто индивидуальность и уникальность, а рассматривается целый спектр различных взаимосвязей, отношений, взаимоотношений внутри трансформирующегося социума с социальными субъектами, социальными группами и так далее.

В пределах данного уровня рассматривается некоторый интервал времени, называющийся длящимся настоящим, - в данном настоящем изучается внутреннее социальное время субъекта, социального слоя, социальной группы. В рамках интерпретации современного социума происходит некоторый срез, который представляется настоящим, но данное настоящее не представляется моментом или локальным событием, подобное настоящее представляет собой всю палитру подобных моментов, событий -это

жизненный срез, это человеческий срез, это человеческая деятельность, в рамках которой человек, действительно, проявляется в рамках жизнедеятельности и где достаточно затруднительно определить правую или левую границу, то есть такую границу, которая может достаточно четко очертить жесткое будущее от жесткого прошлого. Конечно, в данном направлении, в рамках истории философии существовали различные рассуждения в определенных границах, считавшихся размытыми, и подобные взгляды ведут к произведениям Гегеля.

Подчеркнем, что в тех ситуациях, когда дискурс касается социального время вообще, без деления его на внутренние и внешние аспекты, то в подобных случаях на приоритетные позиции выходят аналитический, с одной стороны, и функциональный подходы, - с другой стороны. При этом мыслители, которые изучают социальное время, причем, стоящие на разных философских позициях, находящиеся в рамках разных философских школ, так или иначе делают акценты на различные интерпретации современного социума. Если приоритетом является антропологический момент, то, естественно, на первое место выходят субъективные моменты внутреннего социального времени социального субъекта.

Конечно, в таком случае правомерно заявить о том, что те мыслители, которые предпочитают функциональный подход, связанный с анализом социального времени, естественно, акцент делают на некоторых объективных характеристиках времени и предлагают свой набор особенностей при рассмотрении этого аспекта времени. Причем бывают такие моменты, когда время с позиции его длительности может представлять собой некоторую переменную и в этих случаях оно может интерпретироваться в рамках современного социума. В тех случаях, когда подобная ситуация имеет место, соответственно, социальное внутреннее время может нам представить структуру, содержащую подструктурные социальные локальные процессы, если в подобной ситуации дискурс доходит до темпоральных структур, то

вполне с учетом набора характеристик, допустим, интервального времени, такие структуры вполне могут быть процедурно измеримыми.

Это достаточно тонкий аспект, имеющий важное значение в рамках определения не просто социального времени как такового, а даже более с точки зрения переживания этого времени социальным субъектом. Дело в том, что в подобных случаях, когда на первые роли выходят моменты, связанные с интерпретацией современного социума, то, соответственно, подобные измерения предполагают корреляцию с темпом или интенсивностью, прежде всего, внутреннего социального времени и в этом смысле предполагают широкие и обобщающие выводы, касающиеся, например, трансформирующегося социума. Причем в тех случаях, когда дискурс идет о субъективных моментах социального внутреннего времени, то мыслители нередко рассматривают такие важные проблемы, имеющие теоретико-познавательный интерес, как, например, некоторая манипуляция внутренним социальным временем, когда оно используется как фактор, имеющий влияние на поведение и действия различных социальных субъектов. Конечно, в данных случаях термин «манипуляция» – не самый удачный термин, однако он действительно точно отражает ту ситуацию, в рамках которой в настоящее время идет дискурс, а именно подобная манипуляция предполагает реализацию тех целей, имеющих прикладной характер в рамках жизнедеятельности социального субъекта, его организации, интерпретации его места и роли в современном социуме.

Нельзя не обойти вниманием и точку зрения П. Ласлета, который вопросы, связанные с внутренним социальным временем, изучает в корреляции с попытками серьезно влиять на восприятие социальным субъектом социального времени в рамках его анализа. Следовательно, например, наличие политической единицы, как составляющей в интегральном характере социальных изменений свое место, рассматривается не вполне достаточной в русле изучения внутреннего социального времени. П. Ласлет видел эту проблему и, естественно, пытался найти из нее определенных выходов,

в связи с чем он предпринял попытку наметить некоторые концепты, понятия и категории, связанные с социальным изменением, которые могли бы вполне коррелировать с той политической интерпретацией категории изменения, которая была введена самим П. Ласлетом. Так П. Ласлет утверждает: «8 описательных моделей социальных изменений: событийные изменения, проводимые элитой; насильственные; повторяющиеся; циклические; обратимые; изменения со сменяющейся скоростью; радикальные изменения государственного общественного строя; фундаментальные социальные изменения» [184, Р. 20-21].

В этой же связи Ласлет утверждает, что если внимательно посмотреть на топологию социальных и политических изменений, то, по крайней мере, в данном направлении можно определить некоторую топологию, которая реально отражает положение дел в соотношении социального времени и социального изменения 4 типа социальных изменений в зависимости от их темпа.

Как можно увидеть, в данном случае, Ласлет действительно серьезно озадачен тем, как связать социальное внутреннее время с теми темпами изменений, которые реально функционируют в общественных отношениях. В этой связи нужно сказать, что Ласлет был не первым философом, который обратил внимание на проблему связи времени и изменения, но в этом контексте П. Ласлет провел значительную работу для того, чтобы провести определенную корреляцию между внутренним социальным временем и между теми политическими, социально-экономическими и другими изменениями с позиции интерпретации современного ему социума, которые имеют место в действительности.

Что же касается предложенной им типологии моделей социальных изменений, то следует обратить внимание, что эти модели так или иначе соотнесены с ритмом и интенсивностью социального времени, что дает возможность выделить различные значительные моменты не только внутреннего социального времени, но и те моменты, которые приоритетны

при структурно-функциональном анализе, связанным с выявлением и описанием соответствующих характеристик, которые имеют место в результате подобного анализа. Можно соглашаться с П. Ласлетом, можно нет, но он поднял достаточно интересную проблему, связанную с попыткой провести некоторую зависимость между социальным временем и социальными трансформациями

То есть, та топология, которая была представлена Ласлетом, фактически предполагает, что сочетание различных моделей, по его мнению, может оказывать существенное воздействие на способы и содержание реализаций изменений в рамках внутреннего социального времени. Можно согласиться с П. Ласлетом и в том, что если рассматривать предложенную им типологию моделей социальных изменений с точки зрения выхода на другие изменения, в частности политические изменения, то прежде всего, исследования в этом направлении приведут к рассмотрению той или иной социальной структуры общества. В данном случае контекст исследований Ласлета позволяет говорить о том, что на первое место он ставил настоящее изменение, то есть изменения, происходящее именно в трансформирующемся социуме

Причем, в этом смысле, Ласлет прямо говорил о том, что необходимо выделять современную элиту общества, необходимо достаточно четко разграничивать политические слои, которые привязаны к данной социальной структуре, однако подобный анализ может быть дополнен и рядом вопросов, которые в итоге внесут свой вклад формирование темпа и интенсивности социальных изменений. В этом направлении целесообразно вести дискурс об обратимых циклических, насильственных и других изменениях. Заметим, что все они находятся в русле течения времени со своим ритмом, темпом, интенсивностью и, естественно, имеют определенную структуру. Но кроме этой структуры, рассмотрение различных изменений и процессов, естественно, предполагает привлечение целого набора определенных характеристик, которые и позволяют говорить об этих изменениях, то есть речь может идти о непрерывности, о длительности, о синхронности внутреннего времени, что

естественно дает определенную возможность рассматривать события с точки зрения того политического аспекта, который они несут, и отвечать историческим или социальным событиям и их комплексам.

Здесь затрагивается и другая вполне деликатная тема, которая связана с тем, что если в рамках интерпретации социума делается акцент на каких-то политических исследованиях относительно событий, имеющих политические оттенки, и все это проецировать на социальное время, в рамках которого подобные политические события будут иметь место, то тогда социальный субъект, рассматривающий подобные вопросы, должен говорить и о том, что в данном случае проблема расширяется, например, до религиозного или демографического времени.

С теоретических и методологических позиций в отношении таких событий приоритетно вести дискурс о том, что выделяемые типы времени, непосредственно касаются интенсивности социальных изменений, хотя нередко подобные изменения в явном виде отождествляются с изменениями политическими, что, на наш взгляд, является неправильным, так как изменения в рамках социальной структуры довольно консервативны и могут происходить в достаточно длительном интервале времени. Что же касается политических изменений, то, в большей степени, они скоротечны и поэтому проводить здесь прямую корреляцию, видимо, не стоит. В общем-то не новой является позиция Ласлета относительно событийности политических изменений. В данном случае он во многом воспроизводит концепции Г. Зиммеля и Э. Дюркгейма в части того, что интенсивность политических изменений связывается с комплексом событий и этот комплекс событий может измеряться с позиций социального времени, так как сами конкретные события, образующие контекст социального времени, могут считаться его локальными измерительными единицами.

На наш взгляд, П. Ласлет достаточно правильно ведет дискурс о том, что, если говорить о социальной структуре, то вряд ли стоит отделять политическую событийность этой структуры от ее динамики. Действительно,

эта идея является правильной, так как вряд ли можно говорить о том, что в рамках социальной структуры происходят те или иные политические изменения, но эти изменения не касаются тех динамических изменений, которые присущи самой структуре. И при этом социальные изменения в структуре вряд ли происходят через локальную смену некоторых выделенных состояний. В этой связи П. Ласлет приводит достаточно интересные исследования относительно того, что те же политические изменения правомерно коррелировать с быстрой интенсивностью и частой сменой событий в рамках политики.

При этом подобную ситуацию, на наш взгляд, можно вообще соотнести не просто с политическим или социальными изменениями, а выделить отдельный уровень макроструктурных изменений и уже в рамках последних вести дискурс о том, что подобные изменения характеризуются такими аспектами, как необратимость, насилие, линейность, событийность и при этом они имеют достаточно высокую скорость прохождения в обществе. Подчеркнем, что возможность получения и дальнейшего рассмотрения типологии социальных изменений и признания интенсивности и темпа этих изменений позволяют различать и описывать характеристики внутреннего социального времени в различных ситуациях. Например, если обратиться к тому же Ласлету, то можно говорить, что изменения будут связаны с тем, как их переживают социальные субъекты, как они воспринимают эти изменения и события, поэтому правомерно говорить о том, что восприятие будет более адекватным и корректным, когда социальное событие в контексте социальных или политических изменений будут проходить в невысоком режиме и, соответственно, интенсивность будет небольшой. Нельзя в этом случае не обратить внимание на реальность, когда социальные субъекты не всегда учитывают вышесказанное и в данном случае обычно происходят серьезные катаклизмы относительно социальных процессов, их длительностей, структуры и так далее.

Видимо, стоит поддержать Ласлета в том, что специальное внимание необходимо уделить рассмотрению структуры, порядка, интенсивности социальных и политических изменений внутри социального времени, так как исследование в этом направлении, безусловно, подводят нас к тому, что достаточно интересные вопросы, так или иначе, будут выделены в отдельный фрагмент, который может уже подвергаться анализу с самых различных позиций и с учетом политического аспекта, социально-политического аспекта, социального аспекта. Кстати в этой связи стоит вспомнить о том, что такие русские философы, как: С. Аскольдов, Н. Бердяев, И. Дьяков, Л. Лопатин и другие, в том числе целая плеяда русских космистов обозначили комплекс важных идей и концепций, которые возможно непосредственно и не связаны с теоретическими проблемами внутреннего социального времени, однако они формируют весьма интересные концепции, идеи, выводы, касающиеся исследования субъективного времени, его основных структур и характеристик.

Причем исследования отечественных ученых внесли существенный вклад в обогащение теорий, которые, в конечном итоге, и формировали современную теорию внутреннего социального времени. Отметим, что разные моменты интерпретации социального времени предполагали наличие ряда конструкций в области обогащения разных областей изучения социального времени в соотношении с социумом, с социальным субъектом, с социальным индивидом и его деятельностью. Подобное следует утверждать и относительно общественного развития, относительно общества в целом, относительно социума, тех взаимосвязей, взаимодополнений, взаимодействий, которые имеют в нем место, структуры социума, различных перспектив его развития и так далее.

Безусловно, в рамках данного исследования автор не будет подробно касаться достаточно интересного пласта проблем, который подняли русские космисты, это тема отдельного исследования, но вектор и направление этого исследования в будущем не просто внесет свой серьезный вклад в теоретическое исследование социального времени, но и в рамках

динамической системы категорий, которые используют социальное время с выходом на проблему внутреннего социального времени, субъективного социального времени, их соотношения с различными социальными явлениями, событиями, в общем со всем комплексом вопросов, которые в итоге позволяют говорить, что имеем дело как с объективными, так и с субъективными аспектами социального времени.

Нельзя обойти вниманием понимание внутреннего социального времени таким известным отечественным мыслителем как В.Н. Муравьев [31]. В ряде своих работ таких, как «Национальная идея», «Национализм и интернационализм», «Владение временем», «Восприятие истории» и других, данный мыслитель рассматривает комплекс достаточно важных и интересных идей, касающихся концептуально-семантических исследований, имеющих важное значение при конструировании не только тех или иных моделей социального изменения, но и вносящих серьезный вклад в теорию внутреннего субъективного времени, а также в данном случае предполагается выход к интерпретации социальных трансформаций и трансформирующегося социума.

На наш взгляд, позиция Муравьева, это позиция крупного исследователя, который не останавливается на какой-то одной проблеме, допустим, внутреннего социального времени или субъективного аспекта социального времени, а поднимает проблему на более высокий уровень, а именно до тех концептуально-теоретических наработок, которые имеются по отношению к социальному внутреннему времени, Муравьев достаточно удачно дополняет междисциплинарными и прикладными моментами. Что же касается термина темпоральности, то в явном виде В.Н. Муравьев его не рассматривает, однако, когда речь заходит о связи социума и индивида, то данный исследователь полагает, что темпоральность является именно тем мостиком, который в общем служат корреляцией между правильным соотношением социума и индивида, причем в самых различных направлениях социального развития и переживаний социального субъекта, конкретно тех событий, тех явлений действительности, которые отражаются в его

отображении, в его ментальных образах, в конце концов, в его переживании самого времени. В этой связи приоритетной становится зависимость субъективного времени от определенных циклов и ритмов человеческой творчески- преобразующей деятельности.

Но, Муравьев недвусмысленно подчеркивает, что социальное время необходимо рассматривать в контексте бытия того универсума, в котором находится человек и уже, исходя из этого социального универсума, делать определенные выводы в представлении о том, что представляет собой не просто социальное время, но и, допустим, его объективные и субъективные стороны. Конечно, нельзя сказать, что в своих исследованиях Муравьев близко подошел к тем образам, для которых внутреннее, субъективное, социальное время было предметом специального анализа и, соответственно, исследования времени носило определенную направленность и определенную интенциональность. Однако, заметим, что Муравьев как и многие отечественные мыслители пытался нащупать диалектику объективного и субъективного понимания природы социального времени, а так же пытался связать социальные и природное начало для онтологического представления времени.

Тем более, если исследовать его работы, то в них явно прослеживается желание рассмотреть социальное время через ряд тех характеристик, которые в истории философии выходили на первое место, то есть характеристики длительности, дискретности, темпа и так далее. Немало- важно подчеркнуть и такую идею, что, безусловно, в отличие от экзистенциальной философии и феноменологов, Муравьев искал рациональные аспекты диалектики субъективного и объективного времени в рамках времени социального. По нашему мнению, В.Н. Муравьев находился под достаточно сильным влиянием русских космистов и в этом плане он считал, что социальное время и физическое время дают возможность социальному индивиду не только воздействовать на реальность цели и ее изменения в соответствии с локальными задачами, но и познавать мир, осознавать то место, которое этот

субъект занимает в этом мире. И в данном направлении вполне возможен выход на познание соотношения природного и социального в рамках изучения категории времени.

Подобная ситуация, с точки зрения Муравьева, дает возможность социального индивиду, по крайней мере, контролировать внутреннее социальное время. Нужно сказать, что такие идеи Муравьева дают возможность позитивно оценить его исследования. Но необходимо учитывать тот момент, что концепция Муравьева в какое-то время являлась одним из пионерских подходов в отечественной науке к проблеме внутреннего социального времени и поэтому правомерно с достаточной долей уверенности говорить о том, что рассмотрение темпоральных характеристик в русле корреляции природного и социального, является своеобразным вкладом В.Н. Муравьева относительно демонстрации некоторого единства природного и социального, касающихся творческого и деятельностного подхода к обществу, роли человека в этом обществе, в структуре общества и места человека в этом обществе. В.Н. Муравьев достаточно адекватно подходит к значимости установления соотношения природного и социального времени. По его мнению правомерно вести дискурс о том, что в социуме имеется многообразие темпоральных характеристик в рамках социального универсума.

Амбивалентность социального времени не была обойдена Муравьевым, так как он обратил внимание на этот феномен, пытаясь онтологизировать единство природного и социального времени, что говорит о фундаментальности его подхода к проблеме. В.Н. Муравьев отмечает, что бытие человека и общества таковы, что независимо от представления этих субъектов в обществе и соответствующей рефлексии они всегда будут существовать в взаимозависящих и тесных отношениях с обществом. Не обошел внимание В.Н. Муравьев и историческую науку, обратив внимание, что следующим своеобразным кирпичиком онтологизации природного и социального времени будут исследования не в рамках исторического времени, а в соотношении с исторической наукой. В общем в истории философии новым

не является дискурс относительно того, что настоящее и есть, в котором человек живет, в котором он переживает время и отражает время.

Но хотелось бы обратить внимание и на другое: на то, что В.Н. Муравьев выделил такой аспект, который в общем-то нельзя назвать пионерским, но этот аспект недостаточно развит в литературе. Тем более, во время жизни В.Н. Муравьева, поэтому следует утверждать о том, что диалектика социального и исторического в соотнесении с внутренним социальным временем была в недостаточной степени развита, и то, что В.Н. Муравьев говорит о необходимости вести исследования в данном направлении, может говорить о его достаточно серьезной прозорливости. Подобное следует рассматривать и как определенную завершающую ипостась анализа внутреннего социального времени, но вообще идеи космизма и Муравьева непосредственно серьезного влияния на теоретический вклад в рамки внутреннего социального времени все же не оказали, хотя они являются не только полезными, но и достаточно интересными с точки зрения их дальнейшего развития, тем более вряд ли нужно говорить о том, что в этом направлении все проблемы решены, и, соответственно, все исследования нужно прекращать.

Вообще автор сознательно уделил столько внимания концепции В.Н. Муравьева. Дело в том, что ряд его рассуждений и представлений во многом пересекается с авторским видением проблемы. Например, можно говорить о том, что достаточно важным и интересным представляется концепция Муравьева относительно характеристики неодновременности времени, что дает возможность выйти на различные социальные отношения и связи в рамках рассмотрения общественного процесса. В.Н. Муравьев также обращает внимание на то, что если распознавать и постулировать не-одновременность, то, безусловно, будут существовать определенные разрывы в рамках системы отношений и эти разрывы могут также касаться связей между различными людьми.

Это также для нас достаточно интересно, так как рассуждаем о том, что рассмотрение внутреннего социального времени и отражение тех или иных общественных процессов, вообще развитие социального времени показывает, что одно идет прерывно и эта прерывность характеризуется определенными моментами нестабильности, социальными трансформациями, конфликтами, с другой стороны, нельзя отрицать непрерывность общественного развития вообще, но, анализируя структуру этого общественного развития, следует понимать, что существует определенная диалектика прерывного и непрерывного и вместе с этой диалектикой на первый план выходит множество различных динамических категорий, которые имеют свой собственный смысл и которые связаны с отражающейся действительностью. Также в этом случае, естественно, происходит и с самой категорией социального времени, которой в последнее время стали уделять значительно большее внимание в исследованиях, так как, действительно, стало понятно, что и экзистенциалисты, и антропологи, и феноменологи, и представители других философских школ в общем-то не зря обращались к внутреннему бытию человека с желанием найти там истоки человеческого сознания, найти истоки человеческого восприятия трансформирующегося социума, ведь сам социум и физическое время течет и уходит, а отпечатки этого социума остаются в сознании человека.

Поэтому в данном случае такие феноменологические разрывы, о которых рассуждаем и с нами в этом плане, в большей степени, согласен В.Н. Муравьев, показывают то, что эти феноменологические разрывы могут означать ни что иное, как проявления социальной нестабильности и, естественно, переход от феноменологических разрывов к длительности, непрерывности, постепенности будет означать, что имеем дело с социальной стабильностью в трансформирующемся социуме. Это достаточно серьезные вопросы, которые в настоящее время изучаются в рамках большой темы, связанной с философией стабильности и нестабильности в обществе, автор с этой проблемой знаком, ее касался непосредственно, отражал в русле своего

исследования, но комплексно исследовать эту проблему, связанную с философией нестабильности в целом, в ее всесторонности, в ее различных аспектах, в ее интегральности и так далее, на наш взгляд, это дело не одной докторской диссертации.

Конечно, при таком понимании В.Н. Муравьевым наличия некоторых разрывов в рамках социальных процессов неминуемо ведет к тому, что он справедливо замечает, что социальный объект должен осуществлять определенный контроль над теми процессами, которые протекают в обществе и в данном случае следует выходить на ряд законов, которые могли бы, в той или иной степени, определить именно неоднозначность стабильной картины мира, поэтому В.Н. Муравьев в этом плане обращает внимание и на то, что действительно нестабильность связана с конфликтами и разрешимостью проблем противоречия в социуме, что является абсолютно правильным, так как, рассматривая трансформирующийся социум, автор также утверждает то, что в рамках социально-исторического процесса существует нестабильные периоды, существуют нестабильные разрывы, существуют социальные трансформации, существует социальная транзитивность, существуют различные преобразования, возникновение и уничтожения и целый ряд других динамических категорий, которые, к сожалению, к настоящему времени изучены в недостаточной степени. В рамках данной работы автор не может, естественно, проделать всю эту работу, однако он обозначает это направление и в будущем вернется к тем проблемам, которые не нашли место в настоящей работе.

Муравьев высказывает интересную идею, которую можно представить как идею хаоса многовременности, Подчеркнем, что Муравьев, поднимая проблему неодновременности, в общем-то не пошел дальше, хотя следовало бы ее русле истории приоритетно связать с имеющимися организациями самого человека и его деятельности. Кстати можно сказать и о том, что это в какой-то мере провоцирует на то, что создаются и существуют разные модели социального времени с точки зрения их конструирования, создания и

использования. Заметим, что временная рассогласованность относительно конкретных социальных взаимосвязей, взаимозависимостей связей и отношений определяется тем, что внутри человеческого сознания происходит абсолютизация социальной уникальности или статуса субъективного времени.

В этом случае в русле понимания внутреннего времени само объединение социальных стратов касается того, насколько они воспринимают концепции, связанные с согласованием их позиций и в данном случае следует понимать, что подобное согласование может быть подвергнуто влиянию некоторых внешних факторов и поэтому в рамках социальной структуры подобное влияние вполне может распространяться на различные социальные группы. Заметим, что внутреннее социальное время в этой ситуации предполагает достаточно важную методологическую значимость. На теоретическом уровне конструирования моделей общества необходимо комплексно подходить к ряду проблем, так как это связано с определенными ограничениями, которые характерны для концепции идей рассогласования и согласования социального времени. Подобные нежелательные ситуации можно блокировать тем, что когда общая проблема погружается в рамках внутреннего социального времени, то исследователь может оперировать целым набором характеристик времени и главное необходимо правильно подобрать эти характеристики и постепенно вводить их в рамки того исследования, которое проводится. Применяемые характеристики должны быть адекватны состоянию общества, которые в данном случае подвергается системному анализу.

§2. Темпоральные референты в альтернативности сценариев трансформирующегося социума

В современной социально- философской литературе категория времени начинает использоваться более активно. На это есть веские причины, имеющие фундаментальный характер, что связано со становлением постнеклассической парадигмы в науке. Отметим, что если исследователь, рассматривая те или иные сегменты истории или анализируя социальные процессы, должен по отношению к ним, безусловно, рассматривать в соотнесении темпоральность с контекстом альтернативности сценариев трансформирующегося социума.

В этом случае вполне естественно, что в контексте подобного социального- исторического процесса можно говорить о его наполненности комплексами социальных событий, которые, в конечном, счете и будут формировать альтернативные сегменты социальных процессов. Но при этом необходимо учитывать тот достаточно тонкий момент, что, если сам социальный субъект, как исследователь, рассматривает такие сегменты, например, альтернативных сценариев социальных процессов с учетом философских источников, то тогда можно сказать, что социальный субъект, как интерпретатор, дает, в определенном смысле, фактор социального времени этому конкретному источнику. Конечно, не все философы согласятся с этой позицией, но для нас это является аксиомой, так как , если предположить противное, то тогда любой альтернативный сценарий будет содержать различные факторы , что не является адекватным представлением о ситуации и факторы времени в него может внести только интерпретирующий социальный субъект. Безусловно, сами вопросы, связанные со временем, возникают тогда, когда происходит интерпретация какого-либо конкретного социума, в этих случаях интерпретатор, который непосредственно работает с сегментами социума правомерно может рассуждать о целом комплексе социальных событий, которые имеются в данном социуме, о корреляции

между этими комплексами и между отдельными событиями, о их соотношении с различными темпоральными структурами, в итоге проблема так или иначе выйдет на социальное время с позиции выделения в нем достаточно жестких индексов, фиксации этой деятельности и соответствующих временных структур.

В ином варианте вопросы, связанные с темпоральностью социального могут исследоваться так, что социальность и время, коррелирующие между собой и определенным трансформирующимся социумом отражают позицию интерпретатора - субъекта, которая уже выделено внутри второго уровня социального времени. В этом же направлении можно отметить, что ситуация, безусловно, будет касаться становления различных социальных групп, их исчезновение, образование социальных систем и т.д., что тоже, так или иначе, относится к подобным философских источников. В этой связи подчеркнем, что социальное время предполагается в процессе трансформирующихся социумов, но присутствует в них не с точки зрения существования, а само возникает тогда, когда социальный субъект, сталкиваясь с интерпретацией альтернативных сценариев трансформаций, исследует их историческую динамику, показывает ту структуру, которой они обладают. Последнее является достаточно важным, так как, если говорим, что на первое место выходит структура времени, то следует рассуждать о том, что они и являются определенным образом соотносены с некоторым трансформирующимся социумом и этот социум будет выглядеть в виде сложной динамической системы и, естественно, рассматривать подобную структуру допустим без интервального времени, без моментно- интервальных структур, что, на наш взгляд, является просто невозможным.

Отметим, что когда социальный субъект интерпретирует альтернативные сценарии трансформирующегося социума, то понятие внутреннего философского социального времени в данном случае заключает в себе определенную диалектику субъективного и объективного, хотя это скорее носит локальный и системный характер. Дело в том, что работая с конкретным

восприятием социума, исследователь, не только пытается представить те трансформации которые происходят в рамках социальных трансформаций, но, с другой стороны, представив эти трансформации он должен пропустить их через собственный опыт, через то субъективное восприятие, через то субъективное время, которое ему дано и поэтому в данном случае на приоритетные позиции выходят его внутренние аксиологические и мировоззренческие установки и в этой ситуации обозначаются такие задачи и цели, которые, возможно, не только значимы для данного социального субъекта, именно в усмотрении данного сегмента трансформирующегося социума, но возможно они очень важны для него и для социального проектирования и прогнозирования, то есть имеется прямой выход на изучение футурологических проблем.

Необходимо отметить, что субъективное восприятие социума будет идти с определенным акцентом на субъективное время, на индивидуальные внутренние особенности социального субъекта. Но при подобной ситуации правомерно утверждать, что подобное исследование связано с первым уровнем изучения социального времени, так как выход на внутренний мир социального субъекта, естественно должен предполагать и корреляцию его темпоральности и внутренних установок с тем социальным временем, основным аспектом которого является индивидуальность. Иное дело, что вероятно такая ситуация не для всех представляется реально однозначной с точки зрения восприятия альтернативных сценариев трансформирующегося социума, но при этом не следует не обращать внимание на то, что сам внутренний опыт, сама система оценок по отношению к социуму, отношению к социальному процессу, отношению к социальному пространству, рассматривается в двух ипостасях, как отношение субъективного и объективного, так и с точки зрения переживания времени, в рамках которого происходят эти трансформации и соответственно, в данном случае, такое переживание связано с реальным социальным субъектом, а конкретнее с

теми его установками мировоззренческими, аксиологическими, методологическими и т.д., которыми он располагает.

С другой стороны, в общем-то можно вести дискурс и о другом соотношении субъективного и объективного, в данном случае говорим о реальном существовании социального субъекта, и, соответственно, это реальное существование в итоге переживается в субъективном опыте. Значимо то исследование, которое необходимо провести относительно самого социально-исторического процесса, действительно не всегда достаточно четко в рамках социально-философских исследований выделяются различные уровни социального бытия по отношению к трансформирующемуся социуму, если говорить о современной философии нестабильности, то, безусловно, приходим к тому, что переосмысливая социальный процесс, неминуемо попадаем в сферу не только линейных, позитивных, стабильных событий, но и в сферу социальных трансформаций, социальной транзитивности переходных периодов. Переходные периоды, в данном случае, играют значимую роль в возможностях самого социального субъекта переходить с одного на другой уровни социального бытия, в этом проявляется диалектика явления сущности и в этом проявляется опыт человека, в этом проявляются различные уровни переживания темпоральности в рамках внутреннего опыта.

В этой ситуации сам социальный субъект в рамках переживания или проживания тех или иных альтернативных критических и социальных трансформаций пропускает их через внутреннее субъективное время и они становятся частью субъективного опыта и в этом смысле человек в соответствии с тем, что в нем заложено, со своими установками, характеристиками, целями и задачами может действительно обращаться вполне уже адекватно с наиболее эффективным и продуктивным концептуально-семантическим аппаратом, который даст возможность представить трансформирующийся социум и выделить в нем социальные процессы, но речь идет о более глубоких проблемах, о проблемах моделирования социальных процессов, о построении многомерных моделей, о

построении реляционных семантик, о социальном прогнозировании проектировании, и том, что футурология, в данном случае, воспринималась как не та наука, которая не является приложением к анализу социальной действительности, а должна сама уже быть заложена во внутреннем опыте человека, футурология- это есть та темпоральность, которая фактически, если взять прохождение через внутренний опыт человека «стрелы времени», то она будет представляться как сценарий перехода из будущего через настоящее в прошлое, тем более подчеркиваем, что, безусловно, в рамках нашей точки зрения настоящее всегда является длящимся, потому что это не некоторый момент- это интервал, поэтому рассматриваем простые системы и сложные системы с выходом на бифуркационные поля, но дело в любом случае заключается в том, что касаясь длительного времени нам достаточно трудно предположить и описать куда делся вчерашний день.

В рамках же субъективного восприятие этого дня в рамках внутреннего человеческого опыта, в рамках времени можем вполне реконструировать вчерашний день, пусть, возможно, не во всех его деталях, не во всех оттенках, но тем не менее в длящемся настоящем. Исследователь практически вытягивает оттуда из прошлого в длящееся настоящее те или иные фрагменты прошлого, которое нам необходимо не только, допустим, для осознания самого настоящего, но и прошлого. В этом смысле моментно-интервальная концепция времени естественно будет выступать как определенная периодизация всего социально-исторического процесса, и когда сам социальный субъект вводится, как интерпретатор трансформирующегося социума через свой собственный опыт, свою темпоральность, свое субъективное время пропустит этот социально- исторический процесс, то это и есть переосмысление, переживание и проживание трансформаций, то есть те катаклизмы настоящего, которые в данный момент получили достаточно широкое распространение, и о них достаточно часто возникает дискурс, что во многом наталкивает нас на то, что социальный субъект в недостаточной степени познает социальные трансформации, недостаточно понимает

социальную транзитивность, в рамках своего сознания находится на различных уровнях социального бытия, но лишь в этом случае он может правильно расставить, по крайней мере, предварительные акценты, касающиеся тех же социальных катаклизмов и социальных трансформаций, социальной транзитивности.

Как показывает исследование, в представлении альтернативных сценариев трансформирующегося социума главное - это демонстрация той динамики событий, которая в нем происходит и эта динамика, естественно, должна быть адекватно интерпретирована. Поэтому возникает вопрос о том, что социальное время, рассматриваемое как с субъективных, так и объективных позиций приобретает значимость в рамках оценки того или иного сегмента трансформирующегося социума, причем научная значимость характеризуется тем, что говорим не только о диалектике субъективного и объективного, но и обращаем внимание как на футурологические проблемы, которые должны возникать, связанные с социальным моделированием и прогнозированием, так и на те моменты, которые могут вполне иметь прикладной характер.

В данном случае прикладной характер имеет значение, на наш взгляд, в том плане, что можем рассматривать социальное время не только в рамках системы основных категорий социальной философии, но и говорить о том, что социальное время выступает как прикладной инструментарий, которым может воспользоваться социальный субъект при анализе и рассмотрении локальных сценариев альтернативности. Обратим внимание на достаточно небольшую, но существенную деталь, когда рассуждение идет о том, что интерпретатор, как социальный субъект, своей интенциональной деятельностью придает динамический момент в истолковании трансформирующегося социума, то подобная ситуация буквально не значит то, что он отрицает или отказывается от интерпретации настоящего времени как длительного времени.

Поясним это, в такой ситуации сам уровень рассмотрения меняется в том отношении, что настоящее время, понимаемое как длительное в русле

второго уровня внутреннего социального времени, определенным образом будет отражаться в альтернативных сценариях, так что сами эти сценарии примут некоторую структуру, которая будет характерна для существующих временных периодов. В русле подобных периодов, учитывая основные цели и задачи социального субъекта он, естественно, определит собственное идеальное настоящее, понимаемое как длительное и именно относительно него будет формироваться динамическая система того сценария, который он будет выводить на приоритетные позиции. В это связи возникает еще один интересный вопрос, связанный с корреляцией социального времени с историческим временем. Дело касается того, что подобная корреляция затрагивает вопрос о социальной целостности, когда речь идет о социально-историческом процессе, о тех трансформациях и той транзитивности, которая в них происходит. Безусловно, проблема социальной целостности в соотнесении с транзитивностью и трансформацией приобретает особый характер. Будем считать, что, в данном случае, системный анализ ситуации имеет главное значение, но еще более существенное значение приобретает то, что трансформирующийся социум понимаемый как множество уровней социальной целостности и на которых происходят различные коллизии, трансформации и конфликты, следует действительно сопоставлять с интервалом времени.

Это достаточно интересный вопрос и в современной литературе он обсуждался достаточно долго, но серьезных выводов сделано не было, на наш взгляд, проблема именно в соотнесении с нашим исследованием касается того, что историческое время как и социальное время заслуживает своего отдельного исследования, может быть в рамках настоящего - это исследование будет небольшим, локальным, но дело в том, чтобы абстрагироваться вообще от изучения времени в историческом разрезе, кажется непозволительным, так как возникает данный вопрос, если рассматривать социально- исторический процесс, то как будет представляться целостная картина этого процесса. Есть можно рассуждать о версиях социального бытия, социальных процессах, их

типологии, возможно привлечь мощный методологический аппарат интервальной концепции времени, что же касается исторических проблем, если не рассматривать отдельно историческое время, то будем иметь дело только с какими-то фрагментами альтернативных сценариев и, безусловно, вряд ли еще можно говорить о каких-то индетерменистских процессах в истории, потому, что таким образом, понимаемые фрагменты будут давать дальнейшую линейную концепцию истории.

С другой стороны, заметим, это входит в противоречие с тем, что продолжая дискурс о времени историческом и коррелируя его с социальными процессами, субъект, в принципе, должен заметить, что подобный локальный момент, наполненный различными историческими комплексными событиями, явлениями, возможно фактами, в общем-то вписывается в ту общую картину, которая будет характеризовать трансформирующийся социум с точки зрения как его стабильности, так и тех нестабильных характеристик, которые связаны с социальными трансформациями, прежде всего, еще раз обращаем внимание на социальные трансформации, так как в настоящее время достаточно перспективно связывать их со сценариями альтернативности, но как эти социальные трансформации воспринимаются в рамках субъективного человеческого опыта, как они проходят через внутреннюю стрелу человеческого времени - это вопросы, которые порождают очень много новых идей и которые требуют своего решения.

Конечно, необходимо рассматривать комплекс событий в соотнесении с некоторыми историческими комплексами событий, формирующими определенную картину эпохи, в рамках которой социальный субъект рассматривает те или иные сегменты трансформирующегося социума с точки зрения сценариев альтернативности, и это является приоритетным моментом. Естественно, что в отличии, например, от того же времени календарного, которое можно сказать, что течет равномерно, оно является главным, не имеет скачков. Время историческое необходимо исследовать, конечно, иначе. Сама история подразумевает другие варианты интенсивности, история как и вообще

развитие человека, безусловно, предполагает вектор ускорения, социально-технический прогресс является достаточно ярким примером. Видимо, никто не будет возражать, что вопросы, связанные не просто с историческим временем, а с изучением его структуры, интенсивности, темпе, особенно в соотнесении с социальными трансформациями, социальными катаклизмами и другими проблемами, связанными с философией нестабильности, являются серьезной и интересной проблемой.

В подобной ситуации, элиминируя темп в рамках исторического процесса в корреляции с социальной ценностью, поднимается проблема относительно имеющейся наполненности комплексов социальных и исторических событий относительно различных фрагментов самого исторического времени, с учетом того как подобные исторические и социальные события будут конструироваться в рамках настоящего, естественно, длящегося настоящего, которое будет существовать в социальном опыте субъекта. В этом случае нельзя не обратить внимание на то, что тогда, когда идет рассуждение о наполненности периода времени историческими событиями, то действительно имеем дело с первым уровнем социального времени, который нацелен на индивидуальное существование человека. В этом случае вновь подходим к вопросу об объективности и субъективности, и, в данном случае, конечно, следует говорить о том, что восприятие человеком подобного комплекса событий, безусловно, является значимым с точки зрения осмысления и переживания, но сама наполненность будет представляться некоторым объективным моментом. При этом, естественно, вторая сторона подобной диалектики конечно говорит о том, что субъективный аспект в данном случае безусловно не просто учитывается, а он показывает первый уровень, он имеет приоритетное значение, так как осуществляя дискурс о объективности субъективного времени, о том, что существуют комплексы событий, в которых происходит разное наполнение событиями периодов времени, каждый социальный субъект конечно может, и это будет являться

подобной сильной идеализацией, но это факт, он может как ускорить темп индивидуального времени, так и замедлить его.

Поэтому следует заметить, что в современной философской литературе существуют достаточные пробелы, связанные с изучением индивидуального времени человека с точки зрения ритма этого времени, темпа, интенсивности и т.д. и проблема является малоразработанной, так как, в конечном счете, выход на нее сопряжен с выходом на множество других аспектов, которые, возможно, исследователи, в данном случае, и не готовы решать. Действительно, развитие проблем темпа интенсивности времени в настоящее время систематического развития не получили. Отметим в этой связи, что даже те немногочисленные работы, которые имеются в настоящее время в рамках социальной философии, не смогли дать некоторой концептуально выдержанной и адекватной системы с определенным набором концептуально-семантических концептов.

Но в этом смысле следует сказать о том, что когда выходим на ряд иных проблем, например, связанных с методологическими аспектами социально-философских проблем и опять же, касающиеся социальных процессов, социальных структур, социальной нестабильности, то правомерно найти некоторые исследования, в которых в общем-то эти проблемы не просто поднимались, но и получили достаточно серьезное развитие, то есть именно проблемы ритма, темпа интенсивности социального времени, и среди ученых которые внесли существенный вклад в это направление, можно отметить Ю.Лотмана и В.Попова. Эти ученые в рамках своих собственных исследований, так или иначе, касались указанных выше вопросов, однако вряд ли можно сказать, что они вдвоем сформировали какую-то сложную социальную систему, социальную градацию тех категорий, которые могли бы отражать вышеуказанные моменты или, по крайней мере, привести их в какую-то систему, но эти два ученых дали некоторые основные представления и основные моменты для того, чтобы начиная с них, можно было развивать необходимые вопросы.

Отметим, например, что В.Попов достаточно внимание уделил проблемам, касающимся логического осмысления социального времени, именно в рамках логико-философских исследований. В.Попов вышел на интересную типологию интенсивности и ритма социального времени и это можно воспринимать как достаточно интересное позитивное достижение, которое можно развивать в дальнейшем, автор с ним познакомился и в своей дальнейшей работе будет акцентировать на этом внимание. Особо следует заметить, что в работах В.Попова на приоритетные роли выходило изучение спектра выразительных возможностей использованных формализованных методов, касающихся рассмотрения различных моментов интенсивности времени, в том числе и социального времени. В принципе данного ученого можно понять, так как, если его проблема темпа интенсивности времени затронута с точки зрения логических построений, то ничто не мешает выйти на какие-то формализации и которые в дальнейшем будут очень полезны для формирования концептуально-семантического аппарата для отражения различных моментов темпа или интенсивности времени.

В данном случае, безусловно, речь идет о социальном времени вообще, о его субъективных и объективных моментах и о той темпоральности, которая характерна в данных аспектах для социального опыта субъекта. Причем, нельзя не заметить и то, что в этом направлении В.В.Попов реально продолжил рассмотрения соотношения формальной и диалектической логики по отношению к отражению динамики социальной реальности, что, конечно, не могло его не привести к построению различных логических исчислений и логических семантик, которые показывали бы динамический характер реальной действительности с помощью тех или иных логических исчислений и с помощью тех многомерных семантик, которые у В.В.Попова касаются моментно-интервального характера.

Это очень интересные семантики, потому, что если посмотреть на проблемы подобных семантик, то, пожалуй, можем найти подобные семантики только у Ван Бентэма [174], но если посмотреть другие работы,

например, Ч. Хемблина, то тот же В. Попов реконструировал как конструкции Хемблина, так и конструкции Ван Бентэма. Заметим, что автор коснулся двух ученых, и было бы справедливо отметить, что если Ю. Лотман все же приоритетом выбрал измерение интенсивности, то В. Попов - социальное время с точки зрения его ритма и интенсивности старался вывести на конкретные интервальные структуры, и эти структуры были моментно-интервальными структурами, что в современной отечественной литературе является достаточно редким явлением, так как, если в основном идет анализ моментно-интервальных структур, то это происходит непосредственно в большинстве случаев в сфере математической или формальной логики.

На эту тему нельзя не обратить внимание потому, что Лотман все-таки предполагал ставить акцент на таком направлении фундаментальных разработок, касающихся измерительных процедур относительно времени, что в какой-то мере возможно упустил проблемы, связанные с методиками и методами измерения подобного времени. И хотя можно, действительно, знать что, по большому счету, на уровне общей проблемы эти тонкости выглядят, возможно, как небольшая погрешность, но все же следует говорить о том, что ритм и скорость времени с точки зрения их измерений, с точки зрения построения соответствующей теории изменений, Ю. Лотмана интересовали, в большей степени, нежели рассмотрение подобных проблем внутри опыта человека, внутри его субъективного времени. Но можно сказать, что и В. Попов, в большей степени, все же динамический характер реальности пытался рассмотреть с помощью логических окрестностных семантик и именно проблемы интенсивности и темпа времени, он, в какой-то мере, подгонял под те работы, которые он проводил, хотя можно сказать, что достаточно четко это делал.

Отметим, что данные ученые, хотя и в разной мере, поставив проблему меры и интенсивности как предмет определенного исследования, все же уходили в несколько другие сферы собственных рассуждений, а скорость или темп внутреннего времени, его сегменты, сферы, находились больше вне их.

Но те наработки, которые можно отметить у данных двух ученых, тем не менее породили интерес к их дальнейшему развитию, и главным образом, что касается социального времени, то те проблемы, которые были связаны с его интенсивностью, конечно, предполагали и другие моменты изучения и в более широком аспекте, то есть можно утверждать о наличии характеристик, которые могут рассматриваться как некоторые производные от плотности, скорости, ритма и темпа времени, и это достаточно интересная проблема, которая будет весьма важна с точки зрения наполненности социального времени, так как практически ставятся приоритеты в рамках исследования социальной действительности с ее социальными трансформациями, с ее стабильными и нестабильными периодами, так как, в данном случае, диалектика субъективного и объективного во всяком случае оказывается на стороне объективированных вариантов, так как, безусловно, в рамках реальной действительности, наполненность внутреннего социального времени имеет очень важное значение для рассмотрения того комплекса событий, которые в нем находятся, и, соответственно, подобная процедура предполагает дальнейшую индексацию времени.

В этой ситуации, в рамках некоторой картины действительности, примем динамическую картину с отражением на первый план трансформирующегося социума, и потом уже на нем будут фиксироваться некоторые моменты, коррелирующие между индексом социального времени и комплексами социальных событий.

Конечно, вполне естественным, выглядит дискурс относительно локальных комплексов событий, относительно которых социальный субъект имеет представление, либо они зафиксированы в философских источниках. Если же касаться прошлого времени и, возможно, отдаленного, то в подобном случае включается человеческая память, и совместно с ней свое значение совместно, относительно наполненности трансформирующегося социума со всеми его коллизиями и позитивами, будут социальные события, отраженные в альтернативности сценариев будущего. При этом нельзя забывать, что в

подобной ситуации можно говорить еще об одном темпоральном фрагменте, касающемся будущего времени, так как в этом случае правомерно рассуждать о выражении субъекта, о способности социального субъекта на интенциональность, на построение сценариев будущего времени, что вызовет желание обозначить приоритетно-адекватные сценарии развития историко-социального процесса в русле разных вариантов развития будущего времени.

Поэтому, вопросы, связанные с ритмом и темпом, в этой связи приобретают значительную роль, так как ясно, что интенсивность настоящего будет являться той интенсивностью, по которой будут определяться все те сферы, связанные с различными процессами. Также можно сказать и о том, что интерпретатор может строить определенные сценарии интенсивности или темпа трансформаций комплекса социальных событий, которые существуют в настоящем и которые будут иметь продолжение в будущем. Однако в этом случае социальный субъект может вести дискурс о том, что имеется ряд комплектов событий, которые при некоторых социальных условиях так и не обрели динамического характера. Между тем, имеются различные сценарии и альтернативы преобразований, трансформаций, развития относительного будущего, в русле которых они обретут некоторый ритм и темп, и разные фрагменты сценариев будущего будут изучаться с точки зрения наполненности подобными комплексами событий, как относительно настоящего, так и в корреляции с реконструированным прошлым.

Нельзя не отметить, что некоторые ученые могут быть и не ставят каких-то глобальных проблем относительно темпа интенсивности социального времени, однако обозначили весьма интересное поле исследований в данном направлении. Подобные моменты, связанные с интенсивностью, темпом, плотностью, скоростью социального времени, коррелируют с другими темпоральными структурами таким образом, что такая корреляция имеет место как в отношении такой структуры, так и относительно ее производных и базисных характеристик. Нельзя не отметить и то, что если внутреннее время с позиции его темпа и интенсивности, каким-то образом касается локального

сегмента трансформирующегося социума, то такой сегмент, связанный с социальным временем получает прикладное событие, например, касающееся физиологических особенностей человека и психологических его особенностей или других, всего того, что связано с переживанием внутреннего социального времени. Еще раз подчеркнем, что проблемы, связанные с темпом, интенсивностью, ритмом, скоростью социального времени, конечно, требуют развития и предполагают достаточно объемный и разносторонний труд, который возможно вовлечет в себя целый ряд исследований.

Как определенный итог тому, что говорилось в последних страницах этого рассуждения можно в итоге сказать: различные моменты понимания индивидуально социального времени, конечно, не могут быть каким-то основанием и тем более базисом для конструирования динамической системы мира, так как подобная система развивается, безусловно, не только в рамках философского исследования. Но в данном случае имеем ввиду то, что такие науки как история и социология также решают вопросы относительно таких проблем, связанных с индивидуальным и социальным временем, и при этом нужно обратить внимание, что футурологические объекты социологии, конечно, отличаются от фундаментальных и методологических подходов философии. Если, в данном случае, социальный субъект- это философ, то, конечно, в подобном случае, он будет апеллировать к данному времени с позиции тех структур, которые уже апробировал и которые уже являются моментно-интервальной структурой. Действительно, очень интересной и важной структурой, методологически значимой структурой определены и имеют целый ряд тех характеристик, которые необходимы для отображения трансформирующегося социума в целом, так и для отображения социальных катаклизмов, трансформаций, идентичности и так далее, всего того, что, фактически, является отражением в субъективном опыте социального субъекта, и в том его переживании, которое происходит с его точки зрения соприкосновения с этой действительностью. Автор, конечно, не хочет ставить какие-то серьезные разграничения, в данном случае, между тем, будет

исследовать историю и социологию, например, в рамках динамических категорий, в рамках основных характеристик темпоральности, например, характеристики подинтервальности, которая важна как с точки зрения соотнесения уровней социального бытия, так и с точки зрения фиксации уровней феноменологических обрывов в переходных ситуациях, которые имеют место в обществе.

Однако при этом, автор вынужден говорить о том, что вряд ли, исследуя социальные события с точки зрения истории и социологии, социальный субъект будет выходить на какие-то факты, которые имеют фундаментальный или методологический характер. С этой точки зрения некоторые ученые достаточно плотно ухватились за понятие «собственного времени», что в своих мнениях должно разрешить все возникающие противоречие между плотностью и интенсивностью времени, социологических, исторических и философских проблем. В этом случае так поясним данную позицию: прежде всего, отметим, что если исследовать порядок в рамках определенных аналогий и на них рассматривать «стрелу времени», то, естественно, что подобные вопросы как ритм, скорость и интенсивность, с методологической точки зрения будут основываться на интервальной концепции. Это связано с тем, чтобы имеющиеся сегменты были так или иначе связаны с каким-то длительным интервалом или, по крайней мере, имели связь с общим интервалом времени как некоторый подинтервал.

С другой стороны, достаточно целесообразно отстаивать позицию, связанную с тем, чтобы рассматривать интенсивность не с позиции «стрелы времени», а с позиций существования социального субъекта в некоторой последовательности исторических или социальных явлений, процессов, фактов, то есть, в данном случае, определенный реверанс создается социологией истории. В этом случае вопросы плотности и интенсивности индивидуального времени, переходят в другую плоскость, а именно в ту, что касается не столько философских моментов, сколько историографии и

историософии, все же вообще речь может идти о рассмотрении каких-то социологических прикладных исследований.

В- третьих, изучая корреляцию социального времени с точки зрения теории собственного времени, целесообразно отметить, что в русле различных теорий «собственного времени» явления и факты распределяются с точки зрения разного комплекса исторических и социальных событий не касаясь не только их оценок, но и тех темпоральных индексов, которые, так или иначе, отвечают за темпоральную хронологию.

Подобная точка зрения, конечно, важна и, на наш взгляд, вполне имеет право на существование. Так как практика показывает, что подобная точка зрения, конечно, интересна, так как показывает, что к ней ведут исследовательские аспекты с акцентом на время и сценарии альтернативности с точки зрения рассмотрения комплекса социальных событий с набором их основных черт, характеристик, параметров, которые будут иметь приоритет относительно вопросов оценки его темпоральности. В- четвертых, заметим, что некоторые исследователи вопросов трансформации социального времени, само это время, в какой-то мере, отодвигают на второй план, а оценочные аспекты выходят на первый. По нашему мнению, такое разделение реально вероятно, так как в этих ситуациях социальные субъекты хотят дистанцироваться от индексации альтернативности социального времени, и на ведущие позиции выдвигают рассмотрение комплексов наиболее значимых событий. Эти комплексы группируются и в дальнейшем проводится рассмотрение таких групп в отношении их будущей систематизации, превращения принципиально нового сознания. Конечно, такой вариант концепции собственного времени можем тоже принять, но в этой ситуации, по нашему мнению, такие исследования, в определенной степени, направлены на герменевтические и феноменологические направления в русле философских исследований.

Поэтому, когда идет рассмотрение внутреннего времени, времени социального с точки зрения самого интерпретатора в русле первого уровня, то

необходимо предвидеть, что та же подинтервальность или длительность социального времени с точки зрения Ф.Броделя или М.Барга неоднозначно применимы к интенсивности времени, в котором проживает человек. Проблема заключается в том, что реально жизнь есть некоторая длительность, но это такая длительность, которая имеет особенность насыщенности событий, и если философ говорит о том, что способность социального индивида как-то повлияет на собственную интенсивность жизни, то это дает возможность говорить о том, что различные социальные субъекты за различные периоды собственной жизни могли совершить совершенно разные вещи, то есть можно найти примеры, когда социальный субъект за весьма краткий объект своей собственной жизни в рамках деятельностного подхода произвел больше другого, который, допустим, жил в три раза больше его. Но, на наш взгляд, эти проблемы нужно уже поднимать в рамках анализа физиологического и биологического времени с выходом на социального субъекта с точки зрения его не только внутреннего опыта, но и локальных характеристик.

Третий уровень социального времени касается того, что интерпретатор, как социальный субъект, как индивид, находящийся в рамках системы отношений с другими людьми, имеющий свою собственную историю, сопоставляющий свое собственное социальное время с другими временами, например, с социологическим и историческим, тем не менее постоянно трансформируется. В этой связи четвертый уровень связан с тем, каким образом лучше преподнести само будущее человечества, каковы перспективы и сценарии его, существуют ли у человека альтернативы развития в рамках социального времени с точки зрения их уникальности и индивидуальности. Подобная ситуация связана с переходом от оценки к общей проблеме, к оценке в рамках футурологии. В этой связи также правомерно обратить внимание на различные теории построения тенденций, альтернатив, сценариев социального развития человечества, учитывая второй уровень и самого индивида в рамках уровня первого. Заметим при этом, что в русле данного уровня внутреннего социального времени приоритетное значение заключается

не в простом декларировании сценариев будущего, а в поисках тех парадигмальных или концептуальных основ, дающих возможности вести дискурс о том, что социальное время имеет уровень, который соотносится с альтернативами будущего времени.

Рассуждение идет о том, что указанное для настоящего все же имеет условные границы, например, правую границу, и эту правую границу можно представлять как некоторый переход в будущее время и в подобном смысле исследовать время с точки зрения его трансформаций вместе с индивидом, с обществом в рамках трансформирующегося социума, который, естественно, включает в себя трансформации, тенденции, возможности, случайности и противоречия. То есть, таким образом, движение в будущее, рассмотрение подобного сегмента с точки зрения внутреннего опыта человека позволяет говорить о том, что адекватные сценарии будущего, которые должны быть построены на основе нормального социально-семантического аппарата, которые он выработает, должны, естественно, должны проходить через его внутренний опыт, через его внутреннее субъективное время, когда он переживает, проживает настоящее и пытается пережить ближайшее будущее—это начало футурологии.

Отметим, что изучение проблемы, связанной с длящимся настоящим временем подразумевает наличие некоторых специальных исследований, касающихся этого концепта. Дело в том, что он нужен для того концептуально-семантического аппарата, который будет задействован при исследовании и изучении субъективного времени. Исследование семантической стороны длящегося настоящего представляется достаточно сложным, но и достаточно интересным направлением в рамках социально-философских исследований. Кстати обратим внимание на тот факт, насколько известно автору в научной литературе по социальной философии и по философии, а также по истории, социологии, антропологии и ряду других наук, этот феномен не исследовался в систематической форме.

Четвертый уровень субъективного социального времени касается понимания и корреляции между историческим и социальным временем. И если посмотреть на современную отечественную литературу, то исследования в данном направлении проводились в недостаточной степени. Более того, сам предмет исследования, в общем-то, не очень интересовал специалистов в области как философии, так и истории, и сами исследования уходили в направлении изучения исторического времени или социального времени. Саму диалектику исторического и социального времени в семантической форме никто до конца и не представил.

Обратим внимание, что подобная проблема является достаточно интересной, так как в имеющихся в отечественной и зарубежной литературе исследованиях достаточно часто речь идет не о социальном и историческом времени, а об социально-историческом времени, поэтому, в данном случае, хотелось бы, конечно, понять сущность данного феномена. Тем более, что исследование как социального и исторического времени по отдельности, также нашли отражение и в отечественных, и в зарубежных исследованиях. Отметим, что дискурс идет не о выявлении категориальных или парадигмальных различий по отношению к концептам социального и исторического времени. Просмотрев целый ряд работ, посвященных данной проблематике, автор пришел к выводу, что обычно приоритет отдается тому, что выступает предметом локального исследования в конкретной работе.

Поэтому заметим, что, когда рассуждение связано с рядом проблем, касающихся истории философии, то ученые, в большинстве случаев, отдают предпочтение понятию исторического времени, которое, по их мнению, должно включать в себя множество характеристик и эти характеристики так или иначе относятся к времени социальному. На наш взгляд, это еще одна ошибка тех исследователей, которые занимаются соотношением социального и исторического времени. Ведь в принципе в работе отечественных исследователей и зарубежных показано, что в рамках времени с учетом его исторической направленности и направленности социальной наблюдаются

определенные векторы набора основных и базовых характеристик, связанных с параметром времени.

Причем эти характеристики имеют достаточную весомость, так как создают некоторый базис, на основе которого можно говорить не только о применении того или иного набора темпоральных характеристик по отношению к изучению конкретного исторического или социального фрагмента, но и говорить о том, что исследователь может перебирать такой набор, может выбирать массу характеристик и использовать их по назначению. Это момент пока остается в стороне от многих отечественных мыслителей, хотя целый ряд из них, например, А.М. Анисов, А.С. Карпенко, В.В. Попов и другие, достаточно четко обозначили в своих работах подобные характеристики.

Более того, В.В. Попов в рассмотрении моментной концепции времени обозначил не только ее основные характеристики, но и характеристики интервальной концепции. Причем в дальнейшем этот автор вышел на совмещенную структуру интервально-моментной структуры времени и появился новый набор характеристик. Заметим, что В.В. Попов, обращаясь к наследию ряда западных авторов, работающих в русле характеристик времени, необходимых для описания тех или иных фрагментов процесса, обратился, например, к таким ученым, как Хэмблин, Берджесс, Хамберстон, и он не только проанализировал их концепции интервального и моментного времени, но и показал, как конкретно в проанализированных концепциях улучшить с точки зрения их применения в рамках того или иного социально-гуманитарного исследования.

Явно, неоднозначной выглядит позиция тех исследователей, которые в рамках работы в экономике и социологии допускают понятие социального и субъективного времени и в тех случаях, когда дискурс идет непосредственно о социологических вопросах, например, касающихся формирования социальных групп или же истории развития человечества. Если же исследования проводятся в рамках экономики, то, естественно, дискурс пойдет о

проблематике, касающейся отношения исторических и экономических вопросов.

В подобном случае, субъективное социальное время можно понимать таким образом, что оно используется с позиции той конкретной науки, для которой оно в данный момент необходимо. Поэтому подчеркнем, что данный уровень субъективного социального времени является уровнем нахождения соотношения между социальным и историческим временем. Подчеркнем, что если исследователь желает реконструировать и в дальнейшем интерпретировать и понять настоящее, он не сможет это сделать, не интерпретировав настоящее. Однако, обращаясь к настоящему времени, нельзя исключить весь спектр вопросов прошлого времени и те вопросы, которые необходимо связывать с временем историческим. На наш взгляд, это является бессмысленным шагом в исследовании. Отметим, что этот уровень исследования субъективного социального времени подразумевает нахождение некоторого концептуально-семантического аппарата, позволяющего в русле определенной системы интерпретировать не только корреляцию между социальным и историческим временем, но и определить те акценты и основные характеристики, которые могут быть отнесены как к одному, так и к другому виду деятельности.

В данном случае, следует рассуждать и о более общих проблемах, которые определяют то общее, тот набор черт, параметров и характеристик, которые непосредственно определяются в рамках социального и исторического времени. Дело в том, что в самой реальности социально-историческое время относится, в принципе, к одному и тому же объекту рассмотрения, разница во многом заключается в том, что подобный объект имеет различные длительности по времени и в данном случае очень важна дискретная характеристика времени, которая позволяет говорить о процессуальном характере действительности, в котором идет непрерывный исторический процесс.

Если данную проблему перенести в более широкий контекст, то имеем дело с определенным пониманием фундаментальных исторических вопросов, связанных с историей и философией в соотнесении с конкретным социально-философским исследованием. Причем в таком случае, когда подобная корреляция касается уровня конкретного вопроса, например, социального субъективного времени, то следует категории не только устанавливать с точки зрения из соотнесения, но и обратить внимание на те сегменты, которые необходимы в данных интегральных исследованиях. Конечно, следует в данном случае сказать о тех сегментах прошлого, которые, социальным субъектом постоянно реконструироваться, что будет касаться исторического времени, а также о фрагментах длительности в настоящем, что, с другой стороны, поддержит позицию понимания социального времени. Существует определенная тонкость, которая нередко не оценивается в русле исследования социально-исторического времени. Речь идет о том, что в подобной ситуации соотнесения этих времен необходимо обращать внимание на то, что в русле истории правомерно провести рассуждения о том, что сам уровень развития социума касается исключительно понимания времени. То есть, время оценивалось и интерпретировалось в какой-то мере вне комплекса локальных событий, актов и явлений. Обратим внимание, что Н. Барк четко отметил: «Синонимом времени стала практическая деятельность, ее ритм» [13, С.79]

В этой связи, следует обратить внимание на то, что реально рассматриваем и изучаем историческое время, например, с позиции исторических эпох, необходимо обратить внимание на позицию В.П. Яковлева[168] , который говорил о том, что именно с этого периода человечество начинает осознавать историю как такую, которая имеет длительность во времени, но не в пространстве. Со своей стороны заметим, что подобное заявление все же носит, в некоторой степени, логико-семантический и концептуальный характер, а не категориальный и стратегический. Этот вопрос, связанный с тем, что корреляция социального и исторического времени посредством исторических эпох обязательно приведет

к той ситуации, когда мыслители зафиксировали то, что реальное субъективно-социальное время представляет собой разносторонний, но противоречивый концепт, содержащий как прошлое социума, так и его настоящее.

Обратим внимание на позицию Л. Броделя, который отметил значимость в этой ситуации параметра длительности: «История, - пишет он, - это диалектика длительности. Через нее и благодаря ей она есть учение обо всем социальном и следовательно о прошлом и настоящем, так как прошлое и настоящее неотделимо от будущего»[23, С.104]. В этой связи, в принципе, соглашаясь с ним, можно обратить внимание и на тот факт, что любой исследователь в области исторической науки вряд ли может игнорировать параметры времени, так как сфера его рассмотрения, которая касается реализации конкретных вопросов, безусловно, понимается как своеобразная реконструкция прошлого общества и, естественно, в этом случае нельзя обойтись без фактора времени.

Отметим, что Л. Бродель справедливо обратил внимание на весьма интересную проблему, которая носит прикладной характер в рамках изучения времени. Именно то, что если социально-исторический процесс понимается с точки зрения структурного деления то, безусловно, такое деление нужно понимать, прежде всего, как темпоральное деление, как деление социального времени, как его интервалы.

В этой связи, изучая социальное и историческое время, Бродель утверждал, что если социальное время коррелирует с социальным процессом и происходит интерпретация и оценка процессов во времени, то эта интерпретация представит разделение социального времени на своеобразные интервалы. Поэтому, подобные интервалы достаточно удобно рассматривать в качестве событийной истории. По нашему мнению, данная позиция Броделя выглядит весьма небесспорной, однако тот момент, который хотелось бы занести в актив Броделя, это то, что у него социальные и исторические процессы представляются с точки зрения комплекса событий, но между тем необходимо отметить, что подобные заявления является одним из

существенных моментов, которые рассматривают изучении истории как процессов в рамках корреляции социального и исторического времени.

Философская концепция Броделя, которую он изложил в своих работах, рассматривая те или иные исторические процессы и предлагая различные их интерпретации, в общем-то значимы с различных позиций. Эти позиции касаются того, что Бродель правильно обозначил дискретность исторического процесса, хотя, в данном случае, автор не говорит о том, понимал он или нет те социальные трансформации и социальные нестабильности, которые в них существуют, предполагая существование и роль фактора времени в локальных интервалах. Бродель вышел не только на вопросы длительности, а более точно - диалектики длительности и непрерывности, он поставил вопрос о корреляции интервалов и моментов, длинных и коротких отрезков в структуре самого времени. Конечно, если последователи Броделя будут руководствоваться данными идеями, они могут достигнуть очень интересных результатов в сфере построения разнообразных концепций интервального времени.

Имеется работы, в которых показано, что конструирование времени с точки зрения его структуры в основном определяется с выделением соотношения моментной, интервальной, периодически-интервальной структур времени, а также в случаях расширения теории привлекается периодическая интервальная структура. Конечно, это не отдельные структуры, которые существуют сами по себе и тем более структуры, которые отражают различные аспекты динамической действительности.

Данные структуры взаимно дополняют друг друга, являются взаимосвязанными, они используются при рассмотрении тех или иных моментов исторического процесса, особенно возможно такое сочетание подобных структур в тех моментах, когда исторический процесс претерпевает определенные трансформации, эти трансформации обычно бывают социальными трансформациями и в данных случаях происходит переход с различных уровней социального бытия, когда появляются

феноменологические разрывы, когда социальная транзитивность фактически показывает на то, что у него нет адекватного представления об этом или ином социально-историческом процессе, но подобные структуры, в конечном счете, позволяют исследователю расставить все на свои места и это происходит за счет того, что различные динамические преобразования, которые происходят в обществе, так или иначе связаны с набором динамических понятий и категорий, которые, к сожалению, не имеют единой системы, но, с другой стороны, эти категории известны и ими пользуются еще со времен античности.

Конечно, не совсем понятно, почему данные структуры времени и категории не сведены к какому-то единообразию, с другой стороны, исследователь, преследуя свои конкретные цели, может выстроить определенную достаточно интересную иерархию, которая будет отражать те или иные аспекты развития социальных и исторических процессов и социального развития в целом. В этой связи отечественный философ В.П. Яковлев [168] обращал внимание на весьма интересный вопрос, связанный с тем, что при той ситуации, когда интервальная концепция понимается не буквально, то есть не имеет характеристики подинтервальности, а рассматривается как длительный интервал, то в подобном случае будет существовать выход на рассмотрении исторических эпох и это связано с теми проблемами, например, историческими столетиями, которые рассматривал В.П. Яковлевым.

В тех случаях, когда корреляция социально-исторического времени переводится в некоторый широкий контекст, например, корреляции соотнесения социальной философии и исторических наук, то становится достаточно ясно, что социальный процесс, впрочем как и исторический процесс, изучается как таковые, которые не только имеют место в длительном времени или совершаются в нем, но и с учетом, что они детерминированы некоторыми социальными отношениями. Если эту проблему понимать таким образом, то происходит социальное обогащение за счет определенных других

дисциплин, например, истории, экономики, философии. Рассмотрение вопроса субъективного времени потребует определенных результатов в иных локальных науках, причем подобные результаты имеют вектор экстраполяции на рассматриваемую социальную реальность.

Конечно, время в истории исследуется не только с точки зрения самой исторической науки. На приоритетные роли с мировоззренческих и методологических позиций выходит, конечно, социальная философия. Заметим, что в подобном случае, например, социальная философия будет выдвигать онтологические и гносеологические черты и характеристики времени истории, которые социальный субъект, как исследователь, рассматривает либо локально, либо в корреляции с социальным временем. При этом заметим, что те парадигмальные основания, дающие возможность вести дискурс о том, что увлекается исследованием характера социального времени непосредственно связано с тем, что это время соотносится с различными преобразованиями социума, поэтому история общества будет претерпевать различные социальные трансформации, будет преобразовываться, изменяться, совершенствоваться с учетом субъективного социального времени.

Однако, когда дискурс заходит о некоторых гносеологических моментах, то в русле субъективного социального времени достаточно часто эти гносеологические черты ведут к исследователю через определенные сценарии, которые создавались в локальном времени прошлого. Поэтому возникают достаточно интересные и в какой-то мере противоречивые вопросы относительно того, что когда дискурс проходит относительно того, чтобы подобные сценарии коррелировать с длительным настоящим на комплекс событий, то в других случаях можно спорить о том, с чем их соотнести, потому что проблема исторического в подобных ситуациях может просто отсутствовать, то есть подобную ситуацию необходимо просто учитывать.

Поэтому такие альтернативные сценарии, которые социальный субъект использует и через них проходят проблемы и черты исторического времени правомерно должны касаться реальных комплексов социальных событий,

имеющих разрешение в ддящемся времени или вероятно имеют подобное разрешение в каком-либо времени в прошлом. Однако для этого имеются свои специальные механизмы оценки, которые учитывают как длительность настоящего, так и общий контекст, в рамках которого рассматривается комплекс настоящего времени. Продолжая исследование в данном направлении, следует коснуться того, что когда, действительно, социальный субъект переживает данное историческое время с позиции тех источников, философских текстов, которые он в ддящемся настоящем переживает и проживает, то вполне естественно, что в данном случае весьма интересными становятся проблемы, которые касаются информационной достоверности и того, как исследователь получает эту информацию.

Значит правомерно отметить, что социальный объект, как исследователь, в русле философского рассмотрения проблемы должен изучать вопросы шире в том смысле, что они имеют больший информационный объем, достоверность и целесообразно переносить в различные контексты понимания и интерпретации рассматриваемого источника как с позиции прошлого с учетом его реконструкции, так и с точки зрения ддящегося настоящего.

Поэтому вопросы, связанные с ддящимся историческим временем коррелируют с определенными сегментами трансформирующегося социума. Необходимо отметить, что параметр социального времени зависит не просто от действительного соотнесения подобного социума с различными фрагментами ддящегося настоящего, но и с тем, как подобное настоящее понимается с позиции социально-философской онтологии.

В подобной ситуации отметим, что вопрос, касающийся длительного настоящего, имеет приоритетные позиции, так как приоритет в данной ситуации переходит не просто на процесс понимания и интерпретации трансформирующегося социума, а на сам процесс подобного его соотнесения с комплексом социальных событий и главное заключается в том, каким образом подобное событие интерпретировать: либо с точки зрения тех альтернативных сценариев заложенных в социуме, или с точки зрения того, что социальный

субъект, как интерпретатор, непосредственно касается настоящего, изучает его в качестве реальности, принимает эту реальность и потом в длительном настоящем определяет локальные социальные события.

Значит необходимо отметить, что познающему субъекту, который в этой ситуации представляется, как интерпретатор, необходимо рассматривать различные случаи, которые касаются различных аспектов соотнесенности объективности той информации, которая представлена ему с той информацией, которая заложена в комплексе социальных событий. Это должно происходить с позиции субъективного социального времени, так как именно в рамках субъективного опыта социальный объект может действительно оценить подобную ситуацию, обратить внимание на ту информацию, которая будет не просто ему необходима, но которая будет ему важна именно для дальнейших исследований и это позволит так или иначе рассматривать социальные события через призму того социального пространства, которое субъект, как интерпретатор, социального времени предлагает в данной ситуации.

Конечно, нельзя не отметить, что в этой ситуации на приоритетную роль выходит вопрос корреляции субъективного времени с длительным настоящим, который имеет место в качестве своеобразного индекса настоящего времени. В подобных ситуациях возникает достаточно много неоднозначностей и трудностей, они в определенной степени замыкаются на том, что сам социальный субъект не всегда подготовлен к интерпретации альтернативных сценариев, причем в том направлении, в котором сам же проводит исследование. Поэтому для него становится определенной проблемой интерпретация тех альтернативных трансформаций, которыми наполнены комплексы социальных событий. Поэтому как ни парадоксально, следует обратить внимание на то, что социальный субъект, если он стремится выступить интерпретатором тех или иных альтернативных сценариев с выходом на размышление и осмысление трансформирующегося социума и социального развития вообще, не говоря уже о тех катаклизмах,

трансформациях и нестабильности, которые имеют место в истории, должен быть готов к работе и пониманию таких сценариев, причем эта работа подразумевает, что он обладает достаточно широким кругозором, философской культурой, социальным опытом и, видимо, в данной случае не помешает наличие определенной методики, конкретной работы с научными текстами.

Безусловно, в этом случае, происходит некоторое абстрагирование от того, что социальный субъект непосредственно может осмыслить тот темпоральный порядок, который включен в сеть социальных преобразований с выходом на реальные трансформации социума. Конечно, рассуждение происходит о том, что социальный субъект, выполняющий конкретную локальную деятельность, тем не менее будет рассматриваться с точки зрения того, насколько продуктивно и эффективно он эту деятельность выполняет в определенном интервале времени. Так же, конечно, можно обратить внимание на то, что последнее предложение представляет собой все же достаточно сильную идеализацию. Но, с другой стороны, эта идеализация вполне имеет право на бытийность, так как в рамках различных исследований интерпретатор текстов, то есть социальный субъект, сама его сущность и существование, тем более деятельность, иногда ассоциируется с некоторым темпоральным вакуумом. Реально, в таких случаях, подобного вакуума вообще не существует, если есть желание социального субъекта для выполнения конкретных исследовательских задач. Например, обозначить локальный сегмент в русле трансформирующегося социума, который связан с определенным анализом и в дальнейшем будет подвергаться некоторым интерпретациям. Но как важное отметим, что в этой ситуации ясно, что находить какой-то приоритет относительно динамической действительности в корреляции с тем, что социальное время как индекс постоянно используют в рамках характеристики завершенности, длительности, прерывности и непрерывности, конечно, не имеет смысла.

Но подобный смысл возникает тогда, когда социальный субъект, исследуется не с точки зрения его рассмотрения как коррелируемого с локальным сегментом реальности, а в качестве социального субъекта, выполняющего некоторые функции при изучении альтернативных сценариев трансформирующегося социума. В этой ситуации, естественно, что к вопросу социальное время – историческое время дополняется проблема, связанная с определенными структурами преобразования подобного времени.

Следовательно, социальный субъект, с учетом субъективного опыта должен изучать различные комплексы социальных событий как с позиций интенции, которые связаны с корреляцией подобного комплекса социальных событий, обозначенных сегментом действительности, так и с источниками или текстами, с которыми социальный субъект так или иначе сталкивался в рамках проводимого исследования. В этой связи правомерно отметить, что прагматизм подобного случая, который связан с тем, что если субъект работает с философскими текстами, подразумевая при этом выход комплекса социальных событий, которые подлежат распрямлению в этом тексте, то в подобной ситуации теоретико-познавательный интерес правомерно соотносить как в русле проводимого исследования, так и в русле тех семантических оснований, которые заложены в базисное основание такого исследования.

Подчеркнем, что оценки социального время непосредственно связаны с той точкой зрения, что исследование социальности предполагает обращение к каким-то сценариям, тенденциям, трансформациям. Поэтому проблемы оценки и времени, безусловно, будут соотноситься друг с другом. Субъективное социальное время в таких случаях будет способствовать тому, что социальный субъект, будет выходить на различные аспекты темпоральных структур, которые могут адекватно отражать конкретную информацию. В этом случае интерпретации и фактор оценки будут весьма полезны, так как комплекс социальных событий, который даст информацию о тех или иных контекстах социального процесса в любом случае следует оценить. И

подобная оценка будет проходить в интерпретационной деятельности субъекта по отношению к трансформирующемуся социуму.

§3. Интерпретация трансформирующегося социума и темпоральные структуры

Рассматривая особенности субъективного времени в контексте изучения специфики социального развития необходимо обратиться и говорить о том, что само субъективное время следует понимать не только как аспект одной из основных категорий философии, а дополнить это определенными характеристиками и параметрами и, проще всего, это сделать с помощью применения к субъективному времени определенной темпоральной структуры.

Если речь идет о реализации социального бытия человека, то в, этом случае, видимо, наиболее рационально изучить ступени осознания им своих возможностей в рамках жизнедеятельности и такие ступени осознания на шкале времени удобнее всего связать с моментами времени, тогда, в принципе, картина получается следующая, у нас есть определенная условная «стрела времени», отражающая реализацию социального бытия субъекта и эта «стрела времени» разделена на ряд моментов, относящихся друг к другу в отношении строгого предшествования.

В данном случае подразумеваем целый ряд необходимых абстракций и идеализаций, и прежде всего, естественно, если рассматриваем конечное субъективное время, то можно говорить об условном начале и об условном окончании такого процесса, поэтому можно сказать, что в общем -то ступени осознания человеком своих возможностей идут всю жизнь человека, идут постепенно, иногда возможно ритм и интенсивность меняются, но всегда существуют социальные и исторические возможности деятельности и поступков человека, его выборов и предпочтений.

В этом смысле, относительно каждого момента времени можно говорить что он несет на себе отпечаток того, что в этом моменте существует множество тенденций, альтернатив, предпочтений, в конце концов, в этом моменте существует сама возможность выбора человека тех или иных своих действий в рамках социальных исторических процессов. Конечно, моменты располагаются на шкале времени не хаотично, в целом, в этом случае, вновь применяем интервальную шкалу времени и само время социального бытия человека разделено на интервалы, и в рамках этих интервалов в отношении строгого предшествования следуют моменты с которыми удобнее, чем с интервалами связать какие-то конкретные ступени реализации жизнедеятельности социального субъекта.

Конечно, в этом случае, говорится о единстве времени и поэтому подобное представление отмечает то, что человек постоянно на протяжении своей жизни может иметь различные тенденции, альтернативы, предпочтения по отношению как к социальному развитию в целом, так и к конкретным социальным или историческим процессам, и с каждым моментом, с каждой ступенью этого осознания своей жизнедеятельности происходит приращение человеческих знаний. Подобное представление о реализации социального бытия человека говорит о том, что действительно субъективное время неразрывно связано с темпоральностью, о чем достаточно часто упоминалось в работах Хайдеггера, Шпенглера, Данилевского и ряда других философов, но, в подобном случае, следует говорить о том, что подобная картина является достаточно общим представлением о реализации социального бытия человека, поэтому проведем ее некоторую модернизацию, вновь представим «стрелу времени», на которой выделена точка настоящего, соответственно у нас имеется как сегмент прошлого времени так и сегмент будущего времени.

В этой ситуации достаточно интересным является то, что в рамках подобной картины мира можно произвести подобное соотнесение между теми событиями, которые происходят как в сегментах прошлого, так и будущего на, так скажем, поверхностном уровне социального бытия, так можно

выделить и глубинные социальные изменения субъекта, поэтому, на наш взгляд, саму «стрелу времени» будут формировать интервалы разделенные на моменты времени и эта основная линия «стрелы времени» представляет собой некоторую цепочку интервалов, разделенную на моменты, находящиеся в отношении предшествования, в рамках этих моментов можно говорить о различных версиях реализации социального бытия, но, с другой стороны, помимо этих глубинных уровней существуют и другие уровни, другие события и явления, поэтому правомерно сказать что имеем, как минимум, двухсортную онтологию, то есть в рамках общего процесса и заданной шкалы времени выделяется стрела, на которой зафиксированы интервалы времени, эти интервалы разделяет между собой находящиеся в отношении строгого предшествования моменты, соответственно переход от одного момента, отражающего глубинное бытие человека, к другому моменту проходит в рамках интервала, и соответственно в каждом последующем моменте справедливо говорить о изменении человеческого сознания

С другой стороны, обязательно следует сказать о том, что все эти моменты связаны между собой, в противном случае бессмысленно рассуждать о том, что можно выделить какую-то основную генеральную линию социально-исторического развития, поэтому, в принципе, возможно из сегмента будущего времени, из определенной мерки социального бытия перейти в результате исторической реконструкции к прошлому. При этом, что касается событий, которые существуют в обоих сегментах бытия времени, то эти события тоже могут иметь разные векторы направленности и разную степень существования.

Прежде всего, следует сказать о том, что в ряде событий одно следует за другим, и они так могут следовать через настоящее к будущему, некоторые события заканчиваются к настоящему времени, некоторые проходят через него, некоторые не доходят до него, поэтому для ученого очень важно уметь всегда реконструировать, в той или иной степени, прошлое, так как множество событий остались именно в нем, но эти события сами несли в себе различные

возможности, тенденции, альтернативы, которые иногда следует учитывать и в рамках будущего времени.

Конечно, с точки зрения того что выделяем в рамках «стрелы времени» определенную и центральную ось, это ось настоящего, то, безусловно, от настоящего, прежде всего, идут в будущее возможности, альтернативы, тенденции, перспективы и т.д, то есть говорим о том, что появляются новые формы социального бытия субъекта. В целом на этой схеме можно вполне оценивать как особенности субъективного времени, так и формы социального бытия человека. Это все можно рассматривать в рамках определенной корреляции с социальными и историческими событиями. В данном случае напрашивается рассмотрение специфики структуры субъективного времени. Вновь вернемся к рассмотрению субъективного времени, и, в данном случае, для того, чтобы попытаться соединить в некотором едином поле прошлое и будущее, хотя безусловно отдельно оговорим эту ситуацию как по отношению к прошлому, так и по отношению к будущему, но, тем не менее, не будем выделять сегмент настоящего времени как определенного центра на рассматриваемой темпоральной шкале.

Сразу же обозначим, что различных версиях реализации социального бытия, но, с другой стороны, помимо этих глубинных уровней существуют и другие уровни, другие события и явления, поэтому правомерно сказать что имеем, как минимум, двухсортную онтологию, то есть в рамках общего процесса и заданной шкалы времени выделяется стрела, на которой зафиксированы интервалы времени, эти интервалы разделяет между собой находящиеся в отношении строгого предшествования моменты, соответственно переход от одного момента, отражающего глубинное бытие человека, к другому моменту проходит в рамках интервала, и соответственно в каждом последующем моменте справедливо говорить об изменении человеческого сознания. Появляются характеристики длительности и непрерывности

В этом случае эта характеристика непрерывности будет необходима, так как она решает, как минимум, две проблемы. С одной стороны, говорим о

том, что разделенные на моменты интервалы времени получают отношение строгого предшествования и между ними не существует каких либо феноменологических разрывов о которых говорили Петр Испанский, Гуссерль или Хайдеггер и ряд других философов, с другой стороны, если говорить о том, что рассматриваем субъективное время как рассмотрение сознания человека, как ступени своего социального бытия, то возникает вопрос, какой концептуальный аппарат следует задействовать, ведь имеется целый набор подобных концептов, идущих еще с античной философии, например, состояния, явления, фаза и т.д, проанализировав достаточно широкое количество источников как античности. так и последующей литературы, включая современные источники, автор обратили внимание на то, что фактически один из концептов, а именно концепт стадия, используемый еще Аристотелем, фактически как сущностный концепт в рамках теории, учеными используется достаточно редко, однако в рамках интервальной концепции времени с помощью стадий снимается вопрос о том, что можно фиксировать тот или иной уровень социального бытия или степень реализации социального бытия человека внутри определенного интервала, не обращаясь к моментной структуре или, при необходимости, обращаясь.

Вот это «или» и делает стадию тем основным концептом, который наравне с характеристиками длительности, конечности и непрерывности в рамках интервальной концепции времени составляет то поле субъективного времени, которое рассматриваем. Безусловно, в данном случае, говорим о том, что если отказались от выделения на «стреле времени» точки настоящего времени, то, конечно, следует сделать определенные интенции в отношении будущего, так как оно в любом случае есть, и прошлого, которое также существует, хотя, в данном случае, оно как бы вынесено в рамках нашего представления о структуре субъективного времени и это достаточно значимое решение, так как трудно говорить о субъективном времени в рамках социального развития в сегменте будущего, поэтому, видимо, стоит сказать, что понятие завершенности стрелы субъективного времени и переход к

сегменту будущего дает прежде всего уровень перспектив, именно с этой завершенности структуры начинается уровень перспектив, предпочтений, тенденций, альтернатив, начинается уже другой сценарий, сценарий построения будущей картины мира. Конечно, это предполагает преобразование параметров в рамках их усложнения, с другой стороны, если говорить в этом же контексте о прошлом, то прошлое будет скорее оцениваться, интерпретироваться на оценочном уровне, с учетом того, что, возможно, по-разному реконструировать прошлое, то такая реконструкция предполагает в рамках оценочного уровня обращение к качественным и количественным характеристикам тех или иных событий, с другой стороны, можно говорить о некоторой определенности, об отношениях, о развитии, об изменениях, то есть о том пласте проблем, которые, в принципе, не входят в структуру субъективного времени, но которые предполагают этой структурой.

При этом субъективное время в рамках социального времени с позиции «стрелы времени» и той хронологии, в которой используется интервальная структура позволяет говорить о том, что если «стрелу времени» рассматривать как некоторую последовательность, то возникает целый ряд вопросов относительно того, насколько серьезные и существенные характеристики, в подобном случае, будут затронуты, и не получится ли так, что целый ряд достаточно важных событий, которые могут быть оценены в контексте различных версий социального бытия, останутся в стороне. Использование базовых и производных характеристик интервальной концепции времени дает возможность утверждать о том, что в целом теоретико-выразительные возможности этой концепции позволяют избежать тех проблем о которых говорилось выше, при этом следует учитывать, что во-первых, весьма значимо определить структуру и содержание индивидуального времени с точки зрения основных характеристик, которыми будут выступать прерывность и длительность.

Предлагается определенная корреляция интервалов с различными фрагментами рассмотрения субъективного времени. В рамках обозначенной

«стрелы времени», на которой определены интервалы и моменты, особо следует заострить внимание на таком факте, что характеристика делимости соотносится с различными трансформациями и по своей сути она относится к социальной транзитивности, из чего следует, что вполне возможно в этом случае говорить, что в рамках момента времени можно рассматривать переходные состояния или феноменологические разрывы, впрочем подобная ситуация дает повод для рассуждений относительно того, что в этих феноменологических разрывах правомерно оценивать и интерпретировать различные выводы, которые будут образовывать содержание субъективного времени, такая ситуация, касающаяся реконструкции шкалы времени на интервалы с учетом субъективного времени и фиксации на нем определенных моментов и границ, коррелирующих с феноменологическими разрывами, предполагает качественные и количественные характеристики, относящиеся непосредственно к субъективному времени, в этой ситуации предлагаются параметры, касающиеся рассмотрения концепта А стадия с точки зрения структуры субъективного времени.

В этом смысле рассматривая данную проблему следует обратить внимание на то, что характеристика непрерывности дает возможность элиминировать подобную ситуацию переходных состояний в рамках хронологической последовательности, касающейся субъективного времени, с другой стороны, возможно предположение о том, что в контексте субъективного времени осуществляется корреляция непрерывности, длительности и конечности, что дает возможность социальному субъекту не просто вести дискурс о ряде стадий преобразования осознаний, но и дает возможность ему определять границы такого развития. Постулируем, что субъективный опыт субъекта, то есть опыт, связанный с субъективным временем всегда предполагает некоторое усложнение и обогащение этого опыта.

Подчеркнем, что интервал времени с позиции хронологической последовательности в рамках сознания человека означает некоторое

усложнение подобного сознания, связанное с начальной стадией в рамках общего интервала, и эта стадия реально предполагает начало опыта социального субъекта в рамках общего рассмотрения проблем, связанных с социальным развитием и конкретно с развитием социально-исторических процессов, к этому же можно отнести и характеристику направленности интервальной концепции времени, которая в данном случае будет не просто отражать некоторые базисные параметры и понятия, которые значимы для субъективного времени, но и будет давать возможность этому накопившемуся опыту в рамках осознания человеком своего социального бытия, предполагать различные сценарии развития будущего, то есть человеческое сознание будет направленно, оно будет интенционально и эта интенциональность позволит говорить о сфере и уровне перспектив, которые идут после завершения определения структуры современного мнения с точки зрения социального развития.

Следует отметить и тот факт, что имеется одна достаточно интересная и тонкая проблема, которую следует обозначить, дело в том, что когда рассматриваем структуру субъективного времени и обозначаем в качестве границ начало и завершенность, безусловно, те качественные и количественные характеристики, которые относятся к социальным событиям, могут пониматься по-разному на разных уровнях социального бытия, поэтому, когда уже обращаем внимание на те перемены, которые происходят в человеческом сознании, то следует говорить, что можно по-разному понимать это изменение, это преобразование, это усложнение, в этом случае достаточно интересным вопросом является вопрос относительно того, как субъективное время человека соотносится с некоторыми объективными параметрами.

Проблема действительно существует, но она к этому не сводится, то есть, в данном случае, имеются достаточно двоякое понимание проблемы, связанное с тем, что человеческий опыт относится к тем темпоральным параметрам отражением, которых сам опыт и является, то есть, если говорить о том что задача исследователя связана с тем, чтобы выявить метрические

характеристики темпоральности в рамках конкретной картины субъективного времени, то социальный субъект должен обратиться к действительному времени, с которым коррелируются версии его социального бытия, если же речь идет о чем-то другом или имеется другое понимание ситуации, то следует обратиться к истокам социального познания, диалектике объективного и субъективного познания в рамках основных характеристик темпоральности, подчеркнем, что в этом случае характерным является концепт герменевтического вопроса относительно того, каким образом в этой ситуации можно воспринимать опыт человека.

На наш взгляд, наиболее адекватным и значимым в данном направлении является дискурс о том, каким образом социальный субъект переживает свое время или социальные события в рамках субъективного времени, которое коррелирует с реальным объективным временем, в котором человек находится, впрочем, в данном случае социальный субъект может идти и по другому пути, во всяком случае, если обратиться к подобным проблемам в рамках феноменологии или герменевтики, то следует говорить о том, что упрощение в рамках субъективного времени к человеческому опыту может происходить на фоне восприятия того или иного социального события и его интерпретация во многом будет зависеть от того, когда человек переживающий определенное время, подобные события оценил, интерпретировал, вспомнил и т.д, и в этом смысле выше говорилось о том, что именно, когда человек выходит за определенные границы структуры субъективного времени, то он, например, обращаясь к прошлому, выходит на уровне оценок, и действительно, подобные вопросы нередко возникают при рассмотрении субъективного времени, так как отношение субъективного времени в настоящем и прошлом является достаточно интересной проблемой, она не только интересная, но и важная потому, что в этой ситуации контекст связан с наличием тех или иных процедурных особенностей, позволяющих адекватно реконструировать прошлые события, причем вполне естественно, что диалектика субъективного и объективного работать не будет, так как,

возможно, речь будет идти больше о человеческой памяти в соответствии с его собственным воображением.

Эта позиция во многом связана с феноменологической, антропологической точкой зрения и экзистенциалистами, что же касается социального субъекта, который пытается реконструировать прошлое, сочетать сегменты своей собственной структуры времени с реконструкцией сегмента прошлого, то безусловно, на наш взгляд, сам человек в этом случае идентифицирует себя как с прошлым, так и с будущим в различных ипостасях и, безусловно, ипостась прошлого времени может проходить через человеческую память, а может происходить через историко-философские источники.

Посмотрим на эту проблему с другой стороны, когда говорим о том, что человеческое сознание пытается вычленить определенные корреляции между различными своими степенями развития и более глобально можно ставить вопрос о настоящем и прошлом, то, безусловно, действительно серьезный вклад не просто в антропологию субъективного времени, но в субъективное время как то время, которое необходимо для интерпретации оценки понимания сущности социального развития, но, в данном случае, для исследователя в этом контексте немаловажно, как все-таки субъективное время соотносится с теми объективными условиями, с которыми коррелирует человек.

На наш взгляд, для социального субъекта достаточно важно не только то, насколько объективное время в настоящем коррелирует с объективностью, так как эта корреляция может быть так или иначе подправлена или изменена либо преобразована, а и насколько важна проблема с тем, позитивно или негативно социальный субъект относится к реконструкции того прошлого, из которого он подчерпнул определенный опыт для собственного сознания, то есть субъективное время формировалось и таким образом, поэтому, на наш взгляд, этот постулируем, что субъективный опыт субъекта, то есть опыт,

связанный с субъективным временем всегда предполагает некоторое усложнение и обогащение этого опыта.

Данная позиция Лумана интересна с точки зрения того, что, когда речь заходит о реконструкции прошлого зачастую связь человека с самим этим реконструируемым прошлым изучалась в недостаточной степени, Луман же подчеркивает фактически тот факт, что когда человек с тех или иных позиций особенно, если ему необходимо интерпретировать и оценить те или иные социальные события, которые в процессе изменения в прошлом, обращается к этому прошлому, то он не просто производит некоторые процедуры реконструкции, он сам начинает определенные вживания в это прошлое и как бы пытается его пропустить через себя, как бы войти в это прошлое время и находясь внутри него оценить те или иные проблемы.

Конечно, если вспомнить герменевтику, то ничего особо нового в данном случае не видим, однако данную проблему в социально-философской литературе мало кто поднимал, но вполне ясно, что при таком подходе к реконструкции прошлого и с попыткой человека соотнести свое субъективное время не только с той реальной объективностью, которая существует, но и с субъективностью, которая существовала немаловажны те мировоззренческие аксиологические, гносеологические принципы, которыми руководствуется субъект, так как именно они дадут определенный вектор в обогащении и становлении человеческого опыта.

Кстати, в этом случае, видится значимой еще одна интересная проблема, а именно когда человек реконструирует прошлое, то весьма важно как будет фиксироваться его собственный опыт, потому что в данном случае будут работать две оценки, одна оценка которая связана с теми процедурами, с теми пониманиями объяснениями и интерпретациями, которые возникли в результате обращения к прошлому, но при этом важную роль будет играть субъективное время самого человека как индивидуальности, так как оно тоже в этом случае будет рисовать свои сценарии.

При таком понимании исторических предпосылок субъект реально может выступать в качестве носителя социальных источников или другой информации, которая характерна для реконструированной им социальной реальности. С другой стороны, тоже немаловажным фактором является то, что в подобном случае сам социальный субъект будет выступать в качестве трансляции некоторого социального знания, которое будет получено в результате реконструкции прошлого с учетом субъективного времени человека и его корреляцией с реальной объективностью.

В тех случаях, когда социальный субъект в рамках изучения субъективного времени обращается к интервальным структурам с целью наиболее адекватного представления субъективности вообще и субъективного времени, то предполагается ряд проблем, которые так или иначе могут иметь определенный вклад в гносеологические и онтологические моменты, связанные с сущностными характеристиками субъективного времени в рамках социального развития, становления социальных и исторических процессов. Отметим, что когда интервальная моментная структура используется как та, которая находится в базисе переживания человеком субъективного времени, то в данной ситуации время будет связываться непосредственно с процессами.

В этом случае можно сказать, что сама темпоральность имплицитно будет содержаться в тех дискурсах, в которых речь идет о конкретных или общих процессах в социальном развитии или социально-исторических процессах и т.д, между тем, в тех случаях, когда идет дискурс об интервальных структурах, коррелирующих с объективным временем, то соответствующие концепции неизбежно ведут к определенной динамической системе понятий, которая и определяет набор ряда параметров, образующих основы интервальных структур. Автор отмечал роль динамических категорий в рассмотрении субъективного времени человека, так как действительно к подобным категориям относятся такие понятия как: преобразования, изменения, движения, исчезновение, становление и т.д., но более важно, что такие категории имеют непосредственное отношение к понятию сущностных

особенностей субъективного времени, так как достаточно затруднительно представить себе социального субъекта без тех характеристик, которые связаны с динамикой развития, безусловно, сама подобная динамика социального субъекта определяет его субъективное время.

В современной литературе субъективное время нередко отождествляют с индивидуальным временем, конечно, следует сказать о том, что это достаточно близкие понятия, но, с другой стороны, существуют те веские причины, по которым следует эти понятия развести. Во-первых, следует говорить о том, что и субъективное и индивидуальное время естественно определяется рядом категорий и одно и другое определяется динамическими категориями. В этой связи можно сказать, что в рамках субъективного времени, которое является временем социального бытия объекта, субъективность и время сочетаются как два основных параметра социального бытия человека. В индивидуальном времени упор делается больше на индивидуальность, которая воспринимается человеком в рамках того или иного промежутка времени, индивидуальные структуры могут передаваться обоим концепциям времени, но интервальная структура обозначает не только ступени осознание человеком своего собственного социального бытия, но и показывает возможности рассмотрения основной сферы социального бытия с точки зрения их динамики глубинных уровней к поверхности, если же интервальная концепция времени применяется к индивидуальному времени, то рассматриваем процесс становления самой индивидуальности человека, его индивидуального опыта, категория времени отходит на второй план.

Из этого имплицитно следует, что совершенно по-разному воспринимаются те процессы, которые связаны с темпоральными характеристиками, более того набор этих характеристик, естественно, будет производиться по-разному, например, для субъективного времени характеристика непрерывности является одной из приоритетных, в то время как для индивидуального времени эта характеристика отходит на второй план,

так как в данном случае, речь бы шла о нивелировании индивидуальности и соответственно индивидуального времени.

На наш взгляд, в данном направлении весьма адекватно вести дискурс о том, что многоплановые ощущения внутреннего изменения и собственного опыта и определенной изменчивости и будет, в большей степени, составлять основной каркас субъективного времени, в отличии от указанных особенностей времени индивидуального. Вообще нужно сказать что вряд ли стоит говорить о том, что и субъективное время и индивидуальное время следует подвергать какой то идеализации, в противном случае можно говорить о том, что возникает представление о том, что то или иное время можно считать уникальным временем человека, естественно, принимая во внимание различные параметры, характеристики и степени восприятия самого времени. С другой стороны, достаточно серьезный аргумент против идеализированного представления об индивидуальном времени заключается, конечно, в том, что человек - это существо социальное и поэтому, когда дискурс заходит относительно индивидуального времени, то следует представлять ту ситуацию, когда необходимо будет достигнуть ступени восприятия этого времени в некотором идеальном состоянии, что, с нашей точки зрения, вряд ли является доступным.

Подчеркнем, что индивидуальное время следует представлять как реальное время, в котором находится тот или иной субъект в корреляции с иными социальными субъектами по отношению к процессу социального развития, то есть необходимо вести дискурс о том, что намечается новая диалектика не объективного и субъективного в рамках субъективного времени социального субъекта, а диалектика индивидуального и социального в рамках индивидуального времени, безусловно, подобная диалектика уводит проблему в сторону, хотя не отрицаем, что работа в этом направлении, а именно связанном с соотношением субъективного времени и индивидуального времени с возможностями использования интервальной концепции времени и адекватного выражение представлений на хронологической

последовательности, является весьма перспективным вопросом, который требует отдельного обсуждения, в принципе, можно даже говорить о том, что фиксируя определенный интервал индивидуальности, и индивидуального времени социального субъекта, на нем можно определить выделение некоторых аспектов синтеза и различия субъективного и социального времени, что приводит к вопросу о том, что в современной социальной философской литературе существуют различные классификации, связанные с разделением на различные виды времени в корреляции с теми или иными процессами.

Работа в данном направлении, хотя и проделана достаточно серьезные, но окончательных результатов пока что нет, поэтому хотелось отметить позицию Гуссерля, который действительно существенное внимание обратил на соотношение различных типов времени, в частности субъективного и индивидуального времени, Гуссерль реально разделил два понятия: образ длительности и длительность образа и смог соотнести подобное деление с внутренним опытом и соответственно временем человека.

Само субъективное время Гуссерль рассматривал с точки зрения синтеза трех моментов: ретенций, теперь и протенций. Ретенция- это такая точка времени, удерживаемая в человеческом сознании как то явление, которое только что в нем произошло, то есть в понимании Гуссерля как осознание уже некоторого законченного субъективного процесса, касающегося субъективного времени, теперь представляет собой точку определенного настоящего, что касается протенции, то она представляет у Гуссерля некоторую активность, которая дает человеческому сознанию подготовиться к определенному восприятию. Подчеркнем, что представление Гуссерля о сущности субъективного времени касается того, что процесс моделирования объекта во времени формирует единство сознания и несет достаточно многоуровневую структуру, описываемую Гуссерлем как корреляцию различных интервалов времени с общей интенциональностью на общий воспринимаемый объект.

Конечно, можно было более подробно остановиться на взглядах Гуссерля, на его представлениях относительно субъективного, объективного и индивидуального времени, однако это, по мнению автора, будет представлять собой отдельные исследования и возможно в рамках более широко поставленной проблемы, сейчас же, на наш взгляд, относительно понимания представления прошлых и происходящих событий и соотнесение с той реальной действительностью с которой соотносится субъективное время человека в рамках общего процесса социального развития.

В данном случае, весьма уместно было бы рассмотреть некоторые противоречивые представления, которые имели место по отношению к субъективному и индивидуальному времени. В рамках истории философской мысли существовали идеи, которые были направлены на то, что субъективное время необходимо исследовать в специфических аспектах в отличии, например, от объективно-субъективных отношений, что имплицитно привело к тому, что субъективное время было затруднительно воспринимать с точки зрения объективных характеристик, однако данная позиция не выдержала критики и как показано выше, существует диалектика субъективного и объективного, которая этот вопрос сняла, более того заметим, что субъективное время определяется и деятельностью человека и мотивацией к этой деятельности, так как в данной ситуации на приоритетные роли выходит сущность и понятия целесообразности, то такая деятельность будет соотноситься с субъективным временем социального субъекта и когда была выбрана концепция темпоральности для описания субъективного времени и результатом этого выбора стала интервальная концепция, то можно прямо сказать, что в рамках истории философии на подобную проблему были весьма схожие взгляды.

Наша позиция перекликается, в какой-то степени, с позициями феноменологов, философских антропологов и экзистенциалистов. Ряд необходимых моментов Гуссерля автор отметил, с другой стороны, есть позиция Хайдеггера. Те проблемы, которые были подняты выше в рамках

концепции Хайдеггера были, в значительной степени, осмыслены в рамках существования и сущности относительно развития опыта человека, что не дает возможности адекватного представления объективного и субъективного времени, с другой стороны, заметим, автор не ставил своей целью вступать в специальную дискуссию с Гуссерлем, подчеркнем лишь то, что его взгляды на субъективное время во многом перекликаются с нашим представлением, по крайней мере, по принципиальным вопросам. Однако понимание субъективного времени Гуссерля очень тесно связано с идеей темпоральности, которую автор проводит в диссертационном исследовании. Это говорит в пользу того, что наше собственное представление имеет значение как для онтологических проблем социальной философии, так и для общего понимания субъективного времени в рамках различных типологических систем времени в современной и зарубежной литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы и результаты диссертационного исследования представляются как следующие:

Выводы и результаты диссертации:

1. Имеющийся сознательный опыт социального субъекта существует обычно в форме определенного потока событий, осуществляющийся непосредственно в ментальном времени. Подобный поток событий иногда представляется в качестве части, значительно большей совокупности социальных событий, существующих в действительном мире: само содержание рассматриваемого ментального времени представляется социальным субъектом как небольшая часть социальных событий, имеющих место в объективно представляемом времени. Поэтому правомерно утверждать ментальное время и модели исследуемого объективного времени в качестве различных, но близко связанных моментов темпоральной структуры человеческого сознания. В тех случаях, когда социальный субъект воспринимает определенное событие и возникают некоторые образы восприятия, то он переживает само течение времени относительно данного социального события: при этом событие переходит из сегмента будущего в сегмент прошлого через длящееся настоящее. Учитывая дефиницию ментального времени подобное означает, что такое социальное событие будет существовать в некотором ментальном времени. Социальные события, существующие внутри ментального времени, обычно называются темпоральными.

2. Социальное время делится на субъективные и объективные аспекты. Причем субъективное – это модели, отражающие реалии социального времени и выступающие средством внутреннего моделирования переживания времени человеком. Объективное – это действительное время существования социально-исторических процессов, предметно-практической познавательной

деятельности, социальных структур и т.п. Подчеркнем, что темпоральная структура человеческого сознания предполагает две базисные взаимосвязанные и взаимодействующие между собой подструктуры: субъективное время и различные модели реального объективного времени. Субъективное время демонстрирует особую специфическую форму наличия и существования комплекса событий в сознании человека, в относительно которых социальный субъект переживает и проживает само течение времени. При этом модель объективного времени – это, в большей степени, фундаментальная структура человеческого сознания, представляющая объективное время.

3. Если, социальный субъект воспринимает определенное событие или их комплексов, т.е. происходит возникновение образов субъективного восприятия, то человек переживает и проживает течение этого времени относительно локального события: которое переходит из сегмента будущего времени в сегмент прошлого через длящееся настоящее. По определению субъективного времени предполагается, что такое событие присутствует в субъективном времени. Следовательно, подобные события, имеющие место в субъективном времени, получают название темпоральных. Обратим внимание, что не все события человеческого сознания будут темпоральными. К примеру, если социальный субъект имеет представление о событиях, с которыми визуально не знаком, то такие события, конечно, отложатся в сознании, так как человек имеет осознанную информацию относительно них. В человеческом сознании подобные события связываются с определенными интервалами времени, причем объективного, однако так как у социального субъекта не существовала переживания времени относительно таких событий, темпоральными их назвать нельзя. Поэтому, субъективное время представляет форму бытийности событий, имеющих место в человеческом сознании. При этом нетемпоральные комплексы или локальные события, отраженные в модели времени объективного, формируют комплекс

темпоральных событий, в той же степени как она сама определяет контекст субъективного времени.

4. Подчеркнем, что с субъективным временем и моделью времени объективного возможно соотнесены похожие события: такие события или происходят в сфере действия социального субъекта, или подразумеваются опосредованно. Но множество нетемпоральных событий или комплексов событий реально больше, чем событий темпоральных. Заметим, что эта аналогия некорректна в подобном случае. Сходные процессы не являются одновременно существующими в сознании и бессознательными, а комплексы темпоральных событий должны пересекаться со сферой событий, коррелирующей с моделью реально представленного объективного времени.

5. Особенность ментального времени характеризуется, прежде всего, определенной динамической составляющей, и конкретно свойствами, связанными с длительностью, стадиальностью, непрерывностью и дискретностью, направленностью и равномерностью. Совокупность подобных свойств представляют непосредственно феномен реального течения времени — транзита социальных событий из сегмента будущего в сегмент прошлого через настоящее. В соответствии с таким представлением ментального времени, само течение времени будет обусловлено противоречием наличия свойств сегмента настоящего- синхронности и продолжительности. Сегмент настоящего обладает некоторой продолжительностью. Но, содержащиеся в нем ментальные элементы, коррелируют между собой.

Одним из значимых выводов идеи ментального времени становится постулат о субъективности реального течения времени. Как обоснование такого постулата предлагается известный аргумент длящегося настоящего. Например, в психологии действительно экспериментально установлен факт обладания психическим настоящим определенной продолжительностью. Но если продолжительность настоящего представляется фактором, определяющим содержание и сущность объективного течения времени, то в

ином случае — связано с некоторыми особенностями самих мозговых процессов и тогда течение времени субъективно.

Обратим внимание на то, что ментальное время действительно является фактором основополагающего единства сознания. И в частности именно это и определяет непосредственно роль и место времени во внутренней структуре самой субъективной реальности. Иная его значимая функция касается системы существования индивидуальных смыслов и значений. Экзистенциальная значимость собственно времени традиционно представляется одним из основных предметов социально-философских исследований. Поэтому в русле идеи ментального времени определены основные личностные значения и смыслы времени, а также выявлены факторы, влияющие непосредственно на ситуацию, какие именно личностные смыслы реально приобретает для социального субъекта время.

6. Если относительно объективного времени проблема о его бесконечности или конечности или связана непосредственно с реальной природой, то относительно субъективного времени — ситуация касается природы субъекта. Вполне справедливо, что субъективное время должно рассматриваться как нечто конечное, так как человек смертен. При этом возможны и другие точки зрения. Если само субъективное время представляется как цикличное, тогда именно оно и является бесконечным, но не вследствие существующей неограниченной продолжительности, но и в связи с наличием бесконечно повторения подобных социальных событий. В таком виде субъективное время выступает в теории вечного возвращения, которую предложил Ницше. По мнению Хайдеггера, как определенный смысл самого человеческого бытия и выступает временность. Он интерпретировал время в качестве возможного горизонта для любой понятности человеческого бытия и отмечал особую значимость времени как определенного критерия разграничения различных регионов сущего. Для философского познания человеческого бытия необходимо сначала сконструировать фундаментальную онтологию, которая совпадает с экзистенциальным существованием аналитики

присутствия. В качестве присутствия понимается некоторый человек относительно бытию, поэтому человек выступает как сущее. Индивидуальность такого сущего, его существенное отличие от другого сущего заключается в ситуации когда присутствие задается вопросом относительно бытия человека.

7. Наложение темпоральности может рассматриваться совершенно по-разному, в том числе можно говорить о возрастании креативности, например, социального субъекта, но если подойти к проблеме с точки зрения структуры времени в рамках рассмотрения его внутреннего переживания, ввести категории длительности, непрерывности, то тогда, фактически, можно говорить о том, что, таким образом, представляемое время в отношении культуры будет рассматриваться через целое семейство темпоральных длительностей и, прежде всего, на первое место будут выходить темпоральные пунктуации, которые, фактически, будут подпитываться той своеобразной энергией наложения темпоральных полей, которые возникают от сочетания внешнего и внутреннего аспектов самого субъективного.

8. В рамках рассмотрения и анализа трансформирующегося социума, социальный объект безусловно может как произвести выбор той или иной социальной трансформации, с которой он будет в дальнейшем работать, так и сделать определенные предпочтения относительно порядка работы с социальными трансформациями, т.к. в данном случае можно говорить о том, что именно настоящий этап общественного развития переживает ту или иную социальную трансформацию, но имеется вполне конкретные модельные конструкции, которые позволяют исследователю говорить о будущем, говорить о будущих социальных трансформациях, которые в итоге сформируют определенный контур будущего времени. Причем такой подход к социальным трансформациям с учетом теории предпочтений безусловно даст возможность социальному субъекту выбрать наилучшие социальные трансформации, выбрать те наиболее адекватные сценарии будущего, в которых легче избежать противоречий, социальных противоречий, различных

кризисов, различных негативных явлений, которые так или иначе происходили на различных уровнях развития социального бытия.

9. Когда социальный субъект, как интерпретатор, работает с философскими источниками, то понятие внутреннего философского социального времени в данном случае включает в себе определенную диалектику субъективного и объективного, хотя это скорее носит локальный характер. Дело в том, что, работая с конкретным философским текстом, исследователь не только пытается представить те социальные трансформации, которые происходят в рамках социального исторического процесса, но, с другой стороны, представив эти трансформации, он должен пропустить их через собственный опыт, через то субъективное восприятие, через то субъективное время которое ему дано и поэтому на приоритетные позиции выходят его внутренние аксиологические и мировоззренческие установки и в этом случае обозначаются такие задачи и цели, которые возможно не только значимы для данного социального субъекта, именно в усмотрении данного сегмента социальной реальности, но, возможно, они очень важны для него и для социального проектирования и прогнозирования, то есть имеется прямой выход на социальное время рассматриваемое как с субъективных, так и объективных позиций, что приобретает значимость в рамках оценки тех или иных философских или научных источников, причем научная значимость характеризуется тем, что говорим не только о диалектике субъективного и объективного, но и обращаем внимание как на футурологические проблемы.

Диссертационное исследование предполагает интересные и значимые перспективы будущей работы:

1. Изучение проблемы, связанной с делящимся настоящим временем подразумевает наличие некоторых специальных исследований, касающихся этого концепта. Дело в том, что он нужен для того концептуально-семантического аппарата, который будет задействован при исследовании и изучении субъективного времени. Исследование семантической стороны

длящегося настоящего представляется достаточно сложным, но достаточно интересным направлением в рамках социально-философских исследований.

2. Достаточно интересен вопрос, понимания и корреляции между историческим и социальным временем.

3. Возникает интерес, что проблема субъективного времени является достаточно значимой, так как в имеющихся в отечественной и зарубежной литературе исследованиях достаточно часто речь идет не о социальном и историческом времени, а об социально-историческом времени, поэтому в данном случае хотелось бы, конечно, понять сущность данного феномена. Тем более, что исследование как социального и исторического времени по отдельности, также нашли отражение и в отечественных, и в зарубежных исследованиях

4. Рассмотрение вопроса субъективного времени потребует определенных результатов в иных локальных науках, причем подобные результаты имеют вектор экстраполяции на рассматриваемую социальную реальность.

5. Весьма оригинальным и интересным видится исследование вопросов, связанных с длящимся историческим временем, коррелирующим с определенными сегментами историко-социального процесса. Необходимо отметить, что параметр социального времени зависит не просто от действительного соотнесения подобного источника с различными фрагментами длящегося настоящего, но и с тем, как подобное настоящее понимается с позиции социально-философской онтологии

6. Перспективным представляется рассмотрение оценки социального времени, непосредственно связанной с той точкой зрения, что исследование социальности предполагает обращение к каким-то научным или другим философским текстам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни /К.А. Абульханова, Т.Н. Березина.- СПб.: Алтейя, 2001. - 304 с.
2. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонийского /А. Августин - М.: Ренессанс, 1991. - 488 с.
3. Алексина Т.А. Власть Хроноса /Т.А. Алексина. -М.: Наука,1994. - 296 с.
4. Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры. Скорость восприятия и шкалы времени /А.Л. Алюшин, Е.Н. Князева — М. : ЛКИ, 2008. – С. 35-42.
5. Антипов Т.А. Историческое прошлое и пути его познания/ Т.А. Антипов. – Новосибирск: 1978. - 242 с.
6. Антология мировой философии в 4-х томах – М.: «Мысль»,1969 - 1973.
7. Анисов А. М. Темпоральный универсум и его познание /А.М. Анисов— М. : ИФРАН, 2000. – 208 с.
8. Артемов В. А. Социальное время: прикладные и теоретические аспекты исследований / В. А. Артемов. Часть 1. - Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2004. -80 с.
9. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности /Ф. Артог //Неприкосновенный запас. -№.3 -М., 2008.. -С. 13-25.
10. Аристотель. Метафизика /Аристотель. — М. : Мысль, 1978- 1983. – 550 с.
11. Алексина Т.А. Власть Хроноса / Т.А. Алексина. -М.: Мысль,1994. - 296 с.
12. Бадью А. Делез: шум бытия / Бадью А. – М.: Логос-Альтера, 2004. – 184 с.
13. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма / М.А. Барг. - М.: Наука, 1987. -360 с.

14. Бергер П., Лукман. Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
15. Бергсон А. Собр. соч. В 4-х т/ А. Бергсон.- Т.1. -М.:Наука, 1992.
16. Бертильссон М. Второе рождение природы: последствия для категории социальное/ М. Бертильссон.// Социологические исследования. – М.: Наука, 2002. – С.118-127.
17. Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. -М.:Наука, 1990. -175 с.
18. Беркли Д. Сочинения / Д. Беркли — М. : Мысль, 2000. – 560с.
19. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: Хранитель, 2006. – 478 с.
20. Бирюков В.В., Плосконосова В.П, Ополев П. В. Социальные трансформации и модернизация российского общества / В.В Бирюков , В.П. Плосконосова , П.В. Ополев. - Омск: СибАДИ,2013. – 266 с.
21. Божок Н.С. Социологическое содержание понятия «историческая реконструкция»/ Н.С.Божок .Вестник Саратовского государственного университета.№3. Саратов, 2013 –С. 181-185
22. Болдачев А.В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма/ А.В. Болдачев. –М.: Ленанд, 2001. -224 с.
23. Бродель Ф. История и общественные науки: историческая длительность / Ф. Бродель // Философия и методология истории. -М.: Наука, 1977. -С. 115-130.
24. Бурлачук А.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций./ А.Ф. Бурлачук, Е.Ю.Коржова.- М.: Наука, 1998. -288 с.
25. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации/В. В. Василькова. -СПб.: Наука , 1999. – 480 с.

26. Вайдлих В. Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках/В. Вайдлих -М.: Наука, 2005. – 478 с.
27. Вернадский В.И. О логике естествознания. / Вернадский В.И.// Труды по философии естествознания .- М.; Наука, 2000. С. 66—71.
28. Волкова С.Ю. Влияние уровня тревожности на оценку времени. Вопросы сенсорного восприятия. / С.Ю. Волкова –Свердловск: УрГУ, 1987. -с. 140-145.
29. Вебер М. Избранные произведения/ М. Вебер. - М.: Мысль, 1990. - 722 с.
30. Визгин, В.П. Ментальность (менталитет) / В.П. Визгин // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М.: Мысль, 2010. – С. 525-526.
31. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2-х тт. Т. 2. От Канта до Ницше./ В. Виндельбанд. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 512 с.
32. Время, истина, субстанция: от античной рациональности к средневековой: Сб. статей / АН СССР Ин-т философии — Под ред. П. П. Гайденко. М.: ИФАН, 1991. -131 с.
33. фон Вригт Г.Х. Логико-философские исследования/ Г.Х.Вригт -М.: Прогресс, 1986.- 593с.
34. Гарбузов Д.В. Антропологическая концепция времени: афтореф.дис/ Д.В. Гарбузов. –Волгоград:2011. -50с.
35. Гайденко П. П. Философия Фихте и современность/ П.П. Гайденко. — М.: Мысль, 1979. – 262с.
36. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. / П.П. Гайденко — М. : Прогресс-традиция, 2007. – 464 с.
37. Гайслер Г.Г. Модель временных квантов психологической активности/ Г.Г.Гайслер // Психологический журнал. -Т. 15. -№ 6.- 1994, -С. 69 – 79.

38. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель : в 14 т.- Т 4 — М. : Издательство социально-экономической лит, 1959. — 488 с.
39. Гердер И. Идеи к философии истории человечества / И. Гердер. — М.: Наука, 1977. — 704 с.
40. Гидденс Э. Социология/ Э.Гидденс. - М.: Эдиториал УРСС, 1999. - 704 с.
41. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. -М.: Наука, 2004. - 324 с.
42. Голенкова З. Т. Основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества. / З. Т. Голенкова // Вестник РУДН, 2001. -№1 -С. 28-43.
43. Голованова И.А. Время, вечность, моменты / И.А. Голованова // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. — № 5. — 1993. — С. 58.
44. Гайдис В. Время в социологических исследованиях: Методологические и методические проблемы / В. Гайдис. -Вильнюс: Минтис, 1986. — 292 с.
45. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности / Е.И. Головаха , А.А. Кроник. — Киев.: Наукова думка, 1984. — 209 с.
46. Головашина О.В. Социальная память как способ овладения временем/ О.В. Головашина. — Томск: ТГУ, 2015. — С. 92-96.
47. Горбунова М. Ю. Эмоции акторов и социальные трансформации. / М.Ю. Горбунова // Вестник Саратовского университета. -№ 2 —Саратов:2012 С. 148–151.
48. Глазков А.П. Эсхатологическая историософия и ее онто-феноменологическое измерение: Монография / А.П. Глазков. — М.: ИНФРА-М, 2015. — 216 с.
49. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени / А. Грюнбаум — М. : Прогресс, 1969. — 591 с.
50. Гюйо М. Происхождение идеи времени/ М.Гюйо. -Т.1. -СПб.: Издание Товарищества «ЗНАНИЕ», 1899. -С. 19-80.

51. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль : в 3 т. — 1 т. — М. : Гнозис, 1994. — 311с.
52. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии /Э. Гуссерль. -Т. 1. -М.: 2009.- 486с.
53. Данилова Е.Н. Социальные идентификации в трансформирующемся обществе/ Е.Н. Данилова // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. -М.: Флинта, 2005.-С.72-77.
54. Дебор Г. Общество спектакля/ Г. Дебор. —М.: Опустошитель, 2014. -398 с.
55. Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций/ Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности //К. Х. Делкаров.- М.: 2003. — 584 с.
56. Делёз Ж. Бергсонизм / Эмпиризм и субъективность : опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта : учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза.// Ж. Делёз. — М. : ПЕР СЭ, 2001.- 130 с.
57. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. —М.: КомКнига, 2014. — 482 с.
58. Дильтей В. Описательная психология / В. Дильтей. — М.: Алетейя, 1996. -422 с.
59. Дорофеев Д.Ю. Ретроспектива и перспектива в историческом и временном опыте человека/ Д.Ю.Дорофеев // Метафизические исследования.- №2. —СПб: 1997.- С. 129-142.
60. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д.И. Дубровский — М. : Канон+, 2002. — 368 с.
61. Дубровский Д. И. Проблема «другого сознания» / Д.И. Дубровский // Вопросы философии. -№1. —С.14-22.
62. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения / Социологические исследования.// Э. Дюркгейм. № 2. 1991. С. 24-31.

63. Дудник С.И., Солонин Ю.Н. Парадигмы исторического мышления XX века / С.И. Дудник, Ю.Н. Солонин. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. - С.7-18.
64. Ежов О.Н. Онтология социального времени / О.Н.Ежов. -Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2000.- 480 с.
65. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации /Т. И. Заславская. - М.: Дело, 2004. – 400 с.
66. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания/ В.П. Зинченко // Вопросы психологии, 1991. № 2. – С. 22-28.
67. Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» /Р. Зидер. -вып. 1. -THESIS. 1993. С. 163-181.
68. Зиммель Г. Проблема исторического времени/ Г.Зиммель // Философия культуры. -т.1. -М.:Юрист, 1996. С. 517.
69. . Иваненко А.А., Попов В.В. Хронологические особенности переходных периодов в контексте индивидуального времени/ А.А. Иваненко, В.В. Попов // Философия права.- № 3. –Таганрог: ТГПИ, 2009. С. 103-106.
70. Ильенков Э.В. Философия и культура / Э.В.Ильенков. -М.: Издательство политической литературы, 2010. -808 с.
71. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура/ М. Кастельс. –М.: ГУ – ВШЭ, 2000. – 496 с.
72. Канке В.А. Формы времени/В.А.Канке. –Томск: Либроком ,1984.- 267с.
73. Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени жизни/ В.И. Ковалев // Гуманистические проблемы психологической теории. - М.: Наука, 1995. -С. 179-185.
74. Кант И. Критика чистого разума /И. Кант — М. : Наука, 1999 .- 655 с.
75. Кант И. Сочинения в 6-и т / И. Кант. -Т.1-3. -М., 1964-1966.

76. Карпенко А.С. Фатализм и случайность будущего: логический анализ/А.С. Карпенко. -М.: ИФ АН СССР, 1990. -200 с.
77. Карпицкий Н.Н. Трансцендентальное предчувствие как феномен человеческой субъективности: дис....канд.филос.наук./ Н.Н.Карпицкий. – Томск, 2004. – 295с.
78. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор — М. : Культурная революция, 2010. – 488 с.
79. Кьеркегор С. Повторение. Несчастнейший. Сборник сочинений / С. Кьеркегор. –М.: Культурная революция,2007. – С.29-103.
80. Кьеркегор С. Избранные произведения / С. Кьеркегор. -СПб.: 1995.- 300 с.
81. Куценко В.В. Парадоксальная темпоральность С.Кьеркегора/ В.В.Куценко.// Молодой ученый. -№8.-М.: РАЕ, 2013. – С.495-499.
82. Ламажаа, Ч. К. Социальная трансформация. / Ч.К. Ламажаа //Знание. Понимание. Умение. -№1. –М.: 2011. -С. 262–264.
83. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. / Н.И. Лапин. - М.: ИФРАН, 2000. -238 с.
84. Лисенкова В.П. Об особенностях отражения времени человеком./ В.П.Лисенкова // Психологический журнал. 1981. -№ 1. т.2. - С. 113-119.
85. Левинас Э. Время и другой / Э.Левинас — СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.
86. Леви – Стросс К. Структурная антропология. / К. Леви – Стросс. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 396 с.
87. Лейбниц Г.В. Переписка с Кларком / Г.В. Лейбниц. Сочинения: в 4-х томах. - том 1. -М.: 1982-1984. - 441 с.
88. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров/Ю.М. Лотман. -М.: Наука, 1996. -312 с.
89. Луман Н. Мировое время и история систем /Н.Луман. -№ 5. – Москва: Логос, 2004. -С. 131 – 157.

90. Лупандин В. И., Сурнина О. Е. Субъективные шкалы пространства и времени / В.И. Лупандин, О.Е. Сурнина. - Свердловск: Урал. Ун-т, 1991. — 123 с.
91. Марк Аврелий. Размышления. Эпиктет. В чем наше благо? / Аврелий Марк. — М. : Рипол Классик, 2016. – 416 с.
92. Маркс К. Капитал/К. Маркс. -М.: Мысль, 1983. -805 с.
93. Маковельский А.О. Досократики: доэлеатовский и элеатовский периоды/ А.О. Маковельский- Минск: Харвест, 1999- 254 с.
94. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. — СПб. : Наука, 1999. – 608 с.
95. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р.Мертон.- М.: АСТ Москва хранитель, 2006. -873 с.
96. Михальский А.В. Психология времени (хронопсихология) / А.В. Михальский. – Москва: МПГУ, 2016. – 72 с.
97. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии / В. Молчанов. — М. : Высшая школа, 1988. – 144 с.
98. Молчанов В.И. Априорное познание в феноменологии Гуссерля / В.И. Молчанов // Вопросы философии. -1978. -№ 10 - С. 146—152.
99. Муравьев В. Н. Овладение временем / В.Н. Муравьев — М. : РОССПЭН, 1998. – 320 с.
100. Музыка О.А., Попов В.В., Жданова В.И. Философские основания индивидуального и психологического/О.А. Музыка, В.В. Попов, В.И.Жданова. Таганрог: ТГПИ, 2011.-144с.
101. Наумова Н. Ф. Время человека/ Н.Ф. Наумова / Социологический журнал. — №. 3. - 1997. -С. 159—176.
102. Нестик Т.А. Социальное конструирование времени/ Т.А. Нестик. Социологические исследования. –М.: Наука, 2003. – С.12-21.
103. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. - М.: Наука, 1998. - 270 с.

104. Пенроуз Р. Структура пространства – времени / Р. Пенроуз. –М.: Мир, 1972. -521 с.
105. Пилипенко Е.А. Время в философии М. Хайдеггера: субъективация объективного./ Е.А. Пилипенко// Вестник Волгоградского гос. Университета. Сер 7.Философия. –Волгоград: ВГУ, 2015. – С.62-69.
106. Платон. Избранные диалоги / Платон. — М. : Рипол Классик, 2002. -960 с.
107. Попова И. М. Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени/ И.М. Попова // Социологические исследования. -№. 10. -1999. -С. 135–145.
108. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта / В.В.Попов, О.А.Музыка // Международный журнал экспериментального образования. – М.: РАЕ, 2015. – С.40-43.
109. Попов В.В., Музыка О.А. Социальное бытие: субъективность и темпоральность / В.В.Попов, О.А.Музыка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – М.: РАЕ, 2015. № 4-1. – С. 172-174.
110. Попов В.В. Интервальная концепция времени /В.В. Попов//Логико-философские исследования. -М.:МГУ, 1989. -С.120-127.
111. Попов В.В., Музыка.О.А., Максименко Л.В. Концептуальные аспекты социальной динамики в контексте интервальной концепции времени / В.В.Попов, О.А.Музыка, Л.В. Максименко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.- № 2-1. –М.: РАЕ, 2017. – С.130-133.
112. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Роль темпоральности в социальном процессе/ В.В.Попов, О.А.Музыка, В.А.Тимофеев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - № 5-2. –М.: РАЕ, 2017. - С. 378-381.

113. Попов В.В., Дзюба Л.М. Социальные события, переходные периоды и фактор темпоральности/ В.В.Попов, Л.М.Дзюба // Общество: философия, история, культура. - № 5. –М.: РАЕ, 2017. -С. 14-16.
114. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Особенности интерпретации прошлого времени в контексте теории процессов/ В.В.Попов, О.А.Музыка, С.И.Максимова // Международный научно-исследовательский журнал.- № 5-1 (59). –М.: МГЮА,2017. -С. 175-178.
115. Попов В.В., Дзюба Л.М. Фактор настоящего времени в конструировании будущего/ В.В.Попов, Л.М.Дзюба // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.- Т. 6. № 1А. – Ногинск: Аналитика Родис, 2017. - С. 186-193.
116. Попов В.В., Музыка О.А. Социальное бытие: субъективность и темпоральность/ В.В.Попов, О.А.Музыка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - № 4-1. – М.:РАЕ, 2015. - С. 172-174.
117. Попов В.В. К Вопросу о социальном времени/ В.В.Попов / Роль науки в развитии общества. –София: Бял ГРАД-БГ ,2014. -С. 34.
118. Попов В.В. Социальное время в постнеклассическом дискурсе/ В.В.Попов //Роль науки в развитии общества. –София: Бял ГРАД-БГ, 2014. -С. 32.
119. Попов В.В. Специфика структуры социального времени/ В.В.Попов //роль науки в развитии общества. -София: Бял ГРАД-БГ, 2014. -С. 33.
120. Попов В.В., Степанищев С.А. Индивидуальное время социального субъекта в контексте переходных периодов интервальной концепции времени/ В.В. Попов, С.А. Степанищев // Философия права. № 3. – Таганрог: ТГПИ, 2009. - С. 94-98.
121. Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин. Вопросы философии. –М.: Наука,1991. – С.46-52.

122. Ральникова И. А. Субъективное переживание времени личностью как предмет научного психологического исследования / И.А. Ральникова. Хрестоматия по исследованиям времени в психологии. Т. 1. - М.: Lennex Corp, 2012.- С 15-21.
123. Руткевич М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества/ М. Н. Руткевич// Социс. – № 12. –М.: 2004.. – С. 41-45.
124. Рябушкина Т.М. Временность и причинность в контексте проблемы оснований сознательного опыта / Т.М. Рябушкина. Научный ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. - Т. 16. -2016. –С 24-40.
125. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время/И.М. Савельева, А.В. Полетаев.- М.: 1997. -790 с.
126. Сартр Ж. -П. Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. — М. : АСТ, 2009. – 925 с.
127. Сергейчик Е. М. Философия истории/ Е. М. Сергейчик. -СПб.: 2002. – 490с.
128. Сивиринов Б. С. Социальное время и перспектива: Феноменология, функции, модусы/ Б.С. Сивиринов.- Новосибирск: Наука, 2000. — 72 с.
129. Савельева И.М. Модели времени в исторических исследованиях/ И.М. Савельева // Время в координатах истории.– М., 2008 –С. 10–14.
130. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества/ Н.М. Смирнова. –М.: Канон+,РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.
131. Соколова Л.Ю. Трансцендентальная тема в феноменологии М. Анри и Э. Левинаса /Л.Ю. Соколова. Эмманюэль Левинас// Путь к Другому. - СПб.: СПбГУ., 2006. – С. 39-49.
132. Сикевич З.В. Расколотое сознание / З.В. Сикевич. –СПб.: СПбГУ, 1996. – 362 с.
133. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество./П. Сорокин. –М.: Издательство политической литературы, 1992. -466 с.
134. Степин В.С. Теоретическое знание /В.С. Степин -М.: 2000. -744 с.

135. Серенкова В.Ф. Исследование проблем психологии времени. Методологические и теоретические проблемы современной психологии./ В.Ф. Серенкова - М., 1988. -С. 89-99.
136. Стрельченко В. И., Бун М. З. Переходные периоды в историческом процессе/ В. И. Стрельченко, М. З. Бун// Философия права. -№4 (59). – Ростов-на-Дону: 2013. -С. 35-36.
137. Спенсер Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. -№4 (59). -М.: Наука, 1997. - 513с.
138. Суворов Н.Н. Флуктуации времени: темпоральность субъективного общества / Н.Н.Суворов. Вестник СПбГУКИ. 2015. №4. (25). - С 35-40.
139. Сучкова Г.Г. Время как проблема гносеологии / Г.Г. Сучкова. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1988. –166 с.
140. Тойнби А. Постижение истории /А. Тойнби. -М.: Наука, 1991. -688 с.
141. Тойнби А. Дж. Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций / А.Тойнби -М.:АСТ, 2009. 670 с.
142. Трельч Э. Историзм и его проблемы /Э. Трельч. -М.: Наука, 1994. - 455 с.
143. Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти / Н.Н. Трубников. – М.: РПЭ, 1996. – 396 с.
144. Тюгашев Е. А. Философская ситуация времени: диффузия идентичности/ Е. А. Тюгашев// Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Вып. V. – Новосибирск: НГАЭиУ, 2003. – С. 76–84.
145. Уитроу Д. Естественная философия времени. /Д. Уитроу. – М.: Прогресс, 1964. -284 с.
146. Федотова В.Г. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса/ Г.В. Федорова.- М.:ИФРАН, 2010. – 274 с.
147. Федотова М. Г. Транзитивное общество: новые смыслы переходности/ М. Г. Федотова -Омск.: ОГУ, 1998. -432 с.

148. Философия М. Хайдеггера и современность. –М.: Наука, 1991. -253 с.
149. Фихте И. Г. Сочинения в 2-х томах / И.Т. Фихте — СПб.: Мифрил, 1993. — 1485 с.
150. Фресс П. Восприятие и оценка времени / П. Фресс// Экспериментальная психология.- Вып 6. –М.: Прогресс, 1978. –С.8-54.
151. Фромм Э. Здоровое общество/ Э.Фромм. -М.: Наука, 2009. -539 с.
152. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию/ Ф. Фукуяма. -М.: Наука, 2008. - 730 с.
153. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс. Неприкосновенный запас. –М.: Вестник, 2005. – С.40-41.
154. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // С. Хантингтон. -М.: Наука, 2003. -603 с.
155. Хасанов И. А. Время как объективно-субъективный феномен / И.А. Хасанов. — М. : Прогресс-Традиция, 2011. – 328 с.
156. Хайдеггер М. Бытие и время /Хайдеггер М. – М.:Наука, 2006. – 466 с.
157. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Хайдеггер М. – М.:Республика, 1993. – 447 с.
158. Хакимов Г.А. «Время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания/ Г.А. Хакимов // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 135-146.
159. Шимов Я. В. Россия на пороге XXI века: социально-политическая трансформация / Я. В. Шимов//Социс. . – № 5. – 2001 – С. 127-137.
160. Шиффман Х. Восприятие времени /Х. Шиффман.// Хрестоматия по исследованиям времени в психологии. Т. 1. - М.: Lennex Corp, 2012. – С. 59-64.
161. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность/ О. Шпенглер. -М.: Наука, 2007. -800 с.

162. Штомпка П. Социология социальных изменений // П.Штомпка. - М.: Аспект Пресс, 1996.-416с.
163. Штомпель Л.А. Лики времени/ Л.А.Штомпель. -Ростов н/Д: СПб, 1997. – 200 с.
164. Щютц А. Методология социальных наук / А. Щютц. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1049 с.
165. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации/ Т.Х. Эриксен. –М.: Весь Мир, 2003. -208с.
166. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. Сочинения в 4 т. — 1 т. — М. : Канон+, 2009. – 800с.
167. Юнг Г. Психологические типы / Г. Юнг. –М.: Харвест, 2006. -412 с.
168. Яковлев В.П. Социальное время /В.П. Яковлев. -Ростов н/Д.: РГУ, 1980. -160 с.
169. Ярская В.Н. Методология науки: время как метод/ В.Н.Ярская. Поволжский торгово-экономический журнал. –Поволжье:СГУ, 2011. –С.12-17.
170. Ясперс К. Смысл и назначение истории /К. Ясперс. -М.: Политическая литература,1991. -527с.
171. Adam B.Time / B.Adam. –Cambridge: Polity Press, 2004. – 372 p.
172. Adler E. Communitarian International Relations: The Epistemic Foundations of International Relations/ E. Adler.- London: Routledge, 2005. -336p.
173. Ainslie D.C. Hume’s Reflections on the Indentity and Simplisity of Mind. Philosophy and Phenomenological Research/ D.C. Ainslie.- Vol 62. –No 3.- 2001. –P.557-578.
174. Benthem J. What is Dialektical Logic/ J. Benthem //Erkenntnis. -1979, -vol.14, -P.333-347.
175. Bergess J. The Unreal Future / J. Bergess // Theory. -vol. 44 -1978. -p. 157-179.
176. Viceaga V. The Concept of Passivity in Husserl’s Phenomenology/ V. Viceaga. –London: New York: Springer, 2010. -220p.

177. Time and Time Again. Reports from a Boundary of the Universe. Supplements to The Study of Time/ J.T. Fraster–London: Leiden-Boston. - P.27-41.
178. Giesen B. Noncontemporality/ B. Giesen //Time and Society. vol 13. - P.27-41
179. Gurvitch G. The Spectrum of Social Time./ G. Gurvitch. -Dordrecht, 1964.
180. Hassard J. The Sociological of Time./ J. Hassard. - L.: Macmillan, 1990. – 342 p.
181. Hallpike C. Foundations of Primitive Thought/ C.Hallpike. - Oxford, England: Clarendon Press,1979. -328 p.
182. Husserl E. Analyses Concerning Passive and Active Synthesis: Lectures on Transcendental Logic/ E. Husserl. Dordrecht: Kluwer Academic Publ. -lxvii, 2001. - 659p
183. Knights D. Time, Self and Reified / D. Knights // Time and Society. - №2-3-2005- P27-40.
184. Laslett P. Social structural time: An attempt at classifying types of social change by their characteristic paces / P. Laslett // The rhythms of society - L.; N.Y.: Routledge. 1988. - P.17-36.
185. Leferve H. Rhuthmanalysis: Space, Time and Everyday Life / H. Leferve - London, New-York: Continuum, 2004. – P.112-126.
186. Molchanov V. Vremya I soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii / V. Molchanov. –Moscow:Nasledie Publ, 1998. -144p.
187. Schutz A.Collected Papers II: Studies in Social Theory / A. Schutz. – No 15.–The Hague:2006. – P.5-31.
188. Sorokin P.A. Merton R.K.Social Time: A Methodological and Functional Analysis / P.A. Sorokin.// American Journal of Sociology. - New York: The Free Press, 1937. -P.615-629.
189. Torre R.R. Time’sSocial Metaphors/ R.R.Torre.- No 2-3. -Tubingen: Time&Society, 2007. – P. 157-187.

190. Lewis J., Weigart A. The structures and meanings of social time / J. Lewis, A. Weigart // Social forces. .- Vol.60, N 2. - Baltimore: 1981 - P.432-462.
191. McTaggart J. M. E. The unreality of time / J. M. E. McTaggart.// The philosophy of time. — New York.: Oxford University Press Inc, 2009. – 302 p.
192. Newton-Smith W. The Structure of Time/ W. Newton-Smith. – London: 1980. -276 p.
193. Zahavi D. Self-awareness and Affection, Alterity and Facticity/ D. Zahavi. –Kluwer: Kluwer Academic Publ, 1998. –P.2005-228p.
194. Zahavi D. Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective / D. Zahavi. – Cambridge: MIT Press, 2006. -274p.